

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2025**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2>

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (226) 2025 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and
Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (226) 2025*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Чапны Е.В. Ю.А. Жданов о социальной природе фашизма 4

Chapny H.V. Yuri Zhdanov about the Social Origins of Fascism 4

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Антипова И.Г. Анализ социальных контекстов атрибуции знания: философия и психология в trading zones 15

Antipova I.G. Analysis of Social Contexts of Knowledge Attribution: Philosophy and Psychology in Trading Zones 15

Величко О.А. Интеграция фиджитал-игр в образовательный процесс как решение проблемы гиподинамии учащихся 23

Velichko O.A. Integration of Phygital Games into the Educational Process as a Solution to the Problem of Student Physical Inactivity 23

Ерошенко Т.И., Сорокин Г.В. Искусственный интеллект в коммуникации культурных общностей 28

Eroshenko T.I., Sorokin G.V. Artificial Intelligence in Communication of Cultural Communities 28

Парунова Ю.Д. Логические основания правовой аргументации 35

Parunova Yu.D. The Logical Foundations of Legal Argumentation 35

Сикилинда С.В. О культурно-философской интерпретации мужской идентичности в современном социуме 41

Sikilinda S.V. On the Cultural and Philosophical Interpretation of Male Identity in Contemporary Society 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Григорян Г. А. Роль армянских купцов Терзиевых в общественной и экономической жизни города Майкопа во второй половине XIX – начале XX века 45

Grigoryan G. A. The Role of the Armenian Merchants Terzievs in the Social and Economic Life of Maikop in the Second Half of the 19th - Early 20th Century 45

Миргородский А.В. Неизвестные страницы жизни Евгения де Вильнёва и его окружения 51

Mirgorodsky A.V. The Unknown Pages in the Biography of Eugene De Villeneuve and His Entourage 51

Невлад Ю.В. Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в Донбассе (1943–1953 гг.)	61
Петров А. С. Государственная политика в области народного просвещения на примере управления классическими гимназиями в XIX – начале XX века	68
Платонов Р.Д. Социальная деятельность предпринимателей Дербенёвых в годы первой русской революции	75
Снежко И. В., Казаров С. С. Эпирское землевладение Тита Помпония Аттика	85

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Казанцева О.Г., Семенцова И.А., Толопченко О.В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: исторический и сравнительно-правовой анализ	92
Паламарчук Е.А., Семенцова И.А. Ретроспектива уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в российском законодательстве	100

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Абдуллаев М.Н., Исмаилов М.-С.А. Ученый, историк-кавказовед, политолог, педагог (к 75-летию Валерия Дударовича Дзидзоева)	107
--	-----

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Кислицын С.А., Стариков Н.В. Евгений Николаевич Осколков – историк и учитель (к 100-летию со дня рождения)	111
---	-----

Nevlad J.V. Social Security for the Disabled of the Great Patriotic War in Donbass (1943-1953)	61
Petrov A.S. State Policy in the Field of Public Education on the Example of the Management of Classical Gymnasiums in the 19th – Early 20th Century	68
Platonov R.D. The Derbenevs Industrialist’s Social Activities During the First Russian Revolution	75
Sniezsko I.V., Kazarov S.S. Epirus Land Ownership of Titus Pomponius Atticus	85

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RELATIONS IN RUSSIA

Kazantseva O.G., Sementsova I.A., Tolopchenko O.V. Crimes Against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of Minors: Historical and Comparative Legal Analysis	92
Palamarchuk E.A., Sementsova I.A. Retrospective of Criminal Liability of Persons with a Mental Disorder that Does Not Exclude Sanity in Russian Legislation	100

OUR PERSONS

Abdullaev M.N., Ismailov M.-S.A. Scientist, Caucasus Historian, Political Scientist, Teacher (on the 75th Anniversary of Valery Dudarovich Dzidzoev)	107
---	-----

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Kislitsyn S.A., Starikov N.V. Evgeny Nikolaevich Oskolkov – Historian and Teacher (Dedicated to the 100th Anniversary of His Birth)	111
--	-----

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Научная статья

УДК 304.4

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-4-14>

Ю.А. ЖДАНОВ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ФАШИЗМА

Елена Владимировна Чапны

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

elena_chapny@mail.ru

Аннотация. Раскрывается участие Ю.А. Жданова в Великой Отечественной войне в составе 7-го отдела (отдел спецпропаганды) Главного политического управления Красной армии, который был создан в 1940 г. и в августе 1944 г. преобразован в 7-е управление ГлавПУРа РККА. Осмысляются события военных лет, фронтовые командировки, окружение и теоретические исследования Ю.А. Жданова, повлиявшие на его дальнейшее социокультурное осмысление фашизма, в том числе в современных модификациях. Актуализируются и систематизированно излагаются взгляды Ю.А. Жданова на природу, сущность и истоки фашизма с опорой на материалы, представленные в его мемуарах, а также в двух статьях 1945 г.: «Советский Союз спас цивилизацию Европы» и «Импералистическая сущность немецкого расизма».

Ключевые слова: научное наследие Ю.А. Жданова, Великая Отечественная война, фашизм, неофашизм, расизм, социальная природа фашизма

Для цитирования: Чапны Е.В. Ю.А. Жданов о социальной природе фашизма // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 4–14. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-4-14>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

YURI ZHDANOV ABOUT THE SOCIAL ORIGINS OF FASCISM

Helen V. Chapny

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

elena_chapny@mail.ru

Abstract. The article reveals the Yu.A. Zhdanov's participation in the Great Patriotic War as part of the 7th Department (special propaganda department) of the Main Political Directorate of the Red Army, which was created in 1940 and in August 1944 was transformed into the 7th Directorate of the Main Political Directorate of the Red Army. The article examines the events of the war years, front-line missions, the environment and theoretical research of Yu.A. Zhdanov, which influenced his further socio-cultural understanding of fascism, including in its modern modifications. The article updates and presents in a systematic way Yu.A. Zhdanov's views on the nature, essence and origins of fascism based on the materials presented in his memoirs, as well as two articles in 1945: "The Soviet Union Saved the Civilization of Europe" and "The Imperialist Essence of German Racism".

Keywords: scientific heritage of Yu.A. Zhdanov, the Great Patriotic War, fascism, neo-fascism, racism, social nature of fascism

For citation: Chapny H.V. Yuri Zhdanov about the Social Origins of Fascism. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):4-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-4-14>

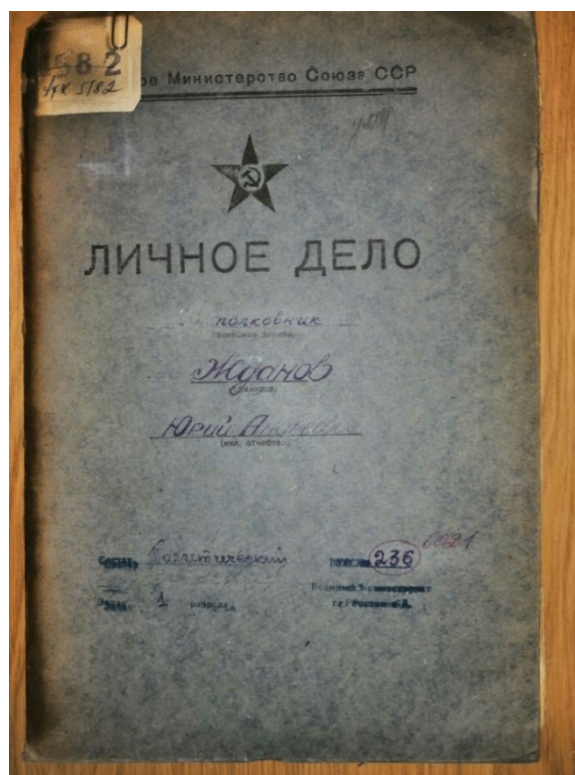
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Юрий Андреевич Жданов (1919–2006) был крупным ученым и выдающимся организатором науки Юга России, членом-корреспондентом Академии наук СССР, ректором Ростовского государственного университета, ветераном Великой Отечественной войны, председателем совета Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Его деятельность отмечена двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Дружбы народов, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени и другими наградами.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне философско-политологическое осмысление социальной природы фашизма имеет непреходящее значение. Поэтому анализ отражения этой темы в творчестве Ю.А. Жданова приобретает особую актуальность. Цель статьи состоит в уточнении, актуализации и систематизации его взглядов на социальную природу фашизма. Для реализации заявленной цели рассматриваются события военных лет, фронтовые командировки, окружение и теоретические исследования Ю.А. Жданова, оказавшие влияние на социокультурное осмысление фашизма. В статье систематизированно излагаются суждения Ю.А. Жданова относительно природы, сущности и истоков фашизма с опорой на материалы, представленные в его статьях 1945 г.: «Советский Союз спас цивилизацию Европы» [1] и «Империалистическая сущность немецкого расизма» [2], в которой вскрываются теоретические основы фашизма, а также в мемуарах «Взгляд в прошлое: воспоминание очевидца» [3, 4]. При работе использованы материалы из личного дела Ю.А. Жданова, хранящегося в военкомате Кировского района г. Ростова-на-Дону [5]. Материалы и фотокопии из личного дела публикуются впервые.

Идеи Юрия Андреевича о природе фашизма и его предотвращении также нашли свое отражение и развитие в IX Ждановских чтениях, проведенных Южным федеральным университетом 19 ноября 2016 г. В докладах и статьях участников всероссийской конференции неоднократно отмечались признаки оживления нацизма в наше время, а также многоликий характер фашизма как социального явления. Подчеркивалось, что, несмотря на кажущуюся изученность данной темы, в мире наблюдается тенденция к замалчиванию ряда вопросов, связанных с фашизмом и неофашизмом. Некоторые авторы [6, 7] пришли к выводу, что фашизм как наиболее общая категория в своих первоначальных формах проявляет свою сущность через радикальные и экстремистские попытки найти применение в правовом секторе политической жизни той или иной страны [8].

В диссертационном совете по философским наукам Северо-Кавказского научного центра высшей школы, который возглавлял Ю.А. Жданов, были защищены диссертации, посвященные критике современных (XXI в.) теорий фашизма. В качестве примера обратимся к основным положениям диссертации Г.Е. Давыдовой: «фашизм выжидает момента, не позволяя забыть о себе; в политической жизни его часто используют более мощные движения для собственного усиления. Спекуляции на идеологии фашизма превращают его в современный миф, имеющий мало общего с подлинной историей. Пропаганда этого мифа отрицательно влияет на культуру и

Личное дело Ю.А. Жданова из архива военного комиссариата Кировского района г. Ростова-на-Дону [5]

общественную жизнь любого общества. Очевидно, что это явление до сих пор имеет социальные и иные основания своего политического воспроизводства, и не исключена возможность его возрождения при определенных условиях» [9, с. 4]. В современной науке изучение фашизма отличается фрагментарностью и отсутствием целостной системы. Различные дисциплины анализируют это многогранное явление через призму собственных теоретических рамок и методов, что нередко приводит к противоречивым интерпретациям. В связи с этим возникает необходимость в разработке интегративного подхода, который позволил бы не только системно осмыслить феномен фашизма, но и выявить закономерности его трансформации в социуме, а также предложить механизмы воздействия на эти процессы. Схожие идеи встречаются и в исследовании С.В. Котова: «в современных европейских демократиях воспроизводится фашистская система идей, которая находит достаточно широкий слой сторонников (особенно в молодежной среде), и активно заявляют о себе неонацистские организационные структуры» [10, с. 14].

Р. Гриффин определяет фашизм как «палингенетический ультранационализм популистского типа» [11], стремящийся к радикальному переосмыслению устоявшихся ценностей. Идея устойчивого воспроизводства фашизма в культуре получает развитие в исследованиях Э. Грегора, где анализируется его природа и эволюция в формы неонацизма [12, 13]. Либеральные теории фашизма наиболее полно проанализированы в трудах Г. Кидворда, Г. Шульце и др.

В советской научной традиции фашизм и неонацизм долгое время интерпретировались как феномены, характерные исключительно для капиталистических государств. Их возникновение объяснялось глубинными кризисами капиталистической системы – экономическими потрясениями, идеологическим упадком западного общества и другими аналогичными факторами. Данная концепция основывалась на представлении о преемственности между классическим фашизмом 1920–1940-х гг. и неонацизмом, поскольку и тот и другой рассматривались как порождение острого системного кризиса капитализма. Подробный анализ социально-экономических и политических предпосылок фашизма в Европе содержится в трудах таких исследователей, как А.С. Бланк, В.А. Буханов, Ю.В. Галактионов, А.А. Галкин, В.И. Дашичев, Г.Л. Розанов, М.И. Семиряга, А.Н. Сидоров и др. Подобная интерпретация оставалась доминирующей в отечественной науке вплоть до конца 1980-х гг.

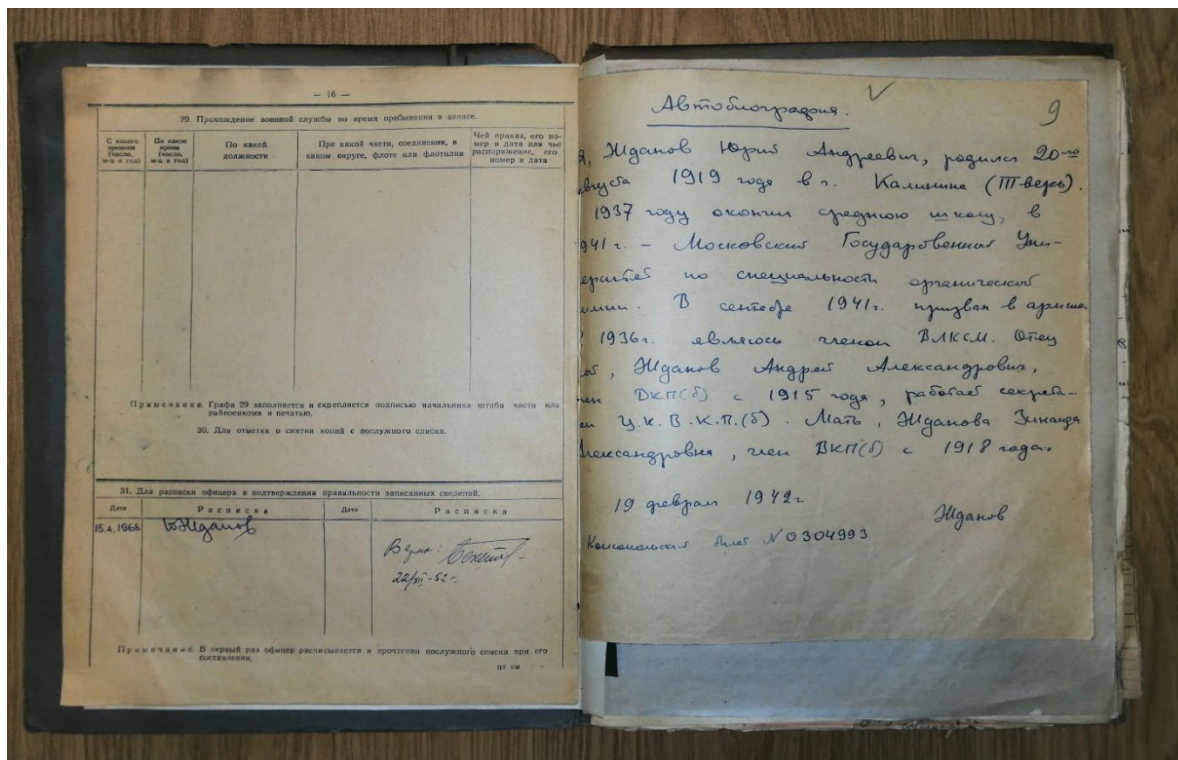
Отметим, что Ю.А. Жданов критиковал фашизм не только на основе общепринятых в XX в. принципов гуманизма, но и с точки зрения диалектического материализма. Тема неискоренимости нацистской идеологии раскрывается им через исследование методологических подходов фашизма, среди которых искажение данных современной науки и фальсификация истории.

Методологической основой нашего исследования выступил диалектический подход, позволивший раскрыть взаимосвязь между теоретическими воззрениями Ю.А. Жданова и их военно-историческим контекстом. В рамках работы применялись методы историко-философской реконструкции и системного анализа, что обусловлено междисциплинарным характером изучаемой проблемы. Особое внимание уделено влиянию фронтового опыта и круга общения Ю.А. Жданова на его концептуальное осмысление природы фашизма.

Ю.А. Жданов родился в 1919 г. в Твери. В 1934 г. в связи с назначением его отца, А.А. Жданова¹, секретарем ЦК ВКП(б) семья переезжает в Москву. Начало Великой Отечественной войны застало Юрия Андреевича на четвертом курсе химического факультета Московского государственного университета. Он был призван в ряды Вооруженных сил СССР [5, л. 9]. Весь курс обязали сдать экстерном выпускные экзамены (даже по тем предметам, которые практически не были пройдены). Всех студентов направили в военкомат.

Поскольку Ю.А. Жданов в совершенстве знал немецкий язык, его назначили на должность инструктора, а затем пропагандиста-литератора в 7-й отдел (отдел спецпропаганды) Главного политического управления Красной армии (создан в 1940 г. и в августе 1944 г. преобразован в 7-е управление ГлавПУРА РККА) в звании инженер-капитана (1943) и инженер-майора (1945) [5, л. 1].

¹ Андрей Александрович Жданов – видный государственный деятель, член политбюро ЦК ВКП(б), занимался вопросами идеологической работы, во время Великой Отечественной войны был одним из организаторов обороны Ленинграда. В Мариуполе (город носил имя А.А. Жданова в 1948–1989 гг.), на Георгиевской улице (где более 100 лет назад жила семья Ждановых по отцовской линии), вновь открыл двери для посетителей Музей А.А. Жданова. Теперь это филиал Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда в г. Мариуполе. 16.02.2025 состоялось открытие первой экспозиции, где воссоздан кабинет А.А. Жданова.

Автобиография Ю.А. Жданова, 1942 г. [5, л. 9]

Отделения 7-го управления ГлавПУРА РККА работали на всех фронтах. Его главной задачей было склонение солдат и офицеров вермахта к сдаче в плен, снижение боеспособности группировок противника. Отдел пропаганды этого управления возглавил М.И. Бурцев¹; политическое руководство осуществлялось Д.З. Мануильским, а затем выдающимся болгарским политическим деятелем Г.М. Димитровым. В 7-м управлении ГлавПУРА РККА функционировали два отдела: немецкий (под руководством полковника И.С. Брагинского) и отдел союзников Германии (руководитель полковник А.А. Самойлов).

С начала войны Ю.А. Жданов был призван в немецкий отдел. Именно в немецком отделе, в школе выдающегося востоковеда И.С. Брагинского, зародился интерес Ю.А. Жданова к философско-политическому осмыслению социальной сущности фашизма. Здесь же работали немецкий ученый, писатель и переводчик А. Курелла, чешский философ, марксист Э. Кольман и др. Ю.А. Жданова и И.С. Брагинского в дальнейшем свяжут не только служебные, но и крепкие дружеские отношения. О дружбе Ю.А. Жданова и руководителя отдела И.С. Брагинского писал зять последнего и известный востоковед В.Я. Файн [14].

Полковник И.С. Брагинский находился в рядах Советской армии с первых дней Великой Отечественной войны. Одним из наиболее известных «подопечных» И.С. Брагинского был генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, плененный в Сталинграде. В Германской Демократической Республике высоко ценили помощь, которую оказывал И.С. Брагинский созданному немецкими военнопленными на территории СССР Национальному комитету «Свободная Германия», а также его плодотворную работу по подготовке антифашистских кадров.

Благодаря его усилиям в работе 7-го отдела Главного политического управления Красной армии, а затем 7-го управления ГлавПУРА РККА принимали участие немецкие антифашисты Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт, который затем возглавил «Свободную Германию» и др. Уже тогда Ю.А. Жданов отмечал, как менялся тон пропаганды в первые месяцы войны.

¹ Михаил Иванович Бурцев возглавлял 7-й отдел Главного политического управления Красной армии с момента создания в звании полковника, звание генерал-майора получил в 1944 г., когда отдел стал 7-м управлением ГлавПУРА РККА [5, л. 13].

Наши агитаторы делали упор на листовки с надписями: «Немецкие рабочие! Вы наши братья по классу! Бросайте оружие, поворачивайте его против извергов капитала!» [3, с. 213]. Но «братья по классу» продолжали жечь русские (а также белорусские, украинские, еврейские и др.) села. Поэтому форму пропаганды пришлось менять. В состав одной из пропагандистских бригад, сформированных в начале января 1943 г., вошли 23-летний капитан Ю.А. Жданов, А. Курелла и четверо военнопленных: Ф. Аугустин, Ф. Гольд, Х. Кесслер и Р. Цвифельгофер. Всего в операции участвовало 80 агитаторов, в том числе 40 пленных немцев [15].

Ю.А. Жданов, 1941 г.

На формирование взглядов Ю.А. Жданова о природе и сущности фашизма большое влияние оказали многочисленные фронтовые командировки, описанные в его мемуарах: Ленинград (в период блокады, 1942 г.), Мелитополь, Никопольский плацдарм, Великие Луки (Великолуцкая пропагандистская операция – Калининский фронт, январь 1943 г.), Прибалтика, Будапешт, Дебрецен, Сомбатхей, Вена, Белград и др.

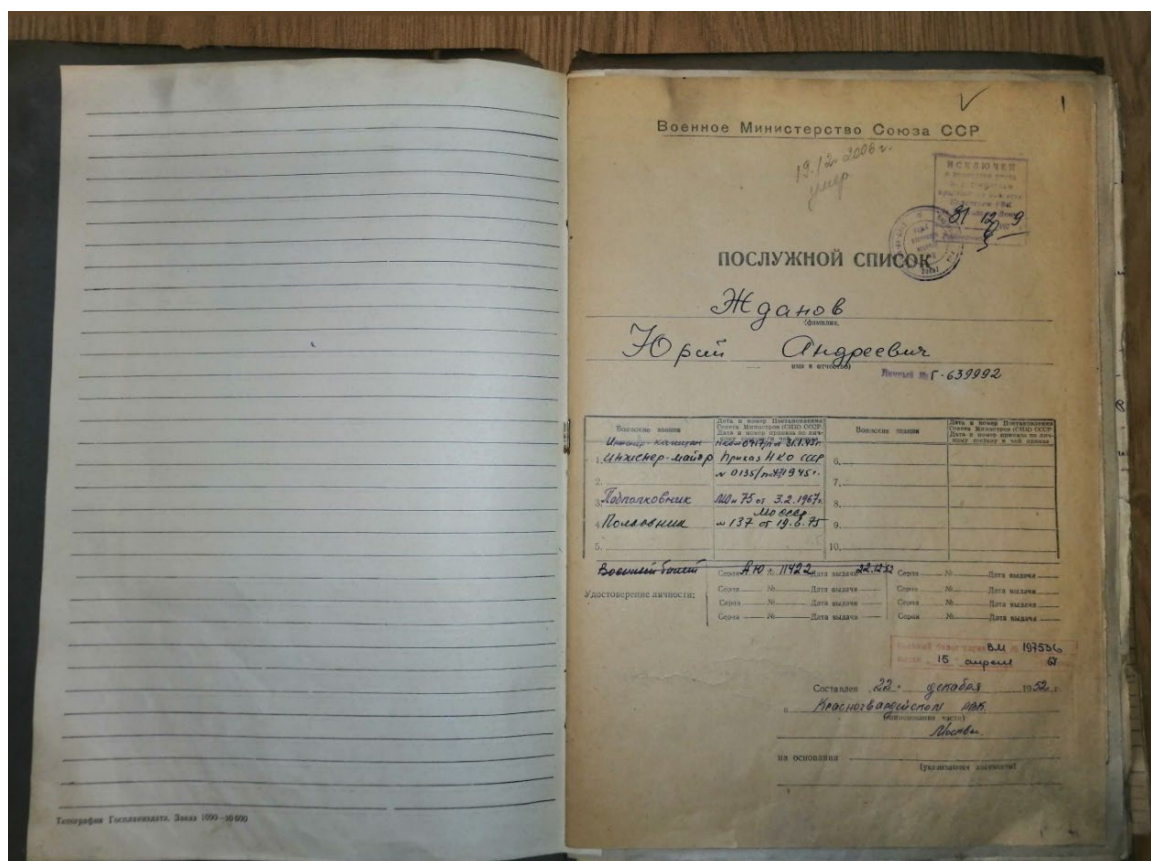
Ю.А. Жданов вспоминает: «Пришлось быть и под Великими Луками, где со скрытого в лесу аэродрома вылетали наши девушки на ночных бомбардировщиках в тыл врага, передавая партизанам необходимое довольствие, а также листовки для немецких солдат. Потом мимо поля под Прохоровкой, где еще стояли сотни сгоревших танков, фердинандов, транспортеров, машин, пушек. Довелось быть в Харькове и далее на Днепре, напротив Хортицы, где еще сидели немцы, на Никольском плацдарме, в освобожденном Днепропетровске. Зимой была Прибалтика: Елгава, Рига, Вицмуйже, Колнмуйже, Ауце, Тукумский плацдарм, где прочно сидели немцы» [3, с. 214].

В мае 1942 г. Ю.А. Жданов получил поручение лететь в Ленинград, где находились его отец и мать. Юрий Андреевич описывает увиденное там: «После трагической голодной зимы трудом оставшихся обессилевших людей город приведен в порядок: убраны мусор, грязь, обломки разбомбленных домов. В центре открылось зеленое чудо. Марсово поле превращено в гигантский огород» [16, с. 5]. Выполняя служебные поручения, Ю.А. Жданов изучает работу мощных громкоговорящих установок, ведущих пропаганду среди вражеских солдат на плацдарме Невской Дубровки у Пулковских высот. В это же время он знакомится с командующим Ленинградским фронтом, будущим маршалом Советского Союза Л.А. Говоровым.

В блокадном Ленинграде Юрия Андреевича удивила напряженность духовной жизни: выступления по радио Ольги Берггольц, открытие публичной библиотеки, подготовка новой симфонии Дмитрия Шостаковича, посвященной блокаде Ленинграда.

Подробно описывает и анализирует Юрий Андреевич и «темные силы», которые были не только на передовой, но и в тылу. Например, ликвидацию диверсионной группы, выполнявшей задачу взорвать дорогу, связывающую Ленинград с Ладогой. В этой группе оказался русский, взятый немцами в плен еще под Новгородом и прошедший соответствующую подготовку. Его привели в Смольный к А.А. Жданову. Там диверсанту стали объяснять злодейский характер его действий, рассказывать о страданиях горожан, гибели людей от голода, разрушении памятников культуры. Но в ответ А.А. Жданов лишь услышал от диверсанта, что сам он «нездешний». Этот ужасный ответ Андрей Александрович прокомментировал так: «У него не было воспитано чувство Родины, понимания ответственности за Отечество. Увы, “нездешних” оказалось много, и в более поздние времена...» [16, с. 8]. Позднее Ю.А. Жданов, вспоминая эту поездку, напишет: «Размышляя о судьбах великого города на Неве, все время останавливаюсь на мысли о его героической трагедии, о бессмертном всемирно-историческом подвиге ленинградцев» [16, с. 8].

Весной 1945 г. командование приказало Ю.А. Жданову лететь в Венгрию. Полет проходил на военно-транспортном самолете С-47 «Дуглас», перевозившем временный гипсовый памятник генералу Ватутину, который был убит украинскими националистами. Памятник выгрузили в Киеве, затем полетели дальше в Дебрецен. Отсюда их группа вслед за армией совершила поход по маршруту: Будапешт – Сомбатхей – Секешфехервар – Балатон – Винер-Нейштадт – Вена, где и застал их великий день окончания войны.

Послужной список Ю.А. Жданова [5, л. 1]

Ю.А. Жданов отмечал, что наступление Дня Победы было ощутимо. Под траурный марш из Третьей героической симфонии Бетховена по радио сообщили, что Гитлер пал в Берлине. Юрию Андреевичу было непонятно, как можно отпевать Гитлера музыкой великого гуманиста Бетховена. Это вдохновило его на публикацию 9 мая 1945 г. статьи «Советский Союз спас цивилизацию Европы» [1]. В ней подчеркивается величие подвига советского народа и приводится подробная характеристика нацизма. Важно обратиться к основным идеям этой работы, которые раскрывают деятельность Ю.А. Жданова в годы Великой Отечественной войны не только как военнслужащего, но и как глубокого исследователя: «История человечества знает немало эпох, когда под ударами варварских орд опустошались обширные культурные регионы... Однако никогда угроза гибели цивилизации не была так велика, как во время нацистского господства в Германии. Нацисты ненавидели свободу и прогресс, объявили войну всем духовным завоеваниям человечества... Поистине, мир еще не видел подобного падения! Нацисты украли у человечества технические достижения, чтобы обернуть их против человечества... Ужасы Апокалипсиса, дантов ад – все бледнеет перед Майданekom и Освенцимом, Бухенвальдом и Дахау. Но в мире нашлась сила, которая оказалась способной положить конец гитлеровскому кошмару. Этой силой стал Советский Союз. Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков» [3, с. 218–219].

Детальное изучение работ нацистских идеологов, ужасы войны, с которыми Ю.А. Жданов столкнулся во время фронтовых командировок, работа с антифашистами и диверсантами,

встречи с представителями военной интеллигенции, наконец, совместная работа и большая крепкая дружба с И.С. Брагинским стали источником философско-политического осмысления природы фашизма и формирования идеи социальной сущности немецкой идеологии в его научном наследии.

Обратимся к истокам формирования взглядов Ю.А. Жданова на природу и сущность фашизма. В самом начале работы в 7-м отделе спецпропаганды ГПУ КА 21-летнему выпускнику химического факультета МГУ Ю.А. Жданову пришлось вникать в суть нацистской идеологии, знакомясь с работами Розенберга и Гитлера, Гобино и Гиммлера и др. Уже тогда он столкнулся с проблемой объединения генетики и расизма: «Но обосновывая расизм, фашистские идеологи опирались не только на труды и высказывания Гобино, Чемберлена, Дизраэли, Шопенгауэра, Ницше, Вольсмана. Они широко цитировали работы Менделя, Весмана, Иогансена, Чермака Корренса, де Фриза, тем самым сочетая и сращивая в сознании людей современную генетику с расизмом» [3, с. 243]. В этой связи Юрий Андреевич предпринял попытку «отделить зерна от плевел» и представить детальный анализ такого явления, как расизм. В 1945 г. он опубликовал статью «Империалистическая сущность немецкого расизма» [2], в которой обращался к теоретическим основам расизма.

В своем анализе нацистской идеологии Ю.А. Жданов выявляет ее сущностные характеристики через критическое осмысление методологических оснований фашизма. Центральное место в его исследовании занимает проблема сознательного искажения научных данных и систематической фальсификации исторического процесса в фашистской парадигме. Особую критику Жданова вызывает методологическая несостоятельность подходов, где затемняется подлинная природа фашизма, а строгий научный анализ подменяется, по его выражению, «терминологическим блудом» – поверхностным оперированием понятиями без их содержательного наполнения. Такой подход, по мнению исследователя, не только затрудняет понимание феномена фашизма, но и создает предпосылки для его концептуальной реабилитации.

На протяжении многих лет Ю.А. Жданов неоднократно возвращался к этой теме, углубляя понимание корней, социальной природы, истоков и направленности фашистской идеологии. Его цель – развенчать социальные мифы нацизма и раскрыть его глубинную сущность. В своих поздних работах Ю.А. Жданов неоднократно отмечал признаки оживления нацизма в наше время, а также многоликий характер фашизма как социального явления. Обратимся к его основным идеям относительно природы и сущности немецкого фашизма в работах послевоенных лет.

Изучая и анализируя работы нацистских авторов (Доберс, Блаас, Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Гросс, Клагес, Баур, Фишер, Ленц и др.), Ю.А. Жданов отмечает, что у каждого из них свое собственное определение расы, а их пригодность или непригодность решается лишь вопросом целесообразности. По его мнению, не научность, а именно целесообразность того или иного политического режима становится определяющим фактором в трактовке расы. Тем, кто «заказывал» расистскую теорию, нужна была хоть какая-то «научная аргументация». Характеризуя вождя нацизма, Ю.А. Жданов утверждает, что Гитлер довел расовую теорию до крайности, превратив ее в фундамент своей идеологии. Диктатор нацистской Германии не ограничился теоретическими рассуждениями, а активно воплощал расистские принципы в политической практике, призывая к тому, что «нацистское государство “должно поставить расу в центр общественной жизни”. Он требовал, чтобы “венцом школьной и воспитательной работы государства было внедрение инстинктивного расового чувства в мозг и сердце юношества”» [2, с. 20].

Нацизм пытался искоренить из массового сознания рациональное, научное, объективное понимание происходящего. Как справедливо отмечал Ю.А. Жданов, «этим определялись методы и формы гитлеровской пропаганды: “Нам нужны не знания, а волевой инстинкт”, – заявлял Гитлер. “Подлинный национал-социализм есть инстинкт, а не знание”, – повторял Геббельс» [4, с. 207]. Идеологи нацизма оперировали целым набором рекомендаций практического характера относительно возможных способов воздействия на людей. Все они были связаны со сбрасыванием «научного балласта» и обращением к чувству толпы, к доводам чувств, а не разума. Задача пропаганды – это не поиск объективной истины и не обращение к разуму, а игра на эмоциях

и чувствах. Природа фашистской пропаганды – вопли, крик, доказательство правоты любыми средствами.

Ю.А. Жданов исследует причины, по которым германские промышленники сделали расистскую идеологию одним из ключевых инструментов борьбы. Нацистская идеология в Германии возникла как следствие союза между немецкими капиталистами, пострадавшими после поражения в Первой мировой войне и стремившимися к реваншу, и такими амбициозными лидерами, как Розенберг и Гитлер, которые жаждали власти. Утратив контроль над морскими территориями, они разработали новую стратегию – создание колоний в самой Европе, что стало основой их экспансионистской политики. «Колониальная Европа явилась бы в таком случае, по замыслу Гитлера, первым этапом на пути Германии к мировому господству» [2, с. 20]. Для реализации плана порабощения европейских народов требовалась как мощная армия, так и массовая идеология, оправдывающая эти действия. Такой идеологией стал расизм. Семена расизма упали на благоприятную почву: идеи быстрого обогащения и превосходства немцев над всеми другими народами были охотно восприняты немецким мещанством. На протяжении многих лет простых немцев настойчиво знакомили с содержанием нацистских учебников, книг и брошюр. С горечью Ю.А. Жданов пишет: «Как ни противно разбираться в этих “исследованиях”, вникать в этот отвратительный бред, приходится это делать не только для того, чтобы осознать всю глубину падения, разложения, одичания гитлеровской Германии, но потому, что и поныне существуют очаги и рассадники расизма, потому, что необходимо бороться с этой заразой, не устывая разоблачать людоедскую, глубоко реакционную суть расизма» [2, с. 27].

Среди ключевых методов, используемых теоретиками нацизма, он выделяет следующие:

1. *Искажение данных современной науки в сочетании с элементами мистицизма.* Ю.А. Жданов утверждает, что подобные подходы отбрасывают человеческое мышление в прошлое, возвращая его к примитивным и устаревшим представлениям. «Вся гитлеровская идеология пронизана стремлением остановить познание мира, для чего и искажаются объективные данные антропологии, биологии, истории, археологии, языкознания – всей человеческой науки» [2, с. 27].

2. *Фальсификация истории.* По его мнению, расисты, изображая всю историю борьбы рас, тщетно представляли «нордическую» расу творцом всех культур на земле. На деле же нацисты объявили войну идее гуманизма и равноправия народов, пытаясь уничтожить национальные культуры русских, чехов, поляков, сербов и других народов. В своем стремлении обосновать расовую теорию Гитлер и Розенберг набросились и на этику, и на идеологию афинской демократии, и на французских просветителей.

Как отмечает Ю.А. Жданов, «никто не дал фашизму более точного определения, чем герой Лейпцигского процесса Георгий Димитров. Фашизм – “открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала”» [4, с. 212]. Внутренней задачей фашизма ученый называет обеспечение сохранности и безопасности капиталистической системы. Внешняя задача – уничтожение угрозы капиталу со стороны Советского Союза и оккупация новых территорий. Но глубинную сущность фашизма он видит в «попытке повернуть вектор истории вспять, увековечить “грабительскую фазу” истории, истребить общечеловеческие ценности гуманизма и культуры» [17, с. 47].

Фашизм, согласно трактовке Ю.А. Жданова, представляет собой особую форму власти крупного капитала, возникшую в XX в. Его фундаментом служит частная собственность, укрепление иерархии господства и подчинения, а также систематическое применение насилия. Немецкий капитал, промышленные магнаты в январе 1923 г. в Дюссельдорфе с энтузиазмом встретили обещания Гитлера искоренить идеи марксизма в Германии. Гитлера привели к власти крупные промышленники. Неудивительно, что на оккупированных территориях гитлеровцы оперативно проводили политику приватизации. Ю.А. Жданов вспоминает поездку в освобожденный от немцев Мариуполь осенью 1943 г.: «Оказывается, во время оккупации города нацисты вернули работавший там трубный завод компании Манкемак, которая владела им до революции. С первых дней оккупации развернулась приватизационная грызня. Партайгеноссе Плейгер волком смотрел на партайгеноссе Круппа, который хотел захватить заводы и Краматор-

ска, и Макеевки, и Мариуполя» [4, с. 214]. Одновременно с этим массово сносили скульптуры и памятники, хранящие в себе национальную культурную память. Это было частью нацистского плана.

Согласно речи от 20 июня 1941 г. уполномоченного Гитлера по оккупации Розенберга: «Задача наша... выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы». При этом намечается создать Великую Финляндию, отсечь Прибалтику ... Украину с ЦЧО, Воронежем и Саратовом, и весь Кавказ» [4, с. 209].

На многонациональном Кавказе задачу идеологов Гитлера Ю.А. Жданов видел в том, чтобы разжечь противоречия между народами, а пропаганда должна была способствовать распаду Советского Союза на отдельные государства.

Ю.А. Жданов справедливо указывал, что в современных условиях угроза фашизма может проявиться в полной мере только в том случае, если политика начнет тесно переплетаться с интересами быстро обогащающихся слоев новой буржуазии и мирового капитала. Идеологи капитализма не заинтересованы в объективном анализе фашизма, потому что «нельзя защитить современный капитализм, если справедлив тезис, что фашизм является его продуктом» [4, с. 214]. Он исходил из того, что фашизм способен одеваться в разные одежды и скрываться за различными масками, оправдывая свои насильственные действия красивыми лозунгами. Однако при всем многообразии форм сущность его не меняется и отражает реакционные стороны общественного бытия. Это проявляется в насилии, стремлении к установлению господства, национализме, переходящем в расизм, а также в злобе, жестокости и активизации низменных инстинктов, таких как зависть и жажда мести. Среди причин подобных человеческих злодеяний Ю.А. Жданов называет прежде всего невежество (подчас обладающее «демонической силой»), отсутствие внутренней культуры, алчность и агрессию. В этом он усматривал общую социальную базу: «Социальная природа фашизма является общей для всего мира частной собственности: национал-социалистическая рабочая партия стоит на почве частной собственности» [4, с. 211]. Ю.А. Жданов был уверен, что до тех пор, пока не удастся полностью устранить благоприятную социальную базу, фашизм способен давать о себе знать в самых разных уголках нашей планеты. Все эти явления, составляющие «родовую природу фашизма», нередко идут рука об руку с разумом и человеколюбием, как два противоположных полюса одной и той же социальной реальности, как свет и тени [18, с. 5–6].

Взгляды Ю.А. Жданова находят подтверждение в современных исследованиях фашизма и неофашизма, где подчеркивается, что «причины живучести фашизма коренятся в духовных исканиях и стремлениях достаточно широких слоев общества, которые провоцируются постоянным фоном социальной напряженности и риска, вызванных современными глобальными процессами. В этих условиях вновь актуализируются стремления к традиционализму, поиску устойчивых оснований бытия, эзотерико-мифологическим способам объяснения действительности» [10, с. 14]. Фашизм представляет собой концентрированное воплощение указанных характеристик. Его идеология обладает уникальной способностью адаптироваться к различным социальным слоям, беспринципно используя для своего обоснования любые доступные интеллектуальные ресурсы: в науке – апеллируя к вульгаризированным версиям социального дарвинизма и расистским антропологическим теориям; в философии – эксплуатируя отдельные положения нищезанятия о сверхчеловеке; в сфере иррационального – обращаясь к оккультным практикам; в политической теории – создавая мифологему «идеального государства» [9, с. 7–8].

Философско-политическая концепция фашизма, разработанная Ю.А. Ждановым, сохраняет особую актуальность в современном контексте. Она позволяет осуществить диалектический анализ парадоксов цивилизационного развития, где империалистический расизм сосуществует с высшими достижениями человеческого духа. Эта методологическая перспектива раскрывает антиномичность исторического процесса, в котором одна и та же культурная традиция способна породить как «тьму фашизма», так и «свет гения Бетховена» – трагическое единство противоположностей в лоне европейской цивилизации.

Идеологическая деятельность Ю.А. Жданова в годы Великой Отечественной войны, а также философско-политологическое осмысление социальной сущности фашизма преподносят урок: чтобы отличить свет от тени, добро от зла, необходимо всячески содействовать объединению

науки и демократии, знания и творческого труда с целью преодоления социальной базы человеческих пороков, в том числе «демонической силы невежества». Взгляд Ю.А. Жданова на природу, сущность, истоки и характерные особенности фашизма не теряет своей актуальности и в настоящее время при осмыслении многообразия проявлений неофашизма и русофобии. Остается надежда, что человечество сможет извлечь уроки из прошлого и настоящего, укрепив тем самым принципы гуманизма и справедливости в будущем.

Список источников

1. Жданов Ю.А. Советский Союз спас цивилизацию Европы // Избранное : в 6 т. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. Т. 3. С. 9–12.
2. Жданов Ю.А. Империалистическая сущность немецкого расизма // Избранное : в 6 т. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. Т. 3. С. 12–41.
3. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 448 с. EDN: QOWRCN.
4. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. 2-е изд., доп. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2019. 452 с.
5. Личное дело Ю.А. Жданова // Архив военного комиссариата Кировского района г. Ростова-на-Дону. № 1582.
6. Таланов В. М. Фашизм как поругание разума // О фашизме и его предотвращении : материалы IX Межрегион. науч. конф. «Ждановские чтения» (Ростов-на-Дону, 19 ноября 2016 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. С. 69–83. EDN: ZDVZCN.
7. Тикиджьян Р. Г. Влияние фашистской идеологии в среде казачества накануне и в период Второй мировой и Великой Отечественной войны // О фашизме и его предотвращении: материалы IX Межрегион. науч. конф. «Ждановские чтения» (Ростов-на-Дону, 19 ноября 2016 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. С. 48–61. EDN: ZIUNIB.
8. О фашизме и его предотвращении : материалы IX Межрегион. науч. конф. «Ждановские чтения» (Ростов-на-Дону, 19 ноября 2016 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. 160 с. EDN: ZDVPBT.
9. Давыдова Г.Е. Философско-антропологические основания европейского фашизма: классическая и современная формы: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2005. 172 с.
10. Котов С.В. Неофашизм как политический феномен современности: философско-политические истоки и концептуальный генезис : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д., 2011. 50 с.
11. Griffin R. The Nature of Fascism. London: Pinter, 1991. 246 p.
12. Gregor A.J. The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science. New York: Cambridge University Press, 2006. 306 p.
13. Gregor A.J. The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 2000. 256 p.
14. Файн В.Я. Полковник И.С. Брагинский и майор Ю.А. Жданов. Дружба, скреплённая войной. URL: https://library.lib.sfedu.ru/media/source/Прикрепленные%20файлы/zhdanov_braginsky.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
15. Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. 320 с.
16. Жданов Ю.А. В блокадном Ленинграде // Избранное : в 6 т. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. Т. 3. С. 3–9.
17. Жданов Ю.А. Социальная природа фашизма // Избранное : в 6 т. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. Т. 3. С. 42–62.
18. Жданов Ю.А. Тени и свет минувшего. Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2015. 152 с.

References

1. Zhdanov Yu.A. The Soviet Union saved the civilization of Europe. *Selected works*: in 6 vols. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation; 2019;3:9-12. (In Russ.).
2. Zhdanov Yu.A. The imperialist essence of German racism. *Selected works*: in 6 vols. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation; 2019;3:12-41. (In Russ.).

3. Zhdanov Yu.A. *A look into the past: memoirs of an eyewitness*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2004. 448 p. (In Russ.). EDN: QOWRCN.
4. Zhdanov Yu.A. *A look into the past: memoirs of an eyewitness*. 2nd ed., suppl. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University; 2019. 452 p. (In Russ.).
5. Personal file of Yu.A. Zhdanov. *Archive of the Military Commissariat of the Kirov District of Rostov-on-Don*. No. 1582. (In Russ.).
6. Talanov V. M. Fascism as an outrage on reason. *On fascism and its prevention*. Proceedings of the 9th Interregional scientific conf. "Zhdanov readings" (Rostov-on-Don, 19th November 2016). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2017:69-83. (In Russ.). EDN: ZDVZCN.
7. Tikidzhyan R.G. The influence of fascist ideology among the Cossacks on the eve of and during the Second World War and the Great Patriotic War. *On fascism and its prevention*. Proceedings of the 9th Interregional Scientific Conference "Zhdanov readings" (Rostov-on-Don, 19th November 2016). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2017:48-61. (In Russ.). EDN: ZIUHIB.
8. *On fascism and its prevention*. Proceedings of the 9th Interregional Scientific Conference "Zhdanov readings" (Rostov-on-Don, 19th November 2016). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2017. 160 p. (In Russ.). EDN: ZDVPBT.
9. Davydova G.E. *Philosophical and anthropological foundations of European fascism: classical and modern forms*. PhD Thesis. Rostov-on-Don, 2005. 172 p. (In Russ.).
10. Kotov S.V. *Neo-fascism as a political phenomenon of modernity: philosophical and political origins and conceptual genesis*. Abstract of PhD Thesis. Rostov-on-Don, 2011. 50 p. (In Russ.).
11. Griffin R. *The Nature of Fascism*. London: Pinter; 1991. 246 p.
12. Gregor A.J. *The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science*. New York: Cambridge University Press; 2006. 306 p.
13. Gregor A.J. *The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century*. New Haven: Yale University Press; 2000. 256 p.
14. Fain V.Ya. *Colonel I.S. Braginsky and Major Yu.A. Zhdanov. Friendship, Bonded by War*. Available from: https://library.lib.sfedu.ru/media/source/Прикрепленные%20файлы/zhdanov_braginsky.pdf [Accessed 10th March 2025]. (In Russ.).
15. Burtsev M.I. *Insight*. Moscow: Military Publishing House; 1981. 320 p. (In Russ.).
16. Zhdanov Yu.A. In besieged Leningrad. *Selected works*: in 6 vols. Rostov-on-Don: Science and Education Fund; 2019;3:3-9. (In Russ.).
17. Zhdanov Yu.A. Social nature of fascism. *Selected works*: in 6 vols. Rostov-on-Don: Science and Education Fund; 2019;3:42-62. (In Russ.).
18. Zhdanov Yu.A. *Shadows and light of the past*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2015. 152 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Чапны – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the author

H.V. Chapny – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy and Social and Political Science, SFedU.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 159.9.018
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-15-22>

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТЕКСТОВ АТРИБУЦИИ ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ В TRADING ZONES

Ирина Геннадьевна Антипова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
igantipova@sfedu.ru

Аннотация. Проводится анализ проблем социальной эпистемологии в таком направлении, как контекстуальность атрибуции знания, и возможности при этом диалога философии и психологии. Усиливаясь цифровизацией, расширяется производство знаний. Передача и использование их осуществляются в беспрецедентном объеме и с недостижимой для нецифровых культур скоростью. Наиболее актуальным становится выяснение условий атрибуции знания. Проблемы истинности высказываний о том, что человеку в каких-то фиксированных обстоятельствах можно приписать некое знание, анализируются в ключе эпистемического контекстуализма, оцениваемого в качестве философского мейнстрима. Но, несмотря на то что отечественная педагогическая психология разрабатывает проблемы оценивания знаний учащихся, эпистемический контекстуализм остается для нее terra incognita. Рассматриваются возможности открытого диалога между философскими исследованиями атрибуции знания и отечественной педагогической психологией. При этом используется методология trading zones – выяснение медиативных объектов, проблем и условий коммуникации. Выявлено, что рецепция идей эпистемического контекстуализма как открывает перед отечественной педагогической психологией перспективы, так и подсвечивает значимые ограничения реализации методологической программы контекстуализма. Анализ опыта исследования знания в педагогической психологии сможет расширить философские исследования.

Ключевые слова: философия, эпистемология, педагогическая психология, trading zones, знание, атрибуция знания, контекст, эпистемический контекстуализм, учебная деятельность, деятельность

Для цитирования: Антипова И.Г. Анализ социальных контекстов атрибуции знания: философия и психология в trading zones // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 15–22. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-15-22>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ANALYSIS OF SOCIAL CONTEXTS OF KNOWLEDGE ATTRIBUTION: PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY IN TRADING ZONES

Irina G. Antipova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
igantipova@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the problems of social epistemology in such direction as the contextuality of knowledge attribution and the possibilities of a dialogue between philosophy and psychology. With increasing digitalization, knowledge production is expanding. The transfer and use of knowledge are carried out at an unprecedented volume and at a speed unattainable for non-digital cultures. The most pressing is-

sue is finding out the conditions of knowledge attribution. The problems of the truth of statements that a person in some fixed circumstances can be attributed to some knowledge are analyzed in the context of epistemic contextualism, which is assessed as the philosophical mainstream. But, despite the fact that domestic educational psychology is developing problems of assessing students' knowledge, epistemic contextualism remains terra incognita for it. The possibilities of an open dialogue between philosophical studies of knowledge attribution and domestic educational psychology are considered. The analysis is carried out using the trading zones methodology – as clarification of mediation objects, problems and conditions of communication. It has been revealed that the reception of ideas of epistemic contextualism opens up both prospects and significant limitations for the implementation of the methodological program of contextualism for domestic educational psychology. Analysis of the experience of studying knowledge in educational psychology will be able to expand philosophical research.

Keywords: philosophy, epistemology, educational psychology, trading zones, knowledge, knowledge attribution, context, epistemic contextualism, educational activity, activity

For citation: Antipova I.G. Analysis of Social Contexts of Knowledge Attribution: Philosophy and Psychology in Trading Zones. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):15-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-15-22>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Отличительным признаком современной эпохи, эффективным инструментом, ценностью, социальным капиталом и основанием социальной стратификации стало знание. Усиливаясь цифровизацией, расширяются производство, трансляция, применение знаний в разных сферах жизнедеятельности. Становится актуальной проблемой исследования и насущной практической необходимостью выяснение условий приписывания знания. Эпистемический контекстуализм (ЭК) анализирует условия истинности высказываний о том, что субъект имеет некое пропозициональное знание. Актуальные проблемы данного направления обсуждают авторитетные зарубежные философы [1–7]. Публикации в рейтинговых журналах и значительное число цитирований, престижные конференции и грантовая поддержка говорят о безусловной значимости разработки этой области исследования знания. Актуальность ЭК как мейнстрима современной философской мысли оценивается весьма высоко [4].

Знание является предметом междисциплинарного анализа, но психология в анализ условий атрибуции знания не включена с активностью, соразмерной актуальности проблем. Это объяснимо: в психологии нет ни задач, ни методов философской рефлексии условий атрибуции знания. Стремления психологов выдвинуть обобщения философского уровня скептически расцениваются философами, не забывшими критику психологизма со стороны Э. Гуссерля.

Однако это контрастирует с большим опытом анализа знания, накопленным педагогической психологией в русле задач по организации учебной деятельности. Но даже в эпоху расширения междисциплинарных исследований, сосредоточенных на неких общих предметах, найти условия для прямого диалога ЭК с отечественной педагогической психологией затруднительно. Перспективнее, видимо, взаимное уточнение формулировок проблем и создание условий для проведения более точных различий. Является эта возможность зоной обмена, небесполезной для участников, но не предполагающей совпадений методологических позиций. Не находя единства науки в протокольных предложениях позитивистов и не останавливаясь на антипозитивистской критике, П. Галисон [8] предложил рассматривать коммуникацию между различными дисциплинами в специфических зонах обмена – trading zones (TZ). Термин он нашел в исследованиях антропологов, наблюдавших за тем, как племена вступают в торговый обмен и вырабатывают специальный пиджин в качестве инструмента прагматической коммуникации. П. Галисон приступил к исследованию коммуникации между физиками, тогда как современные философы усматривают более широкий и не ограниченный только прагматической позицией эпистемологический смысл TZ.

Включение психологии в TZ для оценки проблем атрибуции знания предполагает рефлексивный анализ собственных позиций и освоение актуальных проблематизаций ЭК. Это –

осмысление того, что возможно выложить в «торговую зону» и освоить в позиции оппонентов. Цель – не дать готовый и останавливающий мысль ответ, но создать повод для полезных рефлексивных дистинкций.

Учитывая, что исследования ЭК не освоены педагогической психологией, а философский анализ знания в ЭК не включает значительного опыта осмысления психологического деятельностного подхода к анализу оснований производств и оценивания знания, можно предложить три основных направления исследования: 1) выяснение условий диалога философов и психологов в сфере контекстуализации стандартов атрибуции знания; 2) уточнение перспектив контекстуального анализа атрибуции знаний, открывающихся перед отечественной педагогической психологией в русле диалога с ЭК; 3) прояснение возможности отечественной педагогической психологии предложить анализ деятельностных аспектов атрибуции знания для расширения исследований ЭК.

В этой статье рассматривается второе из выдвинутых направлений, другие планируется проанализировать в последующих работах.

Задачи статьи: 1) учитывая новизну тематики, рассмотреть перспективы и ограничения ЭК как методологической программы контекстуализма и релевантность открывающихся возможностей контекстуальных исследований атрибуции знания для психологии; 2) проанализировать возможность отечественной педагогической психологии вступить в TZ с ЭК, что предполагает нахождение медирующих объектов.

Методологический ориентир анализа – программные философские работы Л. А. Микешиной [9], сосредоточенные на трезвом пересмотре классических категорий и методов, не отказывающемся от классической рациональности и истины как ценностного идеала, а также программа социальной эпистемологии И.Т. Касавина [10]. Кроме того, учитываются и предыдущие авторские исследования контекстуальности производства научных знаний [11].

Эпистемический контекстуализм: обзор центральных проблем исследований и анализ их значения для педагогической психологии

ЭК оказался в центре внимания в связи с продвижением к прагматике и анализом проблем скептицизма.

Вызовом семантике стала идея Л. Витгенштейна, что значение слов зависит от контекстов коммуникации. Так, прагматика, исследующая изменения значений в зависимости от контекстов – условий, задач, установок коммуникантов, получила возможность преобладать над семантикой [12]. Например, значение, приписываемое таким словам, как «высокий», «ровный», зависит от стандарта оценки. В частности, на улице баскетболист будет оцениваться как человек высокого роста, тогда как тренер сборной по баскетболу применяет более строгий стандарт и считает этого человека «невысоким». Философы, признавая интересными эти лингвистические штудии, предлагают их отличать от исследований в ЭК. В последнем обсуждается зависимость слова «знать» от стандартов, включаемых в контекст. К. Дероуз, сформулировавший ставшие классическими кейсы, указал на зависимость атрибуции (приписывания) знания от строгости эпистемического стандарта. Герой кейса отправляется в банк для погашения чека в пятницу. Но банк переполнен посетителями. Вспомнив, что тот работал в какую-то прошлую субботу, герой (сам Дероуз) откладывает его посещение. Это объясняется самоатрибуцией знания о расписании учреждения. Во втором кейсе те же посетители в банке, то же ментальное состояние, но выше значимость погашения чека. В таком контексте герой принимает предположение о возможном изменении в расписании банка и считает, что не знает, когда тот будет работать [1].

С. Коэн предложил свои кейсы с расписанием авиаполетов, разъясняя позиции ЭК [2]. ЭК выясняет условия истинности высказывания (пропозиции) о том, что некто знает нечто. Это высказывание (с атрибуцией или самоатрибуцией знания) в общем случае имеет вид: «S знает, что p». Вложенная пропозиция p указывает на какой-то предмет, феномен, действие. Например, «пошел дождь». Строго предполагается, что пропозиция p истинна. Не разрешается формулировать: «Саша знает, что два минус один будет пять». ЭК видит проблему в том, что истинность высказывания, приписывающего знание, зависит от контекста, несмотря на неизменность

вложенной пропозиции и ментального состояния. Знание в ЭК рассматривается индексально, как «я», «здесь», «впереди». Атрибуция знание зависит от условий атрибутирующего. ЭК отличаются от инвариантизма, предполагающего, что стандарты атрибуции знания не изменяются [6].

Для философии, вопрошающей о возможности истинного знания, ЭК предоставляет вариант ответа скептицизму, оказавшийся достаточно приемлемым. Скептик выдвигает неопровержимые напрямую гипотезы: «мир появился со всеми воспоминаниями о нем в данный момент времени», «мои актуальные действия являются моими галлюцинациями» и т.д. Начиная с идеи «релевантных альтернатив» Ф. Дретцке [5], контекстуализм стремится найти некие примиряющие интерпретации скептицизма. Признавая неопровержимость скептических гипотез, ЭК отличает контексты – скептические, имеющие высокие стандарты, и обыденные, довольствующиеся нестрогими стандартами истинности. Наука со своими практиками и критериями истинности находится между скептицизмом и здравым смыслом.

Кроме решения скептических проблем, как аргументирует А. Ю. Антоновский, ЭК находят осмысленную реакцию на центральную головоломку современной аналитической философии. В 1963 г. Э. Геттиер выдвинул интереснейшую проблему – истинное и обоснованное убеждение человека не является знанием. Широкая дискуссия авторитетных философов проблем с дефиницией знания не прояснила. Тогда как ЭК позволяет осмысленно принять случайность истинного знания [13].

С контекстуализмом связывают осмысление сложности жизни со всеми ее паллиативами форм проявления и невозможностью проведения бинарных различий [14]. Оценки ЭК со стороны разных философов неоднозначны. Так, Е.В. Вострикова в своей рецензии на книгу М. Бломе-Тилльманна рассматривает многосторонность и незавершенность интерпретаций проблем ЭК [15]. В контекстуализме видят условия анализа этических проблем [16], этического релятивизма [17].

Л. Тарасов считает, что «знание» не является индексом [18]. Содержание «я», «здесь» не изменяется в зависимости от интересов говорящего, тогда как эта зависимость «знания» выступает предметом ЭК.

М. Вильямс обсуждает позиции зависимости и независимости стандартов атрибуции знания от контекста, но склоняется в конечном счете к инвариантизму [7]. Авторитетный философ Э. Соса «принимает элементы» контекстуализма, но высказывает сомнение, что ЭК представляет собой эпистемологию [3, р. 1]. Ж. Гриндрод признает значимость «поворота ЭК», но обсуждает различие этого направления и лингвистических исследований [19].

Дж. Греко анализирует то, что значимость интересов человека обсуждает не только ЭК [20]. Е. В. Вострикова и П. С. Куслий, оценивая разные направления исследований аскрипции (приписывания) знания, аргументируют необходимость уточнить положения ЭК [21].

Исследования в ЭК становятся все более актуальными в связи с расширением философского истолкования знания [22]. Эпистемологическая проблематика трансформируется, философы учитывают изменения культуры и тренд прагматизации, анализируют цифровую экспансию. В этих условиях стремление к прагматической контекстуализации сочетается с признанием непрямоценности того, насколько актуальные контексты рационально различимы, нет ли необходимости их «переконструирования».

Проблемы условий атрибуции знания актуальны для педагогической психологии. Учитель проводит трансляцию и атрибуцию знаний. Но возможность диалога ЭК с педагогической психологией не очевидна. Неклассический дескриптивный поворот в методологии, продвижение философской мысли к жизненному миру [23] создают лишь предпосылки для включения психологии в философские дискуссии. TZ предполагает прояснение позиций – контекстов участников – и наличие общих объектов, выполняющих медирующую функцию.

Философский ЭК и отечественная педагогическая психология: медирующие объекты в TZ

Для анализа проблем атрибуции знания в психологии, по-видимому, наиболее предпочтителен леонтьевский деятельностный подход, реализованный в педагогической психологии Н. Ф. Талызиной:

– в современной эпистемологии разработки психологического деятельностного подхода остаются во многом неосвоенными;

- актуальность подхода Н. Ф. Талызиной подтверждают современные публикации [24];
- его операциональность позволяет предметно обсуждать проблемы атрибуции знания.

Но специфику деятельностного ответа на проблематизации ЭК необходимо раскрыть, учитывая, что и А. Н. Леонтьев, и Н. Ф. Талызина признавали деятельностный подход открытым для дискуссий [25]. Самое первое, что необходимо прояснить, – это позиции истолкования знания и возможность, чтобы знание стало медирующим объектом в TZ ЭК и отечественной педагогической психологии, репрезентированной разработками Н. Ф. Талызиной (педагогическая психология Талызиной (ППТ)).

Н. Ф. Талызина [26] эксплицитно связывает знание с действием. Знание включено в действие и осваивается и оценивается в реализации ориентировки. В такой интерпретации, кажется, ППТ не находит TZ с ЭК. Непроходимое разграничение связано с идеей Л. Витгенштейна о «знании-что» и «знании-как». Первое выражено пропозиционально, тогда как второе состоит в реализации схемы действия. В таком различии ППТ отводится предметность «знания-как», ЭК – «знание-что». Но разграничение оказывается не однозначным.

ППТ, безусловно, рассматривает пропозициональное знание. Так, учитель оценивает воспроизведение учащимся формулировок правил, формул, систем существенных признаков. Но воспроизведение пропозиции только в начальных классах засчитывается как знание. Учитель выясняет, насколько точно и широко учащийся умеет применить знание формул, признаков и т.д. в действии. Кроме проблемы инвариантных признаков, используемых учащимся в разных учебных действиях, Н. Ф. Талызина анализирует и решение сложных задач, имеющих уникальное сочетание величин и времени включения участников. Для разных задач учащийся составляет специальные схемы.

Затруднения с различием «знания-что» и «знания-как» открыли и эпистемологи, осмысливая наследие Л. Витгенштейна.

Учитывая это, проблемы TZ философских исследований и исследований в педагогической психологии необходимо видеть не в том, что ППТ не анализирует пропозициональное знание, а в специфике этого знания. В ЭК знание выражено в «эмпирических пропозициях». Тогда как у Н. Ф. Талызиной знание только на начальном этапе наглядно. Знание в ППТ связано с мышлением. Но в ЭК роль мышления неоднозначна, поскольку не критическое натуралистическое описание реальности после критики XX в. всерьез эпистемологами не воспринимается. По-видимому, проблема различий подходов к знанию в ЭК и ППТ останется открытой.

На роль объекта медиации могут претендовать и системы реализуемых задач. Так, необходимость прояснения условий атрибуции знания является ориентиром и ЭК, и ППТ. Но имеются различия в проведении анализа. ЭК анализирует наличное ментальное состояние. ППТ проводит многократные испытания знания в действии. Сходство ориентиров не означает совпадения в исследовательских задачах ЭК и ППТ. Задачи, как и знание, не выступают удобным объектом для медиации.

В методологическом плане можно спросить, насколько сам ход мысли ЭК о контекстуальности атрибуции знания эвристичен в ППТ. В условиях открытости рассматриваемых позиций к различным толкованиям продвигаться возможно, по-видимому, лишь проясняя и уточняя возможности мыслить.

ЭК вынуждает прояснять, компоненты деятельности могут стать контекстами атрибуции знания. В ЭК контекстом атрибуции знания являются интересы атрибутирующего. Они и составляют компонент деятельности, как предполагается, осуществимой только с использованием оцениваемого знания. В анализе контекста как составляющей деятельности и условия учебной задачи, и сюжет арифметической задачи, предполагающий модификацию схемы решения, и схема анализа условий задачи могут стать контекстом осуществления учебных действий и стандартом атрибуции знания. ЭК вынуждает к анализу и систематизации таких деятельностных контекстов, пока это – открытая проблема.

Учитывая, что объяснительные возможности деятельностного подхода имеют достаточную широту, чтобы применяться для анализа активности человека, можно затронуть наиболее зна-

чительную проблему контекстуализма – возможность человека трансформировать контексты, ориентируясь на ценные смыслы. Это допустимо и с целью усиления значимой атрибуции знания. Так, рецепция ЭК выдвигает перед педагогической психологией головоломки методологической программы контекстуализма, становящиеся в деятельностном подходе задачами, доступными для анализа.

Изменения деятельности означают трансформацию культуры, что и наблюдается в условиях цифрового расширения технологий, в таком плане проблемы атрибуции знания, актуализируемые ЭК и ППТ, получают культурный смысл.

Выводы

Возможность TZ ЭК и отечественной педагогической психологии располагается в актуальном русле осмысления перспектив неклассических методологий.

Наличие медирующих объектов в TZ остается открытой проблемой. Исследования ЭК релевантны для продвижения изысканий в педагогической психологии, предоставляя не готовые методологические нормативы, но повод для рефлексии значительных методических наработок и реализованных в практиках объяснительных конструкций.

Наиболее значима в TZ философов и психологов основная контрверза контекстуализма – зависимость и свобода человека от контекста. В этом плане исследования в педагогической психологии обретают в TZ повод для критического осмысления и ЭК получает возможность расширить свои базовые положения, что представляет собой перспективный предмет исследований.

Список источников

1. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992. Vol. 52, № 4. P. 913–929. <https://doi.org/10.2307/2107917>
2. Cohen S. Contextualism and Skepticism // *Philosophical Issues*. 2000. Vol. 10, iss. 1. P. 94–107. <https://doi.org/10.1111/j.1758-2237.2000.tb00013.x>
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism // *Noûs*. 2000. Vol. 34, iss. s1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1111/0029-4624.34.s1.1>
4. Rysiew P. Epistemic Contextualism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.). 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/contextualism-epistemology/> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Dretske F. Epistemic Operators // *The Journal of Philosophy*. 1970. Vol. 67, № 24. P. 1007–1023. <https://doi.org/10.2307/2024710>
6. Williamson T. Contextualism, Subject-sensitive Invariantism and Knowledge of Knowledge // *The Philosophical Quarterly*. 2005. Vol. 55, iss. 219. P. 213–235. <https://doi.org/10.1111/j.0031-8094.2005.00396.x>
7. Williams M. Is contextualism stable? // *Noûs*. 2000. Vol. 34, iss. s1. P. 80–85. <https://doi.org/10.1111/0029-4624.34.s1.10>
8. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. № 1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> (дата обращения: 01.02.2022).
9. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
10. Касавин И. Т. Контекст // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / сост. И. Т. Касавин. М.: Канон, Реабилитация, 2009. С. 381–385.
11. Антипова И.Г., Редкин Е.Р. Эмпирический субъект в программе контекстуализма: случай в атомной физике // *Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки*. 2023. № 2. С. 11–19. EDN: QOJCSA. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-11-19>
12. Вострикова Е. В. Семантика vs прагматика: современные подходы // *Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ*. М.: ИФ РАН, 2013. С. 142–162.
13. Антоновский А. Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // *Эпистемология и философия науки*. 2010. Т. 26, № 4. С. 101–118. <https://doi.org/10.5840/eps201026483>
14. Mehta N. Invariantism, contextualism, and the explanatory power of knowledge // *Noûs*. 2023. Vol. 58, iss. 4. P. 851–876. <https://doi.org/10.1111/nous.12481>

15. Вострикова Е. В. Знание и контекст. Размышление о книге Майкла Бломе-Тильманна «Семантика атрибуции знания» // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 1. С. 215–233. EDN: FTZFMW. <https://doi.org/10.5840/eps202562115>
16. Brogaard B. Moral contextualism and moral relativism // *The Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 58, iss. 232. P. 385–409. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.543.x>
17. Binderup L. Brogaard's Moral Contextualism // *The Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 58, iss. 232. P. 410–415. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.544.x>
18. Tarasov L. Contextualism and Weird Knowledge // *The Philosophical Quarterly*. 2013. Vol. 63, iss. 252. P. 565–575. <https://doi.org/10.1111/1467-9213.12027>
19. Grindrod J. The Dizzying Turn of Epistemic Contextualism // *Metaphilosophy*. 2020. Vol. 51, iss. 1. P. 87–96. <https://doi.org/10.1111/meta.12406>
20. Greco J. What's Wrong with Contextualism? // *The Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 58, iss. 232. P. 416–436. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.535.x>
21. Вострикова Е. В., Куслий П. С. Контекстуализм и проблема аскрипций знания // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 4. С. 110–126. EDN: KBLMRW. <https://doi.org/10.5840/eps202158464>
22. Касавин И. Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6, № 4. С. 5–17. EDN: NCOFUP.
23. Касавин И. Т. Мир науки и жизненный мир человека // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 5, № 3. С. 5–11. EDN: NCOSKR.
24. Степанова М. А. Педагогическая психология для учителей (к 100-летию со дня рождения Н. Ф. Тальзиной) // *Вопросы психологии*. 2023. № 5. С. 62–73.
25. Тальзина Н. Ф. Сущность деятельностного подхода в психологии // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2, вып. 4. С. 157–162.
26. Формирование приемов математического мышления / под ред. Н. Ф. Тальзиной. М.: МГУ; Вентана-Граф, 1995. 231 с.

References

1. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992;52(4):913-929. <https://doi.org/10.2307/2107917>
2. Cohen S. Contextualism and Skepticism. *Philosophical Issues*. 2000;10(1):94-107. <https://doi.org/10.1111/j.1758-2237.2000.tb00013.x>
3. Sosa E. Skepticism and Contextualism. *Noûs*. 2000;34(s1):1-18. <https://doi.org/10.1111/0029-4624.34.s1.1>
4. Rysiew P. Epistemic Contextualism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edward N. Zalta (ed.). 2021. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/contextualism-epistemology/> [Accessed 1st February 2022].
5. Dretske F. Epistemic Operators. *The Journal of Philosophy*. 1970;67(24):1007-1023. <https://doi.org/10.2307/2024710>
6. Williamson T. Contextualism, Subject-sensitive Invariantism and Knowledge of Knowledge. *The Philosophical Quarterly*. 2005;55(219):213-235. <https://doi.org/10.1111/j.0031-8094.2005.00396.x>
7. Williams M. Is Contextualism Statable? *Noûs*. 2000;34(s1):80-85. <https://doi.org/10.1111/0029-4624.34.s1.10>
8. Galison P. Exchange Zone: Coordination of Beliefs and Actions. *Questions of the History of Natural Science and Technology*. 2004;(1). Available from: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> [Accessed 1st February 2022]. (In Russ.).
9. Mikeshina L.A. *Dialogue of Cognitive Practices. From the History of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow: Political Encyclopedia; 2010. 575 p. (In Russ.).
10. Kasavin I.T. Context. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Comp. by I.T. Kasavin. Moscow: Canon, Rehabilitation; 2009:381-385. (In Russ.).
11. Antipova I.G., Redkin E.R. The Empirical Subject in the Contextualism Program: the Case in Atomic Physics. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2023;(2):11-19. (In Russ.). EDN: QOJJCA. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-11-19>

12. Vostrikova E.V. Semantics vs Pragmatics: Modern Approaches. *Linguistics, Communication and History: Semantic Analysis*. Moscow: Institute of Philosophy RAS; 2013:142-162. (In Russ.).
13. Antonovsky A.Yu. Semantic Contextualism and the Problem of Non-Standard Definition of Knowledge. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2010;26(4):101-118. (In Russ.). <https://doi.org/10.5840/eps201026483>
14. Mehta N. Invariantism, Contextualism, and the Explanatory Power of Knowledge. *Noûs*. 2023;58(4):851-876. <https://doi.org/10.1111/nous.12481>
15. Vostrikova E.V. Knowledge and Context. Reflections on Michael Blome-Tillmann's Book "The Semantics of Knowledge Attribution". *Epistemology and Philosophy of Science*. 2025;62(1):215-233. (In Russ.). EDN: FTZFMW. <https://doi.org/10.5840/eps202562115>
16. Brogaard B. Moral Contextualism and Moral Relativism. *The Philosophical Quarterly*. 2008;58(232):385-409. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.543.x>
17. Binderup L. Brogaard's Moral Contextualism. *The Philosophical Quarterly*. 2008;58(232):410-415. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.544.x>
18. Tarasov L. Contextualism and Weird Knowledge. *The Philosophical Quarterly*. 2013;63(252):565-575. <https://doi.org/10.1111/1467-9213.12027>
19. Grindrod J. The Dizzying Turn of Epistemic Contextualism. *Metaphilosophy*. 2020;51(1):87-96. <https://doi.org/10.1111/meta.12406>
20. Greco J. What's Wrong with Contextualism? *The Philosophical Quarterly*. 2008;58(232):416-436. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.535.x>
21. Vostrikova E. V., Kusliy P. S. Contextualism and the Problem of Knowledge Ascriptions. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2021;58(4):110-126. (In Russ.). EDN: KBLMRW. <https://doi.org/10.5840/eps202158464>
22. Kasavin I.T. Contextualism as a Methodological Program. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2005;6(4):5-17. (In Russ.). EDN: NCOFUP.
23. Kasavin I.T. The World of Science and the Human Life World. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2005;5(3):5-11. (In Russ.). EDN: NCOSKR.
24. Stepanova M.A. Pedagogical Psychology for Teachers (on the 100th Anniversary of N.F. Talyzina's Birth). *Questions of Psychology*. 2023;(5):62-73. (In Russ.).
25. Talyzina N.F. The Essence of the Activity Approach in Psychology. *Methodology and History of Psychology*. 2007;2(4):157-162. (In Russ.).
26. Talyzina N.F., ed. *Formation of Mathematical Thinking Techniques*. Moscow: Moscow State University; Ventana-Graf; 1995. 231 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Г. Антипова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования ЮФУ.

Information about the author

I.G. Antipova – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Psychology of Education Department, SFedU.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 130.2
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-23-27>

ИНТЕГРАЦИЯ ФИДЖИТАЛ-ИГР В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГИПОДИНАМИИ УЧАЩИХСЯ

Оксана Александровна Величко
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
oavelichko@sfedu.ru

Аннотация. Анализируется феномен фиджитал-игр – прогрессивного направления, объединяющего традиционную физическую активность и цифровые технологии. Исследуются его текущее положение, векторы развития, а также потенциал интеграции в образовательный процесс. Фиджитал-спорт представлен как инновационный образовательный инструмент, который выходит за рамки обычного физического воспитания, одновременно способствуя формированию у обучающихся технологической грамотности и совершенствованию коммуникативных компетенций. Особое внимание уделяется практическим аспектам интеграции фиджитал-активностей в учебный процесс высших учебных заведений. Приводятся данные зарубежных исследований, подтверждающие эффективность подобных технологий в борьбе с гиподинамией и повышении мотивации студентов. Рассматриваются возможные способы введения фиджитал-дисциплин в образовательную среду современных вузов. Отмечаются существующие барьеры и ограничения, требующие преодоления для эффективного внедрения фиджитал-направлений в повседневную практику студенческой молодежи. Материал представляет интерес как для специалистов в области физического воспитания и цифровой педагогики, так и для администраций образовательных учреждений, стремящихся к инновационным подходам в организации учебного процесса.

Ключевые слова: фиджитал-игры, спорт, студенты, физическая активность, инновации, образовательная среда, физическое воспитание

Для цитирования: Величко О.А. Интеграция фиджитал-игр в образовательный процесс как решение проблемы гиподинамии учащихся // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 23–27. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-23-27>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

INTEGRATION OF PHYGITAL GAMES INTO THE EDUCATIONAL PROCESS AS A SOLUTION TO THE PROBLEM OF STUDENT PHYSICAL INACTIVITY

Oksana A. Velichko
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
oavelichko@sfedu.ru

Abstract. The phenomenon of phygital games, a progressive trend combining traditional physical activity and digital technologies, is analyzed. The paper examines its current position, development vectors, as well as the potential for integration into the educational process. Phygital sports is presented as an innovative educational tool that goes beyond the usual physical education, while simultaneously contributing to the formation of technological literacy among students and the improvement of communicative competencies. Special attention is paid to the practical aspects of integrating phygital activities into the educational process of higher education institutions. The data of foreign studies confirming the effectiveness of such technologies in combating physical inactivity and increasing student motivation are presented. The article

discusses possible ways of introducing phygital disciplines into the educational environment of modern universities. The existing barriers and limitations that need to be overcome for the effective implementation of digital trends in the daily practice of student youth are noted. The material is of interest both to specialists in the field of physical education and digital pedagogy, and to the administrations of educational institutions seeking innovative approaches in the organization of the educational process.

Keywords: phygital games, sports, students, physical activity, innovation, educational environment, physical education

For citation: Velichko O.A. Integration of Phygital Games into the Educational Process as a Solution to the Problem of Student Physical Inactivity. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):23-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-23-27>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В нынешнее время цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей реальности. Число людей, ведущих сидячий образ жизни, выросло в силу преобладания IT-профессий, увеличилось их времяпрепровождение в гаджетах. Возникает экстренная необходимость в инновационных подходах к поддержанию физического здоровья. Одним из наиболее распространенных способов решения данной проблемы является созданный недавно новый вид спорта – фиджитал-игры.

Цель исследования – изучение потенциала фиджитал-игр как инструмента интеграции физической активности и цифровых технологий в образовательный процесс, а также разработка практических рекомендаций для их внедрения в вузах.

Задачи исследования: 1) проанализировать текущее состояние и тенденции развития фиджитал-спорта; 2) описать положительное влияние фиджитал-игр на физическое и когнитивное развитие студентов; 3) определить основные способы интеграции фиджитал-направлений в образовательные программы вузов; 4) обозначить барьеры и ограничения, препятствующие внедрению фиджитал-спорта в образовательную среду.

«Фиджитал» – неологизм, образованный путем объединения английских слов physical («физический») и digital («цифровой»). Данное направление представляет собой инновационное спортивное двоеборье, где традиционная физическая активность сочетается с элементами киберспорта или виртуальной реальности. В качестве иллюстрации отметим соревнования по фиджитал-футболу. Участники сначала демонстрируют свои навыки в виртуальном пространстве, соревнуясь в игре FIFA на консолях (комплект устройств управления компьютером), а затем переходят к активной фазе, выходя на площадку для мини-футбола. Другим примером служат фиджитал-гонки, где конкурсанты сперва проявляют себя в автосимуляторе Assetto Corsa, а затем демонстрируют мастерство вождения на реальных картингах. Итоговый результат формируется методом суммирования баллов, полученных командами в виртуальном и физическом форматах [1].

Такой подход позволяет определить наиболее универсальных спортсменов, одинаково хорошо проявляющих себя как в цифровом пространстве, так и в реальном мире. Фиджитал-игры обеспечивают увлекательную форму физической активности, делая занятия более привлекательными для широкого слоя населения, включая студентов.

В целях развития новых видов спорта в Российской Федерации в 2023 г. признаны видами спорта и включены во всероссийский реестр лазерный бой, фиджитал-игры и гонки дронов [2]. По каждому из них предусмотрена разработка программы, устанавливающей перечень мероприятий на 4 года. Данная работа ведется при организационной и правовой поддержке Минспорта России.

Так, Указом Президента РФ от 19.12.2022 № 927 на март 2024 г. был запланирован Международный мультиспортивный турнир «Игры будущего» [3]. Соревнования проводились по 21 инновационной дисциплине. Каждая из них являлась фиджитал, т.е. объединяла физическую активность и киберспорт, таким образом проверялись компетенции участников в двух ранее не связанных видах деятельности.

Анализируя текущую ситуацию по развитию фиджитал-спорта, можно сделать вывод, что этот вид спорта находится в выгодном положении, так как появился на стыке хорошо развитого классического спорта и стремительно набирающего обороты киберспорта. Получив на старте государственную поддержку, фиджитал-спорт обрел много сторонников, готовых развивать его [4].

Особую актуальность этот процесс приобретает в вузовской среде, в рамках студенческого спорта. Например, в рамках ежегодного Всероссийского научно-практического конгресса «РОССТУДСПОРТ» 2023 г. один из трех дней мероприятия был полностью посвящён фиджитал-спорту [5]. В числе первых спортивных мероприятий в рамках деятельности Всероссийской федерации фиджитал-спорта – Открытые современные студенческие игры 2022 г. в Москве [6].

Студенческая аудитория наиболее восприимчива к новым технологиям, тем более что большая часть студентов увлекается компьютерными играми. Недавнее исследование, проведенное в НГУ им. П.Ф. Лесгафта, показало, что 23,5 % студентов играют в компьютерные игры ежедневно, а 87,4 % осведомлены о фиджитал-играх [7]. Но при этом уровень физической активности студентов снижается, что является потенциально опасной проблемой для здоровья. Интегрирование фиджитал-игр в их жизнь помогло бы нивелировать негативные последствия гиподинамии. Среди положительных результатов влияния таких игр можно отметить:

1. Повышение физической активности: фиджитал-игры вовлекают малоподвижных студентов в регулярные занятия спортом через более знакомый для них цифровой компонент. Подтверждением этому служит исследование А. Стайано, где показано, что использование экзергеймов (игры, сочетающие физическую активность и цифровые технологии) в учебных заведениях повышает уровень физической активности студентов на 40 % по сравнению с традиционными методами. Автор отмечает, что такой подход особенно эффективен для малоподвижных групп учащихся [8].

2. Развитие цифровой грамотности: фиджитал-спорт формирует навыки взаимодействия с современными технологиями в практическом контексте.

3. Улучшение когнитивных функций: участие в фиджитал-играх способствует развитию таких навыков, как координация в пространстве, мелкая моторика, память, концентрация, скорость реакции. Ф. Ястроу с коллегами провели метаанализ 52 исследований по использованию цифровых технологий в спорте и пришли к выводу, что фиджитал-форматы способствуют не только улучшению физических показателей, но и развитию когнитивных навыков: многозадачности и пространственного мышления [9].

4. Социализация: фиджитал-спорт подразумевает взаимодействие участников в виртуальном и реальном пространстве. На всех уровнях происходит коммуникация участников, что приводит к созданию межличностных отношений и сообществ по интересам.

5. Формирование баланса: фиджитал-игры прививают понимание важности сочетания цифровой и физической активности.

6. Развитие аналитического мышления: в фиджитал-играх необходим анализ эффективности своих действий в обоих компонентах соревнований.

Положительное влияние фиджитал-спорта и заинтересованность студентов в нем говорят о том, что его можно внедрять в программу физического воспитания. Такой подход не только повысит мотивацию учащихся, но и создаст благоприятные условия для формирования ценностного отношения к здоровому образу жизни.

Рассмотрим некоторые способы внедрения фиджитал-спорта в образовательный процесс:

1. Разработка учебных программ и модулей:
 - включение фиджитал-спорта в программы дисциплин по физической культуре;
 - создание факультативных курсов и элективных дисциплин по фиджитал-направлениям;
 - интеграция в рамки дисциплин «информационные технологии» или «информатика».
2. Создание специализированных лабораторий фиджитал-спорта:
 - оборудование пространства с необходимыми техническими средствами и безопасными зонами для физической активности;
 - интеграция систем трекинга движений, проекционных технологий и VR/AR-оборудования.
3. Формирование нормативной базы:

- разработка положений о проведении соревнований по фиджитал-спорту;
 - утверждение системы оценивания активности студентов в данной сфере;
 - включение показателей участия в фиджитал-активностях в систему рейтинга студентов.
4. Организация образовательных интенсивов и хакатонов:
- проведение выездных школ по фиджитал-играм;
 - хакатоны по созданию инновационных фиджитал-решений;
 - мастер-классы профессионалов отрасли.
5. Внутривузовские и межвузовские мероприятия:
- включение фиджитал-игр в программу спартакиад вуза;
 - соревнования между факультетами и институтами;
 - проведение ежегодных чемпионатов среди вузов региона или страны.
6. Партнерство с IT-компаниями:
- привлечение технологических партнеров для обеспечения программной части;
 - создание совместных образовательных программ с компаниями-разработчиками;
 - организация стажировок студентов в компаниях, специализирующихся на фиджитал-технологиях.

Однако есть определенные трудности для внедрения фиджитал-спорта в высшие учебные заведения: дорогостоящее оборудование, требующее значительных инвестиций; необходимость его технического обслуживания; нехватка технических специалистов, способных обеспечить работу сложного оборудования; низкая мотивация к профессиональной переподготовке у некоторых педагогов; отсутствие профессиональных стандартов и требований к специалистам фиджитал-спорта, а также апробированных учебных программ и планов. Но, несмотря на все вышеперечисленные барьеры, потенциальные преимущества данного вида спорта оправдывают необходимые инвестиции.

Подводя итоги, можно отметить, что фиджитал-спорт представляет собой перспективное направление в образовании, которое решает проблему гиподинамии современных учащихся, не противопоставляя физическую активность цифровому миру, а органично соединяя их преимущества в единой образовательной среде, но требует адаптации к локальным условиям. Мировой опыт использования фиджитал-направлений также подтверждает этот факт. Такой комплексный подход соответствует современным требованиям к образованию, ориентированному на подготовку всесторонне развитых личностей.

Список источников

1. Галицын С. В., Зиганшин О. З., Попов П. Д., Волошин Г. Р. Перспективы развития фиджитал-спорта на студенческом уровне // Учен. зап. Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 8 (222). С. 87–92. EDN: AXPSMI. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.08.p87-92>
2. Признание видов спорта и спортивных дисциплин. Всероссийский реестр видов спорта. URL: <https://www.minsport.gov.ru/activity/government-regulation/priznanie-vidov-sporta-i-sportivnyh-disciplin-vserossijskij-reestr-vidov-sporta/> (дата обращения: 27.03.2025).
3. О проведении Международного мультиспортивного турнира «Игры будущего» в 2024 году в г. Казани : Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2022 № 927. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405865351/> (дата обращения: 27.03.2025).
4. Все о фиджитал-спорте – история создания, сравнения с киберспортом и перспективы. URL: <https://sport24.ru/igrybuduschego/article-592325-vse-o-fidzhital-sporte-istoriya-sozdaniya-sravneniya-s-kibersportom-i-perspektivy?ysclid=mbavhrfliu13008849> (дата обращения: 15.03.2025).
5. Официальный сайт Конгресса «РОССТУДСПОРТ». URL: <https://forum.rosstudsport.ru> (дата обращения: 29.03.2025).
6. Регламент I Открытых современных студенческих игр 2022 (Москва). URL: <https://phygitalsport.ru/docs/reglament-studencheskih-igr-2022> (дата обращения: 29.03.2025).
7. Мешенина Н. В., Юдина М. А. Влияние современных технологий на здоровье студентов // Вестн. Воронежского ин-та высоких технологий. 2020. № 2 (33). С. 97–100. EDN: FAZQUX.
8. Staiano A. Exergames for Physical Education Courses: Physical, Social, and Cognitive Benefits // Child Development Perspectives. 2011. Vol. 5, № 2. P. 95–98.

9. Jastrow F., Greve S., Thumel M., Diekhoff H., Süßenbach J. Digital technology in physical education: a systematic review of research from 2009 to 2020 // *Ger. J. Exerc. Sport Res.* 2022. Vol. 52. P. 504–528. <https://doi.org/10.1007/s12662-022-00848-5>

References

1. Galitsyn S.V., Ziganshin O. Z., Popov P.D., Voloshin G.R. Prospects for the development of digital sports at the student level. *Scientific Notes of the Lesgaft University*. 2023;(8):87-92. (In Russ.). EDN: AXPSMI. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.08.p87-92>
2. *Recognition of sports and sports disciplines. The All-Russian register of sports*. Available from: <https://www.minsport.gov.ru/activity/government-regulation/priznanie-vidov-sporta-i-sportivnyh-disciplin-vserossijskij-reestr-vidov-sporta/> [Accessed 27th March 2025]. (In Russ.).
3. *On holding the International Multisport Tournament “Games of the Future” in 2024 in Kazan*: Decree of the President of the Russian Federation No. 927 at 19th December 2022. Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405865351/> [Accessed 27th March 2025]. (In Russ.).
4. *All about digital sports – the history of creation, comparisons with esports and prospects*. Available from: <https://sport24.ru/igrybuduschego/article-592325-vse-o-fidzhital-sporte-istoriya-sozdaniya-sravneniya-s-kibersportom-i-perspektivy?ysclid=mbavhrfliu13008849> [Accessed 15th March 2025]. (In Russ.).
5. *The official website of the Congress “ROSSTUDSPORT”*. Available from: <https://forum.rosstudsport.ru> [Accessed 29th March 2025]. (In Russ.).
6. *Regulations of the 1st Open Modern Student Games 2022 (Moscow)*. Available from: <https://phygital sport.ru/docs/reglament-studencheskih-igr-2022> [Accessed 29th March 2025]. (In Russ.).
7. Meshenina N.V., Yudina M.A. The influence of modern technologies on the health of students. *Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*. 2020;(2):97-100. (In Russ.). EDN: FAZQUX.
8. Staiano A. Exergames for Physical Education Courses: Physical, Social, and Cognitive Benefits. *Child Development Perspectives*. 2011;5(2):95-98.
9. Jastrow F., Greve S., Thumel M., Diekhoff H., Süßenbach J. Digital technology in physical education: a systematic review of research from 2009 to 2020. *Ger. J. Exerc. Sport Res.* 2022;52:504-528. <https://doi.org/10.1007/s12662-022-00848-5>

Информация об авторе

О.А. Величко – аспирант кафедры философии ЮФУ.

Information about the author

O.A. Velichko – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, SFedU.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 101.1

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-28-34>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КОММУНИКАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Татьяна Игоревна Ерошенко¹, Геннадий Вениаминович Сорокин²✉

¹ Институт водного транспорта им. Г. Я. Седова – филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ eroschenko-1970@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7678-5911>

² gennadi-sorokin@yandex.ru✉

Аннотация. Существуют две сложившиеся модели понимания искусственного интеллекта. Первая – математическая, или имитационная. Она воспроизводит функции нервных клеток живого организма, является междисциплинарной, базу ее составляет развитие вычислительной техники. Вторая модель – антропоморфная, ее категории – «рассудок» и «разум». Есть выражение «искусственный разум», но это метафора. Обсуждение результатов этих моделей исследования позволило сделать вывод, что «искусственный разум» означает редукцию с выхолащиванием духовно-интеллектуального качества человека. Разум есть не только продукт природы, но и продукт культуры, образующей духовно-символическую ткань в виде мифа, религии, философии и науки в историческом измерении. Именно в них разворачивается нравственно-нормативная составляющая логики развития культуры, усваивая которую человек проходит все этапы своего очеловечивания и превращения в вид *Homo sapiens*, обладающий абстрактным мышлением и целеполаганием, способностью к самопознанию. Человек как биологический вид создает ментальное поле нравственных норм, благодаря которым занимает самую высокую эволюционную нишу. Неправоммерно говорить о «революции искусственного интеллекта» в современном информационном обществе, поскольку обмен информацией, помимо нервных систем индивидов, был в любом типе обществ, он только исторически эволюционировал. Причем наиболее успешно с применением индивидуальных психик осуществлялся в появившихся государствах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, техника, мышление, творчество, культура, целеполагание, труд интеллектуальный, труд физический, информационное общество

Для цитирования: Ерошенко Т. И., Сорокин Г. В. Искусственный интеллект в коммуникации культурных общностей // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 28–34. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-28-34>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COMMUNICATION OF CULTURAL COMMUNITIES

Tatiana I. Eroshenko¹, Gennady V. Sorokin²✉

¹ Sedov Institute of Water Transport – branch of Ushakov State Maritime University, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ eroschenko-1970@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7678-5911>

² gennadi-sorokin@yandex.ru✉

Abstract. There are two established models of understanding artificial intelligence. The first is mathematical or imitative. It reproduces the functions of nerve cells of a living organism, is interdisciplinary, and is based on the development of computer technology. The second model is anthropomorphic, its categories are “reason” and “mind”. There is an expression “artificial intelligence”, but this is a metaphor. Discussion of the results of these research models allowed us to conclude that “artificial intelligence” means a reduction with the emasculation of the spiritual and intellectual quality of man. Reason is not only a product of nature, but also a product of culture, forming a spiritual and symbolic fabric in the form of myth, religion, philosophy and science in the historical dimension. It is in them that the moral and normative component of the logic of cultural development unfolds, assimilating which a person goes through all the stages of his humanization and transformation into the species *Homo sapiens*, possessing abstract thinking and goal-setting, the ability to self-knowledge. Man as a biological species creates a mental field of moral norms, thanks to which he occupies the highest evolutionary niche. It is wrong to talk about the “revolution of artificial intelligence” in the modern information society, since the exchange of information, in addition to the nervous systems, of individuals, was in any type of society, it only historically evolved. Moreover, the most successful with the use of individual psyches was carried out in the emerging states.

Keywords: artificial intelligence, technology, thinking, creativity, culture, goal-setting, intellectual labor, physical labor, information society

For citation: Eroshenko T.I., Sorokin G.V. Artificial Intelligence in Communication of Cultural Communities. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):28-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-28-34>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Актуальность данной работы вызвана необходимостью анализа современного этапа развития общества с учетом искусственного интеллекта (ИИ) и важности цифровых технологий в реализации государственных программ, что подтверждается указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. Предметом нашего исследования выступают изменения в сфере интеллектуального труда и творческих профессий и дискуссии на тему изменчивости природы человека. Методологическую базу составляют теоретические работы в области ИИ и анализ результатов функционирования «умных машин», а также методы диалектики и синергетики.

В современных исследованиях выявлены две модели понимания функционирования ИИ. Первая – *математическая, или имитационная*. Она представляет ИИ как имитацию функций нервных клеток живого организма. Такая модель считается междисциплинарной, но базу её составляет кибернетика [2–7]. Построенный на допущениях этой модели ИИ успешно развивается в области решения сложных задач, в том числе и в сферах медиа, рекламы, PR-технологий и обучения [8–10]. Совершенствование в данном направлении требует отдельного анализа и выходит за рамки нашей статьи, особенно в аспекте этического влияния на человека и против человека, использования достижений в целях ведения когнитивных войн и применения «мягкой силы». В этом смысле ИИ пока сокрыт своей представленностью бытия [10]. В основе лежит стремление подражать естественному интеллекту и создавать универсальные формы упорядочения и производства потоков информации (LLM, чат-боты с генеративным ИИ) [10–14]. Активность разработок, в рамках первой модели ИИ, обусловлена нарастающей скоростью социальных процессов и ограниченностью человеческой оболочки, позволяющей человеку адаптироваться в современном мире. Человек вкладывает громадные силы в освоение новых навыков жизни, которые выводят его на уровень конкурентной способности в условиях ограниченности физиологии.

Поэтому возникает *вторая модель – антропоморфная*, ее категории – «рассудок» и «разум». Выражение «искусственный разум» следует понимать как метафору. Разум бывает только естественным в отличие от интеллекта.

Искусственный интеллект и культурная трансформация

Согласно нашему подходу, подвергается сомнению «революционность» в культуре ИИ и обоснованность применения вывода о становлении качественно иного общества на стадии современного информационного (постиндустриального).

Обсуждение уже имеющихся результатов исследования позволило сделать вывод, что «искусственный разум» означает редукцию с выхолащиванием духовно-интеллектуального качества человека. Разум – это продукт не только природы, но и культуры, образующей духовно-символическую ткань в виде мифа, религии, философии и науки в историческом измерении. Именно в них разворачивается нравственно-нормативная составляющая логики развития культуры, усваивая которую человек проходит все этапы своего очеловечивания и превращения в вид *Homo sapiens*, обладающий абстрактным мышлением и целеполаганием, способностью к рефлексии. Поэтому иллюзии о возвышении разума искусственного над разумом естественным при всеобщности форм господства, характерных для современности, отрицаются способностью естественного разума к творчеству и целеполаганию. На ИИ необходимо еще посмотреть как на «вещь в себе» ввиду высокой способности выступать «мягкой силой» в условиях симуляции всеобщих форм человеческой практики, в пространстве современных обществ индивидуалистов, уткнувшихся в экран своих цифровых устройств. В перспективе важно развивать представления об отличительных чертах человека как биологического вида, способного к производству нравственных норм, благодаря которым он занимает самую высокую эволюционную нишу, поставив ногу на порог своей человеческой истории. Прежде всего, он способен создавать новое на основе идеальных моделей о будущем, детерминированных прошлым, которым сегодня в рамках мировоззренческих поисков возрождения современной России уделяется, кстати, огромное внимание.

Мы живем в переходное время. По динамике мировосприятия оно сильно отличается от предыдущих эпох, в которых перемены отрицались, а изменения, если признавались, виделись циклическими. В христианстве, несмотря на драматическую и даже катастрофическую картину, прошлое, настоящее и будущее в общем очерчены. С эпохи Просвещения предпринимались попытки заменить религиозную картину оптимистической светской. Частично это удалось либерализму и коммунизму.

Но надо признать, что современная картина мира, изменения, в нём происходящие, выбились из рамок прогнозов философов, литераторов, ученых и политиков. Можно говорить о точке «бифуркации», или точке «сингулярности», или просто о «точке», но ясно, что полного видения не наблюдается. Как оказалось, с появлением современных нейросетей сложнее всего заменить простых работников. Рисунки, карикатуры, рассказы вполне воспроизводятся ИИ на уровне продвинутых пользователей, а вот выкопать канаву пока не так легко. Опредемечивание-распредмечивание как настоящий «нерв» диалектического перехода материального в идеальное предполагает не манипуляцию в сфере «символов культуры», а масштабную историческую деятельность по преобразованию природы.

До сих пор нет единого понимания, что такое ИИ. Предикат «искусственный» предполагает, что есть «естественный». Поэтому необходимо рассмотреть сначала, насколько возможно, интеллект естественный, ибо с него и копируется ИИ. Гегель считал, что предмет раскрывается в его истории. Носителем естественного интеллекта является нервная система. Для всех представителей биологического мира характерно то или иное отражение окружающего мира, построенное психического образа и, после обработки полученной информации, различный вариант деятельности.

Собственно, вне зоны операционной психики человека содержится информация биологическая (геном) и «вынесенная вовне» (культура).

Человек как агент упорядочения информации и важность естественного разума

И очевидно, и бесспорно, что с увеличением потоков информации возрастает потребность усовершенствования схем их интерпретации и обращения в знание. Несомненно, лидер по обработке информации в биологическом мире – человек. И до появления современных информационных технологий биологическая эволюция и исторический процесс развития человека привели к сходным решениям. Человек – существо социальное, обмен информацией с сородичами

образует «естественный интернет». Структура нервной системы индивида вполне успешно скопирована в компьютерах – устройства ввода (чувства, язык), обработка информации – процессор (мышление), память долговременная и оперативная [15]. Собственно, уже в животном мире имеет место передача информации на «внешних носителях». Хищник видит следы, чувствует запах жертвы. Есть и контролируемая передача информации – животные оставляют метки друг для друга. Для человеческих сообществ точно так же характерна неконтролируемая (следы культурной и физиологической жизнедеятельности) и контролируемая передача информации (товарообмен, узелковое письмо, рисунки в пещерах, надписи на пирамидах).

В связи с подробным рассмотрением развития передачи информации в обществе возникает вопрос к концепции различения типов обществ, таких как аграрное, индустриальное и информационное (постиндустриальное). Бросается в глаза явный технизм концепции (вот проведём радио – и будет народное счастье!) и непонимание сущности процесса циркуляции информации в обществе. Неправомерно говорить о какой-то революции в этой сфере, ибо обмен информацией, помимо нервных систем индивидов, был в любом типе обществ. А наиболее успешно с применением индивидуальных психик он осуществлялся в появившихся государствах. Лучшим информационным государством надо признать демократию. Несомненно, современные внешние носители информации во многом превосходят по возможностям наскальные рисунки и библиотеки. Однако возникает вопрос, насколько, например, сеть Интернет содержит информации больше, чем суммарная память индивидуальных психик человечества? Конечно, лучше осуществляется доступ к информации в электронных сетях. Но в ее обработке ИИ насколько может догнать и перегнать естественный интеллект, насколько ее восприятие будет обеспечено суммарным опытом человеческого мышления при обработке исторически обусловленной социокультурно детерминированной информации?

«Постиндустриальное, или информационное общество» – не научное понятие, а скорее идеологическое. Появляется подобная типология обществ в западных странах в противовес марксистской концепции формаций. К построениям, пытающимся подменить понятийно-терминологический аппарат материалистической диалектики, следует также отнести искусственное понятие «тоталитарное общество» и «историцизм» К. Поппера [16, 17]. Последний не гнушался плагиатом из критикуемых им тоталитаристских учений. Концепция «третьего мира» Поппера почерпнута из марксистского понимания функционирования знания, идеального как диалектического взаимодействия процесса опредмечивания-распредмечивания. «Третий мир» выглядит полностью метафизическим, утратившим живость и развитие.

Предметно-историческая практика предполагает широчайшее поле диалектического взаимодействия человеческой культуры и природы, глубочайшее историческое развитие. Если принять типологию развития аграрное – индустриальное – информационное общество, можно отметить выпадение из логически-смыслового контекста последнего. В аграрном хозяйстве и индустрии происходит полный цикл общественно-исторической практики, а накопление и функционирование информации – история всей человеческой и в целом биологической жизни на планете. В концепции информационного (постиндустриального) общества искусственно «отрывается» одно распредмечивание – и это представляется как некое новое качество. На самом деле, функционирование идеального, информации – необходимая сторона любой деятельности вообще, но неотделимо от опредмечивания.

Если конкуренция – нормальная, положительная ситуация для личностных отношений, различных организаций (в экономике, культуре, правоохранительной деятельности), то как оценить ее для больших сообществ? Государства, целые цивилизации и культуры должны ли конкурировать друг с другом?

В 1987 г. западный мир праздновал 2500 лет со дня реформ Клисфена, положивших основу афинской демократии. Одним из его главных принципов является демократия в политической сфере. Кроме того, агон, состязательность, пронизывает все сферы общественной жизни Запада. СССР и общества, созданные по этому типу, приравнивались к Спарте. Однако реальная история протекала не только как культурное противостояние этих обществ, пиком конфронтации которого была Пелопоннесская война, но и как взаимодействие. В период персидского нашествия союзником Афин была именно Спарта. Без этого альянса персы победили бы.

Наблюдали ли мы подобное взаимодействие между культурами в современное время? Безусловно – это наиболее ярко проявилось во Второй мировой войне. Но и в мирное время можно найти неопровержимые примеры обогащения культур. Так, вряд ли было бы возможно формирование концепции социального государства в западном капитализме без попытки построить социалистическое общество. Ещё наглядный пример – космическая гонка, несомненно, послужившая технологическому и стратегическому прорыву всего человечества в целом. К сожалению, Россия сейчас сильно отстает именно в космической сфере.

Если рассматривать положения классиков, можно предположить, что Спарта и Афины составили диалектическое единство, как в недавнем прошлом капиталистический Запад и советский блок. Всё творчество классиков пронизано фундаментальной критикой умозрительных, идеалистических подходов и принятием реальной деятельности – исторического материального производства. Собственно, в нашей ситуации мы видим некоторое подтверждение этого положения – манипуляции с «идеальным» вполне заменимы ИИ, работа физическая (пролетарий – это любой наёмный работник) пока весьма далека от автоматизации и замены. Так происходит в силу слабой развитости производительных сил современных обществ.

Заключение

Рассмотренные в статье модели, проблемы и вопросы ИИ в культурной коммуникации современных обществ свидетельствуют о человеческом ценностном поле проблем, решение которых выходит в междисциплинарное пространство и содержит большой потенциал социально-гуманитарного знания в этой области.

Исторически складывалась потребность усовершенствовать схемы интерпретации и обращения в знание информационных потоков. Лидирующие позиции в обработке, хранении и передаче информации принадлежат человеку как биологическому виду.

Неправомерно говорить сейчас о революции, связанной с внедрением ИИ, ибо в любом типе обществ был обмен информацией. Общества поступательно двигались к совершенствованию, улучшая производительные силы как всеобщность условий создания имитаторов для более продуктивного развития, как часть технологий индустрий в целом. Весьма очевидно, что современные носители информации во многом превосходят по возможностям наскальные рисунки и библиотеки.

Необходимы дальнейшие эмпирические исследования: сколько Интернет содержит суммарной информации, какова суммарная память индивидуальных психик человечества, а также теоретические исследования суммарного опыта человеческого мышления при обработке информации и особенностей ее воспроизведения ментальным полем сознания, его представленной исторически социокультурной обусловленности общественной практикой человечества. Может ли человеческий разум исчисляться, есть ли необходимость его чистой математизации или его измерение антропосоциально детерминировано?

Список источников

1. О развитии искусственного интеллекта в РФ : Указ Президента РФ от 19.10.2019 № 490. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394> (дата обращения: 24.02.2022).
2. Розин В. М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // *Философская мысль*. 2023. № 2. С. 102–113. EDN: DDLZIT. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.2.39739>
3. Майер-Шёнбергер В., Кукьер К. Большие данные: революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим : пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.
4. Шанахан М. Технологическая сингулярность : пер. с англ. М.: Точка; Альпина Паблишер, 2017. 256 с.
5. Etzioni A., Etzioni O. Should artificial intelligence be regulated // *Issues in Science and Technology*. 2017. Vol. 33, № 4. URL: <https://issues.org/perspective-artificial-intelligence-regulated/> (дата обращения: 24.02.2024).
6. Scharre P. Autonomous weapons and operational risk: ethical autonomy project. Center for a New American Security, 2016. 55 p.

7. Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О. Д. Сайфутдиновой. М.: АСТ, 2019. 352 с.
8. Вайндорф-Сысоева М. Е., Тихоновецкая И. П., Вьюн Н. Д. «Цифровой форсайт» – образовательная практика с конструктором коллективной работы в условиях гибридного обучения // Вестн. Мининского ун-та. 2022. Т. 10, № 2. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-2-1>
9. Гуцин А. В., Ваганова О. И., Филатова О. Н. Особенности реализации информационной стратегии высшей образовательной организации // Изв. Балтийской гос. академии рыбопромыслового флота. Психол.-пед. науки. 2021. № 3 (57). С. 47–50. EDN: QKDAIR. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2021-3-57-47-50>
10. Сябитова К. С., Филатова О. Н. Искусственный интеллект в системе профессионального образования // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы : сб. ст. по материалам Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярский гос. аграр. ун-т, 2023. Ч. 2. С. 132–134. EDN: MEISQW.
11. Маркус Г., Дэвис Э. Искусственный интеллект: перезагрузка. Как создать машинный разум, которому действительно можно доверять / пер. с англ. В. Скворцова. М.: Альпина ПРО, 2021. 328 с.
12. Бодягин Н. В. Поле кода. Искусственные генетические машины. Рязань: Рязанская областная тип., 2021. 76 с.
13. Дубровский Д. И. Проблема свободы воли и современная нейронаука // Журн. высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67, № 6. С. 739–754. <https://doi.org/10.7868/S0044467717060089>
14. Ленский В. Е. Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 211–215. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-211-215>
15. Тульчинский Г. Л. Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 174–185. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11>
16. Поннер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / пер. с англ.; под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. Т. 1. 446 с.; Т. 2. 525 с.
17. Поннер К. Нищета историцизма : пер. с англ. М.: Прогресс, VIA, 1993. 185 с.

References

1. *On the development of artificial intelligence in the Russian Federation*: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated 19th October 2019. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&end=102608394> [Accessed 24th February 2022]. (In Russ.).
2. Rozin V.M. Two concepts of artificial intelligence: realistic and utopian. *Philosophical Thought*. 2023;(2):102-113. (In Russ.). EDN: DDLZIT. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.2.39739>
3. Mayer-Schonberger V., Kukier K. *Big data: the revolution, that will change the way we live, work, and think*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014. 240 p. (In Russ.).
4. Shanahan M. *Technological singularity*. Moscow: Point, Alpina Publisher; 2017. 256 p. (In Russ.).
5. Etzioni A., Etzioni O. Should artificial intelligence be regulated. *Issues in Science and Technology*. 2017;33(4). Available from: <https://issues.org/perspective-artificial-intelligence-regulated/> [Accessed 24th February 2024].
6. Scharre P. *Autonomous weapons and operational risk: ethical autonomy project*. Center for a new American security, 2016. 55 p.
7. Haven D., ed. *Artificial intelligence. What you should know about the coming era of intelligent machines*. Trans. from English by O.D. Saifutdinova. Moscow: AST; 2019. 352 p. (In Russ.).
8. Weindorf-Sysoeva M.E., Tikhonovetskaya I.P., Vyun N.D. “Digital foresight” - educational practice with a collective work designer in the context of hybrid learning. *Bulletin of Minin University*. 2022;10(2). (In Russ.). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-2-1>
9. Gushchin A.V., Vaganova O.I., Filatova O.N. Features of the implementation of the information strategy of the higher educational organization. *Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet. Psychological and Pedagogical Sciences*. 2021;(3):47-50. (In Russ.). EDN: QKDAIR. <https://doi.org/10.46845/2071-5331-2021-3-57-47-50>

10. Syabitova K.S., Filatova O.N. Artificial intelligence in the system of vocational education. *Professional self-determination of youth of an innovative region: problems and prospects*. Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2023;(2):132-134. (In Russ.). EDN: MEISQW.

11. Marcus G., Davis E. *Artificial intelligence: reboot. How to create a machine intelligence, that you can truly trust*. Trans. from English by V. Skvortsov. Moscow: Alpina PRO; 2021. 328 p. (In Russ.).

12. Bodyagin N.V. *Code field. Artificial genetic machines*. Ryazan: Ryazan Regional Printing House; 2021. 76 p. (In Russ.).

13. Dubrovsky D.I. The problem of free will and modern neuroscience. *J. of Higher Nervous Activity*. 2017;67(6):739-754. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0044467717060089>

14. Lepsky V.E. Philosophical and methodological foundations of post-non-classical cybernetics of the third order. *Questions of Philosophy*. 2022;(8):211-215. (In Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-211-215>

15. Tulchinsky G.L. Political context of narration with K. Marx's Wert-terminology: cost vs. value. *Polis. Political Studies*. 2019;(3):174-185. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11>

16. Popper K. *The open society and its enemies*: in 2 vols. V.N. Sadovsky (ed.). Moscow: Cultural initiative; Phoenix; 1992. Vol. 1. 446 p.; vol. 2. 525 p. (In Russ.).

17. Popper K. *The poverty of historicism*. Moscow: Progress, VIA; 1993. 185 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. И. Ерошенко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры английского языка и гуманитарных дисциплин ИВТ ГМУ; профессор кафедры истории и культурологии ДГТУ.

Г. В. Сорокин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий ДГТУ.

Information about the authors

T. I. Eroshenko – Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of English and Humanities, SIWT USMU; Professor of the Department of History and Cultural Studies, DSTU.

G. V. Sorokin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and World Religions, DSTU.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 30.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 168.3
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-35-40>

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Юлия Дмитриевна Парунова

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Симферополь, Россия
mif1974@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются логические основания правовой аргументации, подчеркивается их значимость в юридической практике и процессе принятия решений, а также логических аргументов для обеспечения последовательности и предсказуемости правоприменительных решений, что способствует доверию граждан к правовой системе. Оценивается аргументационный потенциал форм мышления: понятия, суждения, умозаключения. Подчеркивается значение законов логики для обеспечения эффективности правовой аргументации. Особое внимание уделяется закону достаточного основания, его ключевой роли в процессе судебного разбирательства. Достаточность аргументов рассматривается как качественный показатель, позволяющий судье правомерно разрешать дела на базе фактических, юридических и логических оснований. Отмечается, что убедительная правовая аргументация способствует правовой определенности и предсказуемости, обеспечивая понимание прав и обязанностей участников процесса. Также акцентируется значимость достаточных аргументов для справедливости правоприменения. В контексте современных теорий аргументации поднимается вопрос о соотношении риторических, психологических и логических средств, а также важности соблюдения принципов формальной логики для обеспечения убедительности и законности. Рациональные основания аргументации должны быть направлены на разум аудитории и служить средством достижения правового результата, подтверждая, что успешная юридическая аргументация требует интегративного подхода, учитывающего как логические, так и эмоциональные компоненты.

Ключевые слова: правовая аргументация, логические основания аргументации, понятие, суждение, умозаключение, законы логики, дедукция, индукция, абдукция, аналогия

Для цитирования: Парунова Ю.Д. Логические основания правовой аргументации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 35–40. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-35-40>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE LOGICAL FOUNDATIONS OF LEGAL ARGUMENTATION

Yulia D. Parunova

Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, Russia
mif1974@mail.ru

Abstract. The article examines the logical foundations of legal argumentation, highlights their importance in legal practice and the decision-making process, as well as the importance of logical arguments for ensuring the consistency and predictability of law enforcement decisions, which contributes to citizens' trust in the legal system. The argumentative potential of forms of thinking is assessed: concepts, judgments, inferences. The importance of the laws of logic for ensuring the effectiveness of legal argumentation is emphasized. Particular attention is paid to the law of sufficient reason, its key role in the trial process. Sufficiency of arguments is considered as a quality indicator that allows the judge to reasonably resolve cases based on factual, legal and logical grounds. It is noted that convincing legal argumentation contributes to

legal certainty and predictability, providing an understanding of the rights and obligations of the parties to the process. The importance of sufficient arguments for the fairness of law enforcement is also emphasized. In the context of modern theories of argumentation, the issue of the relationship between rhetorical, psychological and logical means is raised, as well as the importance of adhering to the principles of formal logic to ensure persuasiveness and legality. Rational grounds for argumentation must appeal to the mind of the audience and serve as a means of achieving a legal result, confirming that successful legal argumentation requires an integrative approach that takes into account both logical and emotional components.

Keywords: legal argumentation, logical bases of argumentation, concept, judgment, inference, laws of logic, deduction, induction, abduction, analogy

For citation: Parunova Yu.D. The Logical Foundations of Legal Argumentation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):35-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-35-40>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Правовая аргументация является неотъемлемой частью юридической практики, играя ключевую роль в процессе принятия решений, как в судебной системе, так и в правоприменительной деятельности. Логическая структура аргументации обеспечивает последовательность и предсказуемость правоприменительных решений, что служит основой поддержания доверия граждан к правовой системе и обеспечения справедливости. Современное право требует от юристов не только знания норм, но и способности к критическому мышлению и грамотному построению аргументации. Понимание логических основ рассуждений помогает юристам формулировать более убедительные и обоснованные позиции, особенно в условиях решения сложных правовых задач.

В современной теории аргументации актуален вопрос соотношения использования в ней риторических, психологических и логических средств и приемов, так как изучение аргументации прочно вошло в круг междисциплинарных проблем. С эпохи Античности процесс аргументации понимался как сугубо формально организованная процедура. Начиная с неориторики Х. Перельмана, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в исследовании аргументации утверждается взгляд на этот процесс как риторический и психологический, плохо поддающийся рациональному обоснованию. В отношении правовой науки такую точку зрения разделяют, например, представители социологической школы. С другой стороны, романская школа тяготеет к традиционному подходу, сосредотачиваясь в основном на логической составляющей аргументации, когда конкретная ситуация подводится под общую посылку – нормативно-правовой акт.

Необходимо отметить, что оба подхода к правовой аргументации дополняют друг друга, потому что этот процесс может опираться как на формально-логические приемы, так и на эмоциональные способы (моральные, религиозные и т. д.) [1, с. 13]. Логика с момента своего основания оказывает существенное влияние на право [2, с. 13]. Как всякая умственная деятельность в любой сфере практики и познания, юридическое мышление подчиняется основным логическим принципам, прежде всего принципам формальной логики, предметом которой являются законы и формы правильного мышления [3]. В современном увлечении психологическими приемами аргументации принципиально сохранять ее логическую составляющую, так как нарушение правил и законов правильного мышления сводит на нет убедительность риторических и психологических приемов, ставит под сомнение установление истины по делу. Важен поиск баланса между рациональной и эмоциональной сторонами аргументации. Только целостный интегративный системный подход к соотношению этих двух сторон сможет обеспечить эффективность аргументативного процесса. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть некоторые логические основания правовой аргументации.

Ю.В. Ивлев определяет аргументацию как «обоснование какого-либо положения (суждения, системы суждений, концепции) посредством других положений и средств логики» [4, с. 50]. Правовую аргументацию трактуют как познавательно-ценностный способ убеждения в истинности того или иного правового суждения, судебного решения, характеризующегося преиму-

щественно вероятностным логическим выводом, диалоговостью и направленностью на аудиторию [5, с. 10].

Правовая аргументация – средство достижения результата в виде необходимого правового акта. Сущность юридической аргументации заключается в убеждении в правоте ее автора – участника правового спора [6, с. 287]. Данные определения не исключают рациональной основы правовой аргументации, так как ее ядром является законодательная база, которая для субъектов правовой аргументации служит предельным основанием. Это свойство подчеркивает Л.А. Демина: правовая аргументация всегда направлена на широкую аудиторию, в ней не допускаются аргументы, основанные на конкретных контекстах, таких как вера или традиции. Важным аспектом представляется использование рациональных методов убеждения, а также соответствие требованиям законности [7, с. 55]. И хотя основания, используемые в правовой аргументации, не всегда соответствуют логическим схемам, так как тут важны и семантические ходы [8], значение их трудно переоценить.

В качестве таких рациональных методов убеждения выступают логические аргументы. В процессе правовой аргументации ими могут быть выводы юридической науки, юридические терминологические определения, данные статистики, положения нормативно-правовых актов, результаты экспертиз, показания свидетелей и т.д. Юриспруденция, являясь деятельностью рациональной по своей основе, четко определяет те обстоятельства, которые представляют собой предмет доказывания (так называемый основной факт), а также те положения, которые могут или не могут использоваться в качестве аргументов в доказательстве правовых тезисов. Например, в уголовном процессе четко определены доказательства, которые не могут быть применены в правовой аргументации. Такие аргументы касаются, в частности, показаний подозреваемого, полученных вне присутствия защитника; показаний, основанных на догадках и слухах; доказательств, которые нарушают Конституцию РФ, федеральные законы и требования Уголовно-процессуального кодекса РФ (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 1 ст. 75 УПК). Подобные аргументы не имеют юридической силы. Допустимыми же считаются вещественные доказательства, показания потерпевшего, обвиняемого и свидетелей, заключения и показания экспертов и специалистов и т.д. При этом учитывается качество аргументов, даны ли показания без принуждения, добросовестны ли свидетели, соответствуют ли друг другу объекты, представленные на экспертизу.

Кроме того, аргументы должны не только быть достоверными и соответствовать требованиям законодательства, но и выстраиваться в систему и подаваться в определенной последовательности. Логически верно располагать их по убыванию от основных к второстепенным, при этом сильный аргумент лучше вводить в процесс аргументации не как готовый факт, а как рассуждение с заключением, выводом [9, с. 431].

Таким образом, аргументы должны представлять собой достоверные факты, являться истинными суждениями. Их достоверность может определять не только судья, принимающий решение по делу, но и участники судебного процесса. Например, при недостаточности аргументов истец может отказаться от иска, ответчик – признать иск, стороны – заключить мировое соглашение.

Аргументативную функцию способны выполнять и логические формы. Так, понятие предстает в качестве «элементарной формы» юридической аргументации; при помощи понятий права в ней развивается любой теоретический или практический аргумент. В качестве аргументов выступают определения понятий и классификации, которые приобрели необходимое значение логической истинности. Логика использования юридических понятий и терминов требует их единообразного понимания, не допускает подмены понятий [10, с. 222].

Суждение – логическая форма, отражающая аргументы или части аргументов. Любая юридическая норма представляет собой суждение [11]. От его вида зависит простота или сложность аргумента как логической формы, логическая корректность связи между мыслями, что соответствует правилам истинности. Использование модальных суждений как логических форм аргументов влияет на характер аргументации, вносит в нее оценочные категории, предоставляет возможность осуществить субъективно-рациональные действия по предмету обсуждения.

Умозаключение как логическая форма используется прежде всего в процессе обоснования. От выбора того или иного вида умозаключения зависят особенности структуры и характер вывода, получаемого в процессе аргументации.

Дедуктивные умозаключения в контексте правовой аргументации основываются на базовых законах и принципах, под которые подводятся частные случаи. Правила таких умозаключений формируют рассуждение и обеспечивают истинность получаемого вывода. По мнению Е. Н. Лисанюк, сильная сторона дедуктивного метода заключается в том, что выводы неизменно следуют из норм, определяющих структуру рассуждения. Это обеспечивает формальную строгость данного процесса, так как он базируется на заранее установленных правилах. В этом подходе умозаключение рассматривается как комбинация посылок, содержание которых остается постоянным на протяжении всего рассуждения [12].

Но более важную роль в правовой аргументации играют недедуктивные умозаключения, где посылки и выводы так не связаны. Например, индуктивные умозаключения дополняют и в какой-то мере снимают формализм дедукции, позволяя делать обобщения на основе реальных случаев и фактов. В отличие от дедуктивных умозаключений, которые строятся на строгих логических выводах, индукция зиждется на опыте, наблюдаемых примерах. Индуктивные умозаключения требуют учета контекста и обстоятельств дела. Один из основателей социологии права О. Эрлих видит в индуктивном умозаключении базис именно правовой аргументации, так как оно опирается не на формально установленные нормы, а на конкретные жизненные ситуации [13, с. 70].

По аналогии умозаключение может быть использовано для толкования законов и нормативных актов в процессе аргументации. Если закон применим к одной категории случаев, то его можно распространить на другую, имеющую схожие характеристики. Например, если закон защищает права определенной группы людей, можно предположить, что аналогичные права других групп, если они находятся в схожей ситуации, тоже требуют защиты.

Аналогия способна помочь в формировании новых правовых принципов. Если существует устоявшаяся практика применения закона в одном контексте, аналогичное применение может быть обосновано в новом контексте, особенно если это служит целям справедливости и правопорядка.

Абдуктивное умозаключение используется в правовой аргументации для формирования гипотез или объяснений на основе имеющихся фактов. Оно играет важную роль в процессе интерпретации норм права и оценки доказательств [14, с. 168]. В правовой аргументации абдуктивный подход применяется для выдвижения гипотез на основе имеющихся улик о том, каким образом могло быть совершено то или иное преступление. Например, если определенные улики указывают на вероятное преступление, адвокат может предположить, что именно это преступление произошло. В процессе судебного разбирательства судьи и адвокаты вправе использовать абдукцию для оценки доказательств. Если несколько свидетелей дают схожие показания, можно сделать вывод, что эти показания правдоподобны и отражают действительность.

Таким образом, понятие и суждение в функциональном аспекте предстают как различные логические формы организации структуры аргументации, а умозаключения – как способы установления логических связей.

Аргументы в правовом доказывании подчиняются не только юридическому закону, но и законам логики. Хотя законодательство прямо не регламентирует применение законов логики в процессе правовой аргументации, но косвенные отсылки к их необходимости можно проследить: к примеру, требование, чтобы решение суда являлось выводом из мотивировочной части фактических доказательств (формально-логический закон достаточного основания), требование непротиворечивости выводов суда [15, с. 480].

В уголовном процессе законы логики также способствуют правильной квалификации преступления, соответствующего его фактическим обстоятельствам. Сущность уголовно-правовой квалификации заключается в установлении и юридическом закреплении точного соответствия признаков совершенного деяния признакам состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Поэтому такой интеллектуальный процесс должен исключать неопределенность, противоречивость, непоследовательность и необоснованность выводов. Нарушение основных

логических принципов ведет к неправильной юридической оценке деяния и негативным юридическим последствиям – законный иск не удовлетворяется, однако удовлетворяется недостаточно обоснованный иск; административная вина трактуется как преступление; обвиняемый в преступлении, не несущем большой общественной опасности, карается слишком сурово, а опасный преступник получает незначительное наказание или уходит от него.

Логический закон достаточного основания имеет особое значение для правовой аргументации. Достаточность аргументов означает такую их совокупность, которая позволяет разрешить дело, доказать главный тезис. Так, например, принимая к рассмотрению гражданский иск, судья исходит из достаточности оснований для него. Они должны быть одновременно фактическими (реальная фабула дела), юридическими (наличие соответствующих этой фабуле процессуальных действий и документов, а также правового закона) и логическими (возможность установления мотивированной связи между конкретным случаем и нормой права). Достаточные основания обеспечивают определенность и предсказуемость правовой аргументации, а также способствуют справедливости в правоприменении. Судебные решения, подкрепленные надежными аргументами, скорее всего, будут восприниматься как справедливые.

Достаточность доказательств – это оценочное понятие, так как нет точных, конкретных установок, какое количество их необходимо. Достаточность аргументов – это скорее качественный, а не количественный показатель: когда, например, судья, основываясь на аргументах, ясно представляет все обстоятельства дела и может принять соответствующее решение; когда решение по тому или иному делу является прозрачным и убедительным для всех участников процесса.

Таким образом, все перечисленные логические основания правовой аргументации в своей совокупности и системном единстве обеспечивают ее целостность, непротиворечивость и убедительность. Логические принципы в процессе юридического анализа охватывают все главные формальные направления умственной деятельности юриста. Соблюдение этих принципов в практической деятельности способствует получению убедительных, обоснованных выводов в деле, направленных на правильную юридическую оценку событий, установление судебной истины.

Список источников

1. Овчинников А. И., Стеценко И. А., Фатхи В. И. Юридическая аргументация в судебном процессе: теоретико-методологический аспект // Юрист-Правовед. 2015. № 5 (72). С. 13–17. EDN: VIDLUB.
2. Булыгин Е. В. Логика и право // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 12–17. EDN: RVVVMH.
3. Лобовиков В.О. Логика, математика и естественное право как система // Логика толерантности и права : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 24–25 декабря 2001 г.) / под ред. В.О. Лобовикова, А.Г. Кислова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 187–208.
4. Ивлев Ю. В. Основы логической теории аргументации // Логические исследования. 2003. № 10. С. 50–60. EDN: SEDSAV.
5. Макеева Е.А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 21 с.
6. Поляков С. Б. Функции юридической аргументации в юридической практике // Юрид. техника. 2013. № 7-1. С. 287–294. EDN: RDLUVR.
7. Демина Л.А. Некоторые аспекты аргументации в области права // РАЦИО.ru. 2012. № 7. С. 54–61. EDN: RYFYJP.
8. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105. EDN: YSPNNL. <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.25>
9. Курбатов В.И. Логика: систематический курс. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 512 с.
10. Буксман Е. С., Бадретдинова С. А. Логика в юридической практике // Интеграция наук. 2017. № 5 (9). С. 222–224. EDN: ZAYYVP.
11. Васечко А.А. Норма права как юридическая, логическая и грамматическая конструкция // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 114–116. EDN: XTGHYL.
12. Лисанюк Е. Н. Аргументация в нормативных контекстах: подходы и проблемы // Коммуникация и образование : сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. СПб.: С.-Петербургское филос. об-во, 2004. С. 216–233.

13. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский изд. консорциум, 2011. 704 с.

14. Иванова А. П. Правовая аргументация: основные характеристики и стратегии рассуждения // Соц. и гуманитар. науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 : Государство и право. 2021. № 4. С. 160–169. EDN: YFJDHS. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.04.10>

15. Ульбашев А. Х. Логика доказывания // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Право. 2019. Т. 10, вып. 3. С. 477–490. EDN: YLGPDL. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.305>

References

1. Ovchinnikov A.I., Stetsenko I.A., Fathi V.I. Legal argumentation in the judicial process: a theoretical and methodological aspect. *Lawyer-Legal Expert*. 2015;(5):13-17. (In Russ.). EDN: VIDLUB.

2. Bulygin E.V. Logic and law. *Jurisprudence*. 2013;(4):12-17. (In Russ.). EDN: RVVVMH.

3. Lobovikov V.O. Logic, mathematics and natural law as a system. *The logic of tolerance and law*. Proceedings of the Scientific Conference (Ekaterinburg, 24th-25th December 2001). V.O. Lobovikov, A.G. Kislov (eds.). Ekaterinburg: Ural University Publishing House; 2002:187-208. (In Russ.).

4. Ivlev Yu.V. Fundamentals of the logical theory of argumentation. *Logical Research*. 2003;(10):50-60. (In Russ.). EDN: SEDSAV.

5. Makeeva E.A. *Legal argumentation as an object of epistemological analysis*. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 2003. 21 p. (In Russ.).

6. Polyakov S.B. The functions of legal argumentation in legal practice. *Legal Technique*. 2013;(7-1):287-294. (In Russ.). EDN: RDLUVR.

7. Demina L.A. Some aspects of argumentation in the field of law. *RATIO.ru*. 2012;(7):54-61. (In Russ.). EDN: RYFYJP.

8. Zemlyakova N.V., Garbovskaya N.B. Argumentation in judicial rhetoric. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(6):101-105. (In Russ.). EDN: YSPNNL. <https://doi.org/10.24158/tpor.2017.6.25>

9. Kurbatov V.I. *Logic: a systematic course*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2001. 512 p. (In Russ.).

10. Buksman E.S., Badretdinova S.A. Logic in legal practice. *Integration of Sciences*. 2017;(5):222-224. (In Russ.). EDN: ZAYYVP.

11. Vasechko A.A. The norm of law as a legal, logical and grammatical construction. *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*. 2018;(1):114-116. (In Russ.). EDN: XTGHYL.

12. Lisanyuk E.N. Argumentation in normative contexts: approaches and problems. *Communication and education*. Collection of articles. S.I. Dudnik (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society; 2004:216-233. (In Russ.).

13. Ehrlich O. *The foundations of the sociology of law*. Transl. from German by M.V. Antonov. V. G. Grafsky, Yu.I. Grevtsov (eds.). St. Petersburg: University Publishing Consortium; 2011. 704 p. (In Russ.).

14. Ivanova A.P. Legal argumentation: main characteristics and strategies of reasoning. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law*. 2021;(4):160-169. (In Russ.). EDN: YFJDHS. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.04.10>

15. Ulbashev A.H. The logic of proof. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2019;10(3):477-490. (In Russ.). EDN: YLGPDL. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.305>

Информация об авторе

Ю.Д. Парунова – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин КФ РГУП.

Information about the author

Yu.D. Parunova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Subjects, CB RSUJ.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 304.2
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-41-44>

О КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЖСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Станислав Владимирович Сикилинда

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
Новочеркасск, Россия
benromach@yandex.ru

Аннотация. Выдвигается культурно-философская, психосоциальная позиция с фокусом на том, как доминирующие черты маскулинности ограничиваются и активизируются в определенных контекстах, пересекаясь с другими идентичностями. Подчеркивается конструктивность анализа мужчин как воплощенных, эмоциональных и заботливых субъектов, т. е. изучения того, как мужчины воспринимают традиционно женские идеалы и практики. Рекомендуется уделять особое внимание локальным проявлениям маскулинности в конкретных сообществах, включая компьютерно-опосредованную среду, способствующую многомерной выраженности цифровой мужественности. Акцент делается на культурно-философских изменениях в положении мужчин и маскулинности в современном социуме.

Ключевые слова: культурно-философский анализ, мужественность, гендерная идентичность, цифровая маскулинность

Для цитирования: Сикилинда С.В. О культурно-философской интерпретации мужской идентичности в современном социуме // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 41–44. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-41-44>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE CULTURAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF MALE IDENTITY IN CONTEMPORARY SOCIETY

Stanislav V. Sikilinda

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
benromach@yandex.ru

Abstract. A cultural-philosophical, psychosocial position is put forward, focusing on how dominant features of masculinity are limited and activated in certain contexts, intersecting with other identities. The constructiveness of the analysis of men as embodied, emotional and caring subjects is emphasized, i.e., studying how men perceive traditionally feminine ideals and practices. It is recommended to pay special attention to local manifestations of masculinity in specific communities, including computer-mediated environments that facilitate the multidimensional expression of digital masculinity. The emphasis is on cultural and philosophical changes in the position of men and masculinity in contemporary society.

Keywords: cultural and philosophical analysis, masculinity, gender identity, digital masculinity

For citation: Sikilinda S.V. On the Cultural and Philosophical Interpretation of Male Identity in Contemporary Society. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):41-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-41-44>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В последние годы маскулинность ассоциируется с разнообразными культурно-философскими явлениями, позитивно связывается с феноменом отцовства и заботой о других [1–3]. Она привлекает внимание как общественности, так и ученых, провоцируя дебаты о кризисе в СМИ, а также обилие гуманитарных теорий и исследований. Теория маскулинности интенсивно развивается в рамках междисциплинарной сферы, в том числе с акцентом на философских и культурных представлениях о мужественности и их влиянии на различные группы мужчин и женщин [4–7]. Представляется плюралистическая и иерархическая перспектива, в которой разные мужские и женские качества сосуществуют и действуют по отношению друг к другу. В частности, Р.У. Коннелл отмечает, что власть осуществляется в формате маскулинности, которую оптимально трактовать как «конфигурацию практик» [8, р. 21]. В определенный момент в конкретном контексте некоторые мужчины проявляют гегемонистскую маскулинность, пользуются особыми привилегиями, в то время как женщины и другие мужчины занимают второстепенный статус, подчиняясь гегемонистским культурно-философским и дискурсивным практикам.

Сейчас существует много возможностей, благодаря им мужчины и мальчики могут переосмыслить свою мужественность, что, вероятно, в некоторых случаях облегчает философско-культурное преобразование общепринятых конвенций, вовлечение в традиционно феминизированные практики, такие как забота о других, явное выражение всей палитры эмоций. В текущей повседневности, в которой действуют как традиционные, так и новые идеалы маскулинности, формирование мужской идентичности неизбежно сопряжено с лавированием между различными, а иногда и противоречивыми аспектами, попытками найти баланс в определенных контекстах. Таким образом, процесс формирования маскулинности и заботы о внешнем виде и благополучии у мужчин из разных сфер (с разным уровнем ограничений) является актуальным предметом исследования в философии культуры.

Онлайн-взаимодействия предоставляют ценные фактические данные, потому что они функционируют естественным образом, затрагивают вопросы и эмоции, которыми, возможно, неудобно делиться офлайн. Сбор и анализ онлайн-данных можно противопоставить более массовым качественным исследованиям, как правило, основанным на интервью и предопределенным целями ученых. В настоящее время фактически наблюдается тенденция отхода от традиционных качественных методов в сторону творческих подходов, включая онлайн-методы или «сетевую графику» [9, 10].

Акцент на виртуальных пространствах компьютерно-опосредованной коммуникации, где мужчины могут использовать оптимальные возможности для активного проявления маскулинности, делается под релевантным покровом анонимности, что позволяет выражать обычно скрываемые эмоции. Согласно нашим наблюдениям, в определенных онлайн-сообществах мужчины проявляют интерес к широкому спектру маскулинности, которая может принести пользу их здоровью и благополучию. Положительные свойства цифровой маскулинности способствуют расширению границ мужской идентичности.

В различных виртуальных контекстах, включая обучающие программы и блогосферу, многие мужчины развивают цифровую маскулинность в атмосфере взаимной поддержки. Однако вопрос, насколько мужчины переосмысливают себя в Интернете, остается открытым. В нашем исследовании системно прослеживается как инновационная преемственность мужчин, так и изменения их проекций себя в виртуальном пространстве. Таким образом, хотя некоторые из них могут быть более открытыми, проявлять уязвимость, обращаться за помощью и предлагать поддержку коллегам, при этом они создают свои аккаунты с учетом традиционных представлений о маскулинности. Акт выражения конкретного эмоционально-волевого состояния в Интернете способен нарушать и реконструировать маскулинность. Однако способы, которыми такие действия оформляются, рационализируются и вписываются в контекст, вполне могут вызывать более традиционно маскулинные признаки, такие как прагматизм, рациональность, ориентация на практическое действие. Например, категории эмоций могут быть сведены к минимуму, истолкованы метафорически или оправданы с точки зрения здоровья/благополучия.

Очевидно, что онлайн-пространство позволяет мужчинам оказывать поддержку, обмениваться опытом по ряду вопросов, перестраивать мужественность в соответствии с традицион-

ными и современными ожиданиями. Поддержка может варьироваться от предоставления практических советов, как научиться полагаться на собственные силы, до обмена личными историями и эмоциями. И даже на сайтах, где доминируют мужчины (спортивные блоги), предлагаются различные формы поддержки, демонстрирующие заботу о других мужчинах. Помимо семей, друзей и сверстников, мужчины и мальчики все чаще принимают участие в оказании помощи в рамках кампаний поддержки и организаций, стремящихся к оптимизации социальных изменений, проецируемых государством.

В целом поддерживающая маскулинность практикуется в различных областях и ситуациях: отцы, заботящиеся о своих детях; приятели, делящиеся личными историями и юмористическими суждениями в спортивных блогах. Иногда для этого задействуются традиционные представления о маскулинности, в других случаях обстановка способствует более мягкому проявлению мужественности, в частности в контексте онлайн-форумов, нацеленных на решение семейных проблем. Однако влияние общепринятых норм маскулинности все еще может сдерживать слова поддержки и соответствующую дискурсивную практику. Очевидно, что степень и характер поддержки, предлагаемой и получаемой мужчинами, а также подразумеваемая в ней маскулинность варьируются в зависимости от контекста. Поведение отдельных мужчин определяется ситуацией, в которой они оказываются, а также их личной биографией. Забота и поддержка могут проявляться на многих уровнях: от межличностных встреч с друзьями и членами семьи до онлайн-взаимодействия со сверстниками. Возможно, легче вселить надежду в молодое поколение мальчиков и мужчин, более подверженных инклюзивным идеалам и программам по сравнению с мужчинами старшего возраста. Мы не должны сбрасывать со счетов потенциальный вклад мужчин среднего и старшего возраста в продвижение моделей маскулинности с большей заботой. Очевидно, что требуется дополнительная работа по выявлению барьеров и факторов, способствующих развитию поддерживающих мужских качеств в различных социальных группах и сообществах.

Список источников

1. *Берберова К.К.* Эволюция моделей маскулинности в российском обществе // Соц.-гуманит. знания. 2017. № 7. С. 200–204. EDN: ZEKXLL.
2. *Ильиных С.А.* Множественная маскулинность // Социол. исследования. 2011. № 7 (327). С. 101–109. EDN: NXSDQL.
3. *Чуркина Н.А.* Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. 2018. № 5. С. 16–20. EDN: XPPRLV.
4. *Игаева К.В., Шмелева Н.В.* Трансформация маскулинности в российском кинематографе // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 2. С. 140–148. EDN: XYRIMB. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-2-140-148>
5. *Булычев И.И.* Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира // Credo New. 2004. № 1. С. 3. EDN: PIJFED.
6. *Михайлова Е.В.* Гендерная философия: маскулинность и феминность // Вестн. Марийского гос. ун-та. 2011. № 6. С. 11–14. EDN: RDCPWP.
7. *Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А., Бондаренко Ю.Б.* Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14, № 1 (71). С. 158–174. EDN: IZJDHN. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.1.11>
8. *Connell R.W.* Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995. 295 p.
9. *Kovtunen I., Kudryashov I., Bak H., Narushevitch A.* Contextual Variability of Responsive Utterances in Blog Interaction Compared to Face-to-Face Communication // Media Education. 2023. Vol. 19, № 1. P. 51–60. EDN: JLGFCN. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.51>
10. *Kovtunen I.V., Kudryashov I.A.* Rhetorical Relations of Concession and Their Pragmatic Role in the Development of Blog Texts // Espacios. 2019. Vol. 40, № 40. P. 1–8. EDN: MYXCGK.

References

1. Berberova K.K. The evolution of masculinity models in Russian society. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2017;(7):200-204. (In Russ.). EDN: ZEKXLL.
2. Ilinykh S.A. Multiple masculinity. *Sociological Research*. 2011;(7):101-109. (In Russ.). EDN: NXSDQL.
3. Churkina N.A. Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation. *Sociodynamics*. 2018;(5):16-20. (In Russ.). EDN: XPPRLV.
4. Igaeva K.V., Shmeleva N.V. The transformation of masculinity in Russian cinema. *Observatory of Culture*. 2021;18(2):140-148. (In Russ.). EDN: XYRIMB. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-2-140-148>
5. Bulychev I.I. Images of masculinity and femininity in the format of the gender worldview. *Credo New*. 2004;(1):3. (In Russ.). EDN: PIJFED
6. Mikhailova E.V. Gender philosophy: masculinity and femininity. *Bulletin of the Mari State University*. 2011;(6):11-14. (In Russ.). EDN: RDCPWP.
7. Kovtunen I.V., Kudryashov I.A., Bondarenko Yu.B. The problem of multidimensional identity in postmodern society. *Humanities of the South of Russia*. 2025;14(1):158-174. (In Russ.). EDN: IZJDHN. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.1.11>
8. Connell R.W. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press; 1995. 295 p.
9. Kovtunen I., Kudryashov I., Bak H., Narushevitch A. Contextual variability of responsive utterances in blog interaction compared to face-to-face communication. *Media Education*. 2023;19(1):51-60. EDN: JLGFCB. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.51>
10. Kovtunen I.V., Kudryashov I.A. Rhetorical relations of concession and their pragmatic role in the development of blog texts. *Espacios*. 2019;40(40):1-8. EDN: MYXCGK.

Информация об авторе

С.В. Сикилинда – соискатель кафедры социальных и гуманитарных наук ЮРГПУ (НПИ).

Information about the author

S. V. Sikilinda – Competitor, Department of Social and Human Sciences PSRSPU (NPI).

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 947.083(470.621)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-45-50>

РОЛЬ АРМЯНСКИХ КУПЦОВ ТЕРЗИЕВЫХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА МАЙКОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Геворг Арутюнович Григорян
gevorg-grigoryan-92@bk.ru

Аннотация. Анализируется вклад армянских купцов Терзиевых в социально-экономическое и культурное развитие г. Майкопа в конце XIX – начале XX в. Основное внимание уделяется Василию Дмитриевичу и Макару Борисовичу Терзиевым, которые сыграли ключевую роль в создании образовательных и благотворительных учреждений, таких как Майкопская горская школа и Свято-Осиевское братство. Также рассматривается их предпринимательская деятельность и вклад в культурные проекты, включая строительство Пушкинского народного дома. Несмотря на сложные социальные и политические условия, в частности муниципализацию после Октябрьской революции, деятельность этой семьи способствовала культурной интеграции и развитию местного общества. Выявлено, что семья Терзиевых, представляя армянскую общину, не только занималась предпринимательством, но и активно участвовала в общественной жизни, и это повлияло на формирование культурного и образовательного пространства города. Вклад Терзиевых в развитие Майкопа был значительным и оставил неизгладимый след в истории города, несмотря на уничтожение их наследия в советский период.

Ключевые слова: крепость Майкоп, горская школа, Василий Дмитриевич Терзиев, Макар Борисович Терзиев, армянское купечество, торговая деятельность

Для цитирования: Григорян Г. А. Роль армянских купцов Терзиевых в общественной и экономической жизни города Майкопа во второй половине XIX – начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 45–50. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-45-50>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ROLE OF THE ARMENIAN MERCHANTS TERZIEVS IN THE SOCIAL AND ECONOMIC LIFE OF MAIKOP IN THE SECOND HALF OF THE 19th - EARLY 20th CENTURY

Gevorg A. Grigoryan
gevorg-grigoryan-92@bk.ru

Abstract. The article analyzes the contribution of the Armenian merchants Terzievs to the socio-economic and cultural development of Maikop in the late 19th - early 20th century. The main focus is on Vasily Dmitrievich and Makar Borisovich Terziev, who played a key role in the establishment of educational and charitable institutions such as the Maikop Mountain School and the Holy Osiev Brotherhood. Their entrepreneurial activities and contribution to cultural projects, including the construction of the Pushkin People's House, are also considered. Despite the difficult social and political conditions, including municipalization after the October Revolution, the activities of this family contributed to the cultural

integration and development of the local community. It is revealed that the Terziev family, representing the Armenian community, was not only engaged in entrepreneurship, but also actively participated in public life, which influenced the formation of the cultural and educational space of the city. The Terzievs' contribution to the development of Maikop was significant and left an indelible mark on the history of the city, despite the destruction of their heritage during the Soviet period.

Keywords: fortress Maikop, mountain school, Vasily Dmitrievich Terziev, Makar Borisovich Terziev, Armenian merchants, trade activities

For citation: Grigoryan G. A. The Role of the Armenian Merchants Terzievs in the Social and Economic Life of Maikop in the Second Half of the 19th - Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(2):45-50. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-45-50>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В 1857 г. была основана крепость Майкоп, которая с конца 60-х гг. XIX в. начала активно развиваться. 24 декабря 1870 г. (5 января 1871 г.) крепость получила статус города [1]. К середине 1871 г. сюда была переведена Лабинская горская школа. Инициатором этого решения стал действительный статский советник Василий Дмитриевич Терзиев (1818–1889), возглавлявший дирекцию Кубанских народных училищ. Городская казна не могла обеспечить финансирование горской школы, но В. Д. Терзиев обратился в Министерство народного просвещения России с просьбой о выделении средств из государственной казны. В 1880 г. императорским указом утвердили ежегодное выделение для Майкопской горской школы 1500 р.

Сам Василий Дмитриевич происходил из семьи армянских купцов, ведущих торговую деятельность в Армавире. Его братья также занимались торговлей в Майкопе [2]. Представители этого рода внесли значительный вклад в развитие города, активно участвуя в его культурной, экономической и общественной жизни.

В истории Майкопа заметное место занимает фигура Макара Борисовича Терзиева (Мхитара Багдасаровича Терзияна), выходца из Армавира. Неясно, кем именно он приходился Василию Дмитриевичу, однако известно, что армавирские Терзиевы были связаны родством. До сего дня на улице Розы Люксембург в Армавире сохранились владения родственников майкопских Терзиевых: Ардаша и Николая Николаевича Терзиевых, а также Егора Петровича Терзиева [3, с. 299–301].

Макар Терзиев вошел в историю Майкопа как известный благотворитель, меценат и крупный предприниматель. Он неоднократно избирался в городскую думу и вместе со своим племянником Константином Терзиевым владел фирмой «Торговый дом Макар и Константин Терзиевы», занимавшейся торговлей тканями. Ее магазин располагался на месте нынешнего Майкопского городского суда.

В 1892 г. в городе фактически началась деятельность первой добровольной общественной организации – майкопского благотворительного Свято-Осиевского братства. В день его открытия Макар Борисович Терзиев, Степан Карпович Карапетов, Григорий Давытянц и другие жертвователи внесли около 25 р. Макар Борисович также входил в постоянный совет Свято-Осиевского братства [4, с. 87]. Кроме того, он помогал и в частном порядке. Так, 28 мая 1898 г. во главе с учителем Тарасенко состоялась экскурсия учеников 1-го Майкопского городского одноклассного училища (школы) (120 чел.). Они отправились к озеру, которым владел М. Б. Терзиев. Он предоставил 20 конных подвод для подвоза детей до места отдыха, а также раздал им удочки для рыбалки, покатали на лодке и накормил обедом и ужином [4, с. 322].

Именно представители фамилии Терзиевых в Майкопе первыми начали производство одного из самых распространенных музыкальных инструментов страны – гармошки. В 1896 г. торговля гармошками перешла в руки купца Николая Завершинского [5].

Кроме того, Терзиевы первыми привезли в Майкоп из Германии швейные машинки. Когда они убедились, что спрос на машинки растет (их стали покупать не только белошвейки, но и интеллигенция, мещане), стали завозить этот товар небольшими партиями.

Будучи весьма предприимчивыми, Терзиевы решили снабжать зингеровскими машинками и отдаленные горские аулы. Для этого нужен был дистрибьютор из местных горцев. Им стал окончивший Майкопскую горскую школу и механико-техническое училище Мос Шовгенов [6].

4 декабря 1899 г. и в Армавире Макар Борисович Терзиев с племянником Константином Яковлевичем Терзиевым основали на правах полного товарищества фирму «Торговый дом М. и К. Терзиевы». Однако ее главная контора находилась именно в Майкопе.

1 января 1900 г. началось активное функционирование названной фирмы. Макар Терзиев вложил 40 000 р., а Константин Терзиев – 20 000, что составило первоначальный капитал компании. Часть средств была внесена наличными, а часть – товарами.

Фирма имела право приобретать недвижимое имущество, сдавать его в аренду или продавать, а также покупать и передавать векселя, учитывать их в банках и других кредитных учреждениях. Она могла совершать различные сделки и в случае возникновения спорных вопросов обращаться в суд. Основным направлением деятельности была продажа тканей и текстиля [7, л. 1].

Один из самых первых Пушкинских народных домов был построен в Майкопе по инициативе местной интеллигенции на средства горожан и купечества как культурно-просветительный центр города. Строительство здания началось в честь 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, и уже в ноябре 1900 г. этот народный дом был торжественно открыт. Автором проекта стал И. А. Фомин, участник театрального кружка, который безвозмездно разработал его. Но именно Макар Борисович Терзиев активно содействовал строительству Пушкинского дома. Согласно сохранившимся архивным документам, он входил в состав комиссии по строительству вместе с другими представителями армянской общины города: Серафимом Никитичем Чибичевым и Арташесом Сергеевичем Хорасановым [7, л. 204].

В 1895 г. владелец текстильного магазина М. Б. Терзиев, гласный Майкопской городской думы Г. Г. Давтянц, хозяин табачной фабрики Я. М. Терзиев, собственник кирпичного завода С. К. Карапетов и совладельцы солодовенного завода С. Н. Чибичев и А. С. Хорасанов обратились в городскую управу с просьбой выделить место для строительства армянской церкви [4, с. 321].

Сначала городские власти пошли навстречу общине и выделили часть так называемой дровяной площади, что ныне носит название площади Дружбы. Однако позже было решено выделить территорию на углу современных улиц Первомайской и Победы [8].

В сентябре 1901 г. состоялось открытие церкви, которая была названа Сурб Григор в честь Григория Просветителя. Однако уже с середины 1900 г. здесь проходили крещения, что подтверждается данными метрической книги [9, л. 176].

Макара Борисовича Терзиева не стало 24 августа 1902 г., его похоронили на территории церкви, что было признанием высоких заслуг покойного. В дальнейшем там же предавали земле и других меценатов армянского происхождения.

В годы коммунистического богоборчества были осквернены и разрушены здания армянской церкви, осквернена также и могила Макара Терзиева. Долгое время о нем вообще не упоминалось, и лишь в 2004 г. во время строительных работ на территории бывшей армянской церкви обнаружили останки Терзиева и каменную могильную плиту. Их перезахоронили, а также установили памятник на территории новой армянской церкви, построенной в 2001 г. на улице Западной [10].

Вот как упоминал об этой церкви писатель и драматург Е. Л. Шварц: «И вот я играл во дворе, пока не начинал звонить унылый колокол армянской церкви. Она еще не была достроена. Колокола ее, временные, помещались под навесом маленькой, невысокой деревянной звонницы во дворе. Колокол звонил заунывно, тревожил мою совесть, напоминая о неотвратимых обязанностях ученика реального училища. Но я все откладывал да откладывал» [11, с. 108].

После смерти Макара Терзиева дело продолжил его сын – Яков Терзиев, а по некоторым данным – племянник. В 1905 г. при поддержке Я. М. Терзиева армянская община города основала на территории церкви армянскую церковно-приходскую школу.

В этой школе обучалось 48 детей – 27 мальчиков и 21 девочка. Преподавали в ней три учителя: Эгине Долибегян, Ваан и Нвард Канаяны. К 1910 г. число учеников увеличилось до 72, а

количество учителей возросло до четырёх. К 1915 г. в школе обучалось уже 68 учеников: 25 мальчиков и 43 девочки [12].

В 1908 г. при активной материальной поддержке Якова Терзияна и на средства армянских купцов города было построено здание армянского купеческого собрания. Это сооружение сохранилось до наших дней, и сейчас в нём располагается Северо-Кавказский филиал Государственного музея Востока. Улица Лазаретная была переименована в улицу Армянскую, так как на ней построено красивое здание армянского купеческого собрания и армянская церковь. И только в 1965 г., в честь 20-летия Великой Победы, она получила нынешнее название.

Яков Терзиев также владел одной из крупнейших табачных фабрик в Майкопе, здание которой сохранилось до наших дней. Она выпускала папиросы «Амба», «Нуво», «Баян» и «Нектар». К 1911 г. фабрика Я. М. Терзиева производила 4,3 тыс. пудов русского табака и 4 пуда иностранного и относилась к числу лидеров в Кубанской области по количеству обандероленной продукции (124 тыс. р.) [13, л. 107].

По сообщениям «Майкопской газеты» стало известно, что в 1912 г. на фабрике Терзиева около полудня произошёл пожар. К счастью, благодаря слаженным действиям сотрудников его удалось быстро потушить, не привлекая пожарных. В подвальном помещении, где располагался мотор, по неизвестной причине загорелся деревянный ящик. Рядом находился керосин, который не воспламенился лишь потому, что возгорание было обнаружено на ранней стадии и оперативно ликвидировано [14].

В октябре того же года купец Я. М. Терзиев сообщил приставу второй части, что с его фабрики в результате воровства систематически пропадают необандероленные табак и папиросы. В числе подозреваемых он назвал двух служащих – Г. П. Тареева и В. И. Игольников. Был проведён обыск. В квартире Тареева обнаружили 12 фунтов листового табака и 16 пачек необандероленных папирос [15].

А спустя год, в октябре 1913 г., в училищную комиссию поступило предложение от Я. М. Терзиева о продаже участка земли с кирпичным зданием, которое ранее использовалось как табачная фабрика. Это могло бы стать хорошим и удобным местом для школы [16].

12 июня 1915 г. ушёл из жизни Я. М. Терзиев – один из старейших жителей Майкопа и владелец табачной фабрики. Его сын, Михаил Терзиев, стал новым хозяином фабрики [17].

В то же время в Майкопе продолжал успешно заниматься мануфактурой другой представитель знаменитой фамилии – Константин Терзиев. В начале своего пути в качестве предпринимателя он рекламировал утюги, керосиновые фонари и лампы, а в дальнейшем вместе с Макаром Терзиевым основал торговый дом.

Известно, что в ночь на 4 июня 1913 г. в квартиру К. Я. Терзиева проникли неизвестные злоумышленники. Они воспользовались подобранным ключом и открыли парадную дверь. В результате из квартиры было украдено золотых, серебряных и других ценных вещей на сумму более 1000 р. [18].

После Октябрьской революции в Майкопе, как и повсюду, началась муниципализация имущества купцов. Были арестованы и выселены из собственных домов представители богатых сословий. В частности, табачную фабрику бывшего купца Терзиева заняли рабочие его фабрики.

Новая власть стала расселять армянских и ассирийских беженцев в бывшие дома и торговые помещения армянских купцов в городе, среди них – здания армянского купеческого собрания, армянской церкви, бывшей табачной фабрики Якова Терзиева, гостиницы «Россия» С. К. Карапетова и др. [19, л. 25].

Осенью 1917 г. во время пребывания на Северном Кавказе известный полководец Андраник Озаян посетил г. Майкоп. В качестве места своего пребывания он избрал именно дом Терзиевых, где встретился с представителями армянской общины.

Цель этой встречи заключалась в том, чтобы усилить поддержку армянских беженцев, которые переселялись из западной части исторической Армении в восточную. На собрании также присутствовал Тер-Ваган Аскарянц, настоятель Армянской апостольской (тогда – григорианской) церкви.

Известный полководец попросил не акцентировать внимания на его личности и подчеркнул, что каждый армянин должен заботиться о своих ближних. Он также выразил благодарность за гостеприимство и помощь, оказанную местными казаками [20, с. 176].

Подводя итоги, можно отметить, что представители армянской фамилии Терзиевых внесли значительный вклад в экономическое и культурное развитие Майкопа на рубеже XIX–XX вв., принимая активное участие в учреждении, строительстве и деятельности образовательных, благотворительных и культурных объектов, таких как Майкопская горская школа, Свято-Осиевское братство, Пушкинский народный дом и армянская церковь.

Список источников

1. Харламов М. История возникновения и развития города Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник: тр. Кубанского обл. стат. комитета / под ред. Л.Т. Соколова и при сотрудничестве А.С. Селевко. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1912. Т. 17. С. 387–456.
2. Крылов Д. Учились сами, учили горцев // Советская Адыгея. 2016. 10 нояб.
3. Ктиторов С. Н. Объекты культурного наследия народов Кубани в исторической среде города Армавира. Армавир: Редакция газеты «Армавирский собеседник», Армавирская тип., 2016. 379 с.
4. Мазурик В. К. Неизвестный Майкоп: исторические очерки : в 2 кн. Кн. 2 : Майкопская хроника конца XIX столетия. Майкоп: Аякс, 2006. 405 с.
5. Крылов Д. Играй, гармонь! // Советская Адыгея. 2017. 10 янв.
6. Крылов Д. Двигатель прогресса // Советская Адыгея. 2017. 31 мая.
7. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45.
8. Майкопские новости. 1913. 9 апр. Ст. № 80.
9. НАРА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 43.
10. Кадиева К. Под плитами истории. Как спасли памятник первому меценату Адыгеи // АиФ-Адыгея. 2015. № 45. 4 нояб.
11. Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Ленинград: Советский писатель, 1990. 752 с.
12. В мире и согласии // Майкопские новости. URL: <https://maykop-news.ru/page/v-mire-i-soglasii/> (дата обращения: 23.04.2015).
13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 487. Оп. 1. Д. 10.
14. Майкопская газета. 1912. № 174. 3 авг.
15. Майкопская газета. 1912. № 230. 16 окт.
16. Майкопская газета. 1913. № 227. 9 окт.
17. Майкопская газета. 1915. № 128. 14 июня.
18. Майкопская газета. 1913. № 125. 6 июня.
19. НАРА. Ф. 68. Оп. 1. Д. 34.
20. Акоюн В. З. История прихода Армянской апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 178 с.

References

1. Kharlamov M. History of the emergence and development of the city of Maikop in connection with the history of the Trans-Kuban region. *Kuban collection: Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee*. L.T. Sokolov (ed.). Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government; 1912;17:387-456. (In Russ.).
2. Krylov D. Studied themselves, taught the highlanders. *Soviet Adygea*. 2016. 10th November. (In Russ.).
3. Ktitorov S.N. *Objects of cultural heritage of the peoples of Kuban in the historical environment of the city of Armavir*. Armavir: Editorial staff of the newspaper “Armavir Interlocutor”; Armavir Printing House; 2016. 379 p. (In Russ.).
4. Mazurik V.K. *Unknown Maikop: historical essays: in 2 books. Book 2: Maikop chronicle of the end of the 19th century*. Maikop: Ayaks; 2006. 405 p. (In Russ.).
5. Krylov D. Play, accordion! *Soviet Adygea*. 2017. 10th January. (In Russ.).
6. Krylov D. Engine of progress. *Soviet Adygea*. 2017. 31st May. (In Russ.).
7. *National Archives of the Republic of Adygea* (hereinafter – NARA). Fund 1. In. 1. File 45. (In Russ.).
8. *Maikop News*. 1913. No. 80. 9th April. (In Russ.).
9. *NARA*. Fund 77. In. 1. File 43. (In Russ.).
10. Kadieva K. Under the slabs of History. How the monument to the first patron of Adygea was saved. *AiF-Adygea*. 2015. No. 45. 4th November. (In Russ.).
11. Schwartz E. *I live restlessly... From diaries*. Leningrad: Soviet writer; 1990. 752 p. (In Russ.).
12. In peace and harmony. *Maikop News*. Available from: <https://maykop-news.ru/page/v-mire-i-soglasii/> [Accessed 23rd April 2015]. (In Russ.).

13. *State Archive of Krasnodar Region*. Fund 487. In. 1. File 10. (In Russ.).
14. *Maikop Newspaper*. 1912. No. 174. 3rd August. (In Russ.).
15. *Maikop Newspaper*. 1912. No. 230. 16th October. (In Russ.).
16. *Maikop Newspaper*. 1913. No. 227. 9th October. (In Russ.).
17. *Maikop Newspaper*. 1915. No. 128. 14th June. (In Russ.).
18. *Maikop Newspaper*. 1913. No. 125. 6th June. (In Russ.).
19. *NARA*. Fund 68. In. 1. File 34. (In Russ.).
20. Akopyan V.Z. *History of the parish of the Armenian Apostolic Church of Pyatigorsk*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University; 2005. 178 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. А. Григорян – независимый исследователь.

Information about the author

G. A. Grigoryan – Independent Researcher.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 18.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 94(495).06
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-51-60>

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ЕВГЕНИЯ ДЕ ВИЛЬНЁВА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ

Александр Викторович Миргородский
Администрация города Таганрога, Таганрог, Россия
mirgorodski@mail.ru

Аннотация. Представлены новые подробности жизни и деятельности литератора, историка, археолога и директора Феодосийского музея древностей Евгения Францевича де Вильнёва (1802–1879?), касающиеся происхождения и состава его семьи, участия в Греческой революции в 1825–1826 гг., литературной деятельности в Европе и России, а также жизни и творчества в Таганроге, Одессе и Феодосии. Вводятся в научный оборот сведения из российских и французских первоисточников, а также отечественной и зарубежной прессы XIX в., в том числе по участию де Вильнёва и его родственников в благотворительной деятельности во время Крымской (Восточной) войны.

Ключевые слова: Евгений Францевич де Вильнёв, Таганрог, Одесса, Феодосия, Крым, французы Крыма, Франция, Крымская война, благотворительная деятельность

Для цитирования: Миргородский А.В. Неизвестные страницы жизни Евгения де Вильнёва и его окружения // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 51–60. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-51-60>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE UNKNOWN PAGES IN THE BIOGRAPHY OF EUGENE DE VILLENEUVE AND HIS ENTOURAGE

Alexander V. Mirgorodsky
Taganrog Local Government, Taganrog, Russia
mirgorodski@mail.ru

Abstract. New details are presented about the life and work of the writer, historian, archaeologist and director of the Feodosia Museum of Antiquities Eugene Frantsevich de Villeneuve (1802-1879?), concerning the origin and composition of his family, participation in the Greek Revolution in 1825-1826, literary activity in Europe and Russia, as well as life and work in Taganrog, Odessa and Feodosia. Information from Russian and French primary sources, as well as from the domestic and foreign press of the 19th century, including the participation of de Villeneuve and his relatives in charitable activities during the Crimean (Eastern) War, is introduced into scientific circulation.

Keywords: Eugene Frantsevich de Villeneuve, Taganrog, Odessa, Feodosia, Crimea, French of Crimea, France, Crimean War, charitable activities

For citation: Mirgorodsky A.V. The Unknown Pages in the Biography of Eugene De Villeneuve and His Entourage. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):51-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-51-60>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Евгений Францевич¹ (Пётр Франциск Карл Евгений) де Вильнёв (1802–1879?) давно вошёл в историю Крыма и всей России как историк, археолог, один из лучших хранителей старейшего в Новороссийском крае Феодосийского музея древностей, член Одесского общества истории и древностей.

За последние 15–20 лет стараниями исследователей Э. Б. Петровой, Г. И. Беднарчика [1, 2], Д. А. Мальшева [3], И. В. Тункиной [4, с. 147–167, 176–180], А. А. Непомнящего [5] в научный оборот введены важные материалы из архивных первоисточников, открывшие широкому кругу любителей истории Крыма малоизвестные страницы биографии француза на русской службе.

В 2024 г. в Санкт-Петербурге вышло первое русское издание греческого дневника Эжена де Вильнёва, составленного им в 1825 и 1826 гг. [6]. Перевод предваряет вводная статья «Де Вильнёв: филэллин и русофил», содержащая уникальные сведения о раннем периоде жизни литератора. На основе французских и российских первоисточников в научный оборот, в частности, введены точные даты рождения француза и его супруги, сведения о его семье и родственниках жены, подробности венчания и бракосочетания с Анжелой Кацаити в Греции, регистрации брака во Франции, а также многие другие детали его биографии с середины 1820-х гг. и вплоть до поступления на службу в Одессе.

Данная статья дополняет биографический очерк новыми материалами, найденными в российской прессе середины XIX в., Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Республики Крым.

Точную дату появления де Вильнёва на свет удалось установить благодаря архивным метрическим книгам, хранящимся в его родном городке Сент-Север-сюр-Эндр². В записи, сделанной заместителем мэра Антуаном Дефоссе, сказано следующее: «№ 16. Рождение Пьер-Франсуа-Шарль-Эжена Девильнёва. Сегодня, пятого флореаля в 10-й год Французской Республики (25 апреля 1802 г. – А. М.), в коммуне Сент-Север родился Пьер, Франсуа, Шарль, Эжен Де Вильнёв, в законном браке французского гражданина Девильнёва, мэра сего города, и госпожи Север, Роз Дорген...» [7, f. 5].

По метрическим книгам удалось также выяснить, что Эжен не единственный ребёнок в семье; у него был старший брат – Шарль-Франсуа-Эжен (1797 г. р.), а также четыре сестры – Катрин-Эжени (1795 г. р.), Зоэ-Фелисите-Роз (1799 г. р.), Луиз-Лоранс-Эрнестин (1804 г. р.) и Вероник-Эжени-Феоли-Фани (1807 г. р.).

Де Вильнёв происходил из дворян Королевства Франция и был римско-католического вероисповедания. Родового имени он не имел, воспитывался в отеческом доме под надзором известного профессора Бургского лицея де Табо. Эжен поступил на службу в Королевскую гвардию 18 марта 1819 г. и находился на ней до 1 ноября 1821 г. [8, л. 5].

В юности француз имел возможность много странствовать по свету: «Я ещё молод, но побывал в южных штатах Америки, знаком с Англией, Шотландией, Ирландией, Германией, Швейцарией и Италией. У меня было желание немного изучить людей, но во всех этих странах мне встречались только несправедливые и коварные, готовые преследовать несчастных невиновных и защищать богатых виновников» [9, р. 166].

В 1824 г., сочувствуя патриотам Эллады, де Вильнёв, как и многие молодые люди Европы, решил последовать примеру лорда Байрона³ и устремился в охваченную войной Грецию, чтобы принять участие в вооруженной борьбе её народа за независимость от Османской империи. Юный романтик выехал из Нанси 26 декабря 1824 г. и в марте 1825 г. ступил на остров Корфу. На протяжении нескольких месяцев Эжен де Вильнёв служил ротмистром в греческой армии и, побывав в Триполице, Наварине, Наполи-ди-Романья (Нафплионе), Афинах и на островах Греческого архипелага, лично общался с такими героями Греческой революции, как А. Маврокордато, Д. Ипсиланти, Т. Колокотронис, К. Канарис, А. Миаулис, Ш.Н. Фавье,

¹ Реже – Евгений Карлович де Вильнёв.

² Сент-Север-сюр-Эндр (фр. Sainte-Sévère-sur-Indre) – коммуна во Франции, в регионе Центр, департамент Эндр, округ Ла-Шатр, примерно в 270 км к югу от Парижа. Административный центр кантона Сент-Север-сюр-Эндр.

³ Джордж Гордон Байрон (1788–1824) – английский поэт, филэллин. В 1823 г. отправился в Грецию с добровольческим отрядом участвовать в национально-освободительной войне против Турции. Заболел лихорадкой и умер в Миссолунги в 1824 г.

М. Маврогенус и др. Участие ротмистра де Вильнёва «в форме французского улана» в обороне Наполи-ди-Романья подтверждается, в частности, таким видным филэллин, как граф Джачинто ди Колленьо [10, р. 283].

Именно в Греции в самый разгар войны состоялось знакомство де Вильнёва с любовью всей его жизни – гречанкой Анжелой Кацаити, которой на тот момент едва исполнилось 13 лет, её старшей сестрой Арриетой, а также с их родителями – капитаном Анастасием Кацаити из Кефалонии и Еленой Каstellи Кацаити (урождённой Томбазис). Уволившись со службы в греческой армии, весной 1826 г. французский филэллин женился на этой юной девушке и отправился вместе с ней в Россию.

14 (26) мая 1826 г. молодожёны ступили на русскую землю, прибыв в Одессу – город на юге России, где проживала самая многочисленная греческая диаспора, а уже отсюда отправились в Москву. В старой столице де Вильнёвы не только стали частыми гостями в модных салонах, но и были удостоены приёма в Кремле российским императором Николаем I и его супругой Александрой Фёдоровной. За время пребывания в Москве и путешествия по стране французский филэллин весьма точно уловил настроения русской элиты относительно идущей в Греции войны. В своих записях он предсказывает грядущее вмешательство в этот конфликт Российской империи [6, с. 171–177].

Небольшая зарисовка визита Эжена и Анжелы де Вильнёв в Москву представлена и на страницах путевого дневника поэтессы Адель Оммер де Гелль: «...Сразу же после бракосочетания страсть к путешествиям унесла молодую пару к лучшим дворам Европы, где юную гречанку всегда принимали с восторгом благодаря её великолепному смирнотскому костюму и дивной наружности. В Москве она так сильно понравилась находившейся в тот момент в городе императрице, что та всерьёз подняла вопрос о включении её в свою свиту в качестве фрейлины Её Величества. Но, с другой стороны, во всех салонах разговоры были только о прекрасном французе, вскружившем голову всем московским дамам...» [11, р. 55–56].

Из России Эжен и Анжела отправились в Европу, где были также удостоены благосклонного и радушного приёма при дворах нескольких европейских монархов [6, с. 177–181]. Конечной точкой поездки для супружеской четы стал Брюссель, где французский филэллин планировал передохнуть, чтобы затем снова вернуться в ряды борцов за независимость Греции. В том же году там выходит «Дневник Эжена де Вильнёва, ротмистра Греческой армии, составленный в Греции в 1825 и 1826 годах». На авантитуле книги размещён портрет самого автора в греческом национальном костюме, вооруженного двумя мушкетами и кинжалом, а в приложении даны репродукции нескольких подтверждающих документов на греческом, турецком и французском языках. Отзывы и сообщения о выходе сочинения публиковались на страницах многих европейских газет [12–15].

Небезынтересно, что впервые отрывки из сделанных в Греции дневниковых записей де Вильнёв обнаружил ещё во время пребывания в России на страницах «Московского телеграфа» [16], но публикация трёх фрагментов не помешала Комитету иностранной цензуры запретить его книгу в 1828 г. [17, с. 182, 373].

Согласно архивным первоисточникам, бракосочетание Эжена и Анжелы в соответствии с французскими законами было оформлено 19 июня 1830 г. генеральным консулом и поверенным Франции в Эгине бароном де Руаном¹. На церемонии присутствовали мать невесты Елена Кацаити, которая дала официальное согласие на брак своей дочери, сестра невесты Арриета Ковако, знаменитый французский корсар и филэллин Антуан Пассано², директор французского издательства в Эгине Леон Баден, а также проживавшие в Эгине иностранцы Адольф де Мондеси и Пьер Бартелеме Мертруд. 5 октября того же года Эжен и Анжела зарегистрировали свой брак в мэрии коммуны Сент-Север-сюр-Эндр [18, f. 3–4].

28 января 1828 г. де Вильнёв становится членом Аркадской академии в Риме, а 14 июня 1834 г. – членом французского Общества всеобщей статистики. С 1 августа 1835 г. до 1 июня 1837 г. он служил офицером гренадёров Национальной гвардии в Париже [8, л. 5].

¹ Ашиль Жан Мари Де Руан Малле (1785–1855) – французский барон, дипломат, ген. консул и поверенный Франции в Греции с 1829 г., командор ордена Почётного легиона.

² Антуан Пассано (1777–1836) – французский филэллин, полковник, участник Греческой войны за независимость.

В то же время де Вильнёв не оставляет своих литературных занятий: так, в 1829 г. в Греции увидела свет его небольшая 12-страничная брошюра [19], посвящённая офицеру российского военно-морского флота Павлу Муравьеву¹ – лейтенанту фрегата «Мария», участнику боевых действий в Греческом архипелаге и блокады Дарданелл.

Французский библиограф и литературовед Жозеф-Мари Керар свидетельствует, что в этот же период во французской столице издаются небольшие стихотворения литератора: «Воспоминания о Греции. Моему другу Луи-Толлер Дегутту» (1832), «Посвящение Г-ну Беназе, подполковнику 2-го пригородного легиона» (1833) и несколько других [20, р. 200].

Параллельно продолжалась научная карьера де Вильнёва: с 22 декабря 1835 г. он член Исторического института Франции, а с 3 мая 1837 г. – член Французской академии по части земледелия, мануфактур и коммерции [8, л. 5].

Осенью 1837 г. француз выехал в Австрию, где принял решение снова отправиться в Россию. В Вене он получил письмо от своего родственника – «находящегося в Таганроге ластового экипажа капитана Каваки» [21, л. 2 об. – 3]. Речь здесь идёт о свояке де Вильнёва, супруге Арриеты – капитане 13-го ластового экипажа Николае Дмитриевиче Ковако. На это указывает его выезд за пределы России в 1824–1832 гг. с формулировкой «уволен в заграничный отпуск» (в Грецию или Турцию), где, вероятно, он и женился на сестре Анжелы Кацаити – как свидетельствуют архивные документы, летом 1830 г. Арриета уже носила фамилию Ковако². После возвращения на родину Н. Д. Ковако был принят на службу с назначением в 13-й ластовый экипаж, чином капитана [22, с. 259–260]. До конца 1840-х гг. он поочередно замещал должность комиссионера Черноморского управления в Ростове или Таганроге.

В декабре 1837 г. де Вильнёв прибыл в Таганрог – один из крупнейших и влиятельных центров греческой диаспоры в стране. Собственно целью его прибытия было преподавание французского языка, с ходатайством о чём он сразу же обратился к училищному начальству. Поскольку по делам Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии никаких сведений, препятствовавших жительству де Вильнёва в Таганроге, не было, возражений к этому со стороны Министерства внутренних дел не последовало [21, л. 21–22 об.]. 10 (22) марта 1839 г. француз получил дозволение главного попечителя Одесского учебного округа на исправление должности учителя французского языка в Таганрогской классической мужской гимназии [8, л. 5–5 об.; 23, с. 142].

7 (19) мая 1842 г. в Новочеркасске состоялась церемония приёма де Вильнёва в гражданство России. В журнале войскового правления Войска Донского за май 1842 г. сохранилась запись приказа о приводе Евгения Францевича де Вильнёва к присяге: «Приказали: учителя Таганрогской гимназии французско-подданного де Вильнёва, католического исповедания и не знающего русского языка, согласно просьбы его, на основании тома 9 свода законов о состояниях ст. 917, 918, 919 и 920, привести к присяге на подданство России в присутствии Войскового правления, и в том выдать ему свидетельство, а присяжный лист, согласно 920 ст., в одном экземпляре представить в Правительствующий Сенат, а один оставить при деле» [24, л. 260 об. – 261 об.].

21 мая (2 июня) 1843 г. Евгений Францевич был утверждён Министерством народного просвещения в чине коллежского секретаря со старшинством с 10 (22) марта 1839 г. Представлен к чину титулярного советника 29 апреля (11 мая) 1843 г., произведён за выслугу лет в титулярные советники 12 (24) июня 1844 г. [25, л. 5].

Оставив преподавательскую деятельность в градоначальстве, Вильнёв с супругой отправились в Санкт-Петербург, где ранней осенью того же года поселились в доме Дашкевич по Новому переулку, недалеко от Синего моста. По приезде он получил рекомендательное письмо от сенатора М. Н. Жемчужникова³ и обратился с ним к министру народного просвещения графу С. С. Уварову с просьбой найти ему место в столичном университете.

¹ Павел Матвеевич Муравьев (1804–1848) – капитан-лейтенант, сын главного правителя российских владений в Америке М. И. Муравьева.

² Во французском первоисточнике записана как Кавакко (Cavacco) [18, f. 3–4].

³ Их знакомство, вероятно, состоялось в 1843 г. в Таганроге, где Жемчужников находился в составе сенатской комиссии, проводившей ревизию Таганрогского градоначальства.

Между тем Анжела де Вильнёв крайне плохо переносила суровый климат столицы, и вообще с осени 1844 г. супруги практически непрерывно болели. В этой связи дела литератора не были успешны, и за исключением стихотворной басни *Le Bouquet* («Букет»), опубликованной в приложении к франкоязычной газете российского Министерства иностранных дел «Журналь де Сен-Петербург», о его деятельности в этот период известно немного. Весной 1845 г. он заболел воспалением лёгких, а состояние жены стало ещё более тяжёлым. Лечащие Анжелу врачи настоятельно рекомендовали им переехать в Крым [8, л. 1–3].

В том же году де Вильнёв был командирован в Одессу в качестве представителя медицинского департамента Министерства внутренних дел. О его прибытии в город в октябре 1845 г. лаконично сообщает местная пресса: «Прибыли в Одессу, с 9-го по 12-е число: <...> титул. советн. Девильнёв» [26, с. 418].

Помимо основной работы, Евгений Францевич продолжает литературную деятельность. В подшивках «Одесского вестника» найдены сведения по меньшей мере о двух его брошюрах, увидевших свет за этот период и ранее не фигурировавших в его библиографии. Первой, в начале 1846 г., в столице вышла небольшая книга о французской литературе: «Брошюра, о которой говорим мы, поступила недавно в продажу в книжном магазине г-на Вильетти. Она написана на французском языке и издана в Петербурге под заглавием: “*Quelques mots sur la Littérature Française au XIX siècle par de Villeneuve*” (Несколько слов о французской литературе XIX столетия, соч. Вильнёва). Не входя в разбор этой книжки, мы предлагаем её вниманию наших читателей как новое средство споспешествовать доброду делу. Автор “Нескольких слов” пожертвовал остающиеся у него экземпляры в пользу Немецкого дома призрения бедных. Брошюра его продаётся по 60 коп. серебром за экземпляр» [27, с. 43].

Спустя чуть больше года с переезда четы де Вильнёв в Одессу другая брошюра в пользу благотворительности вышла в свет в местной типографии: «Библиографическое известие. *La femme considérée comme épouse, mère, fille et sœur*, par P. Fr. Ch. E. de Villeneuve, Attaché au ministère de l'Intérieur. Brochure enrichie d'une épître de Lamartine sur la femme, et de morceaux tirés de J. J. Rousseau, de Chateaubriand, J. J. Virey, de Victor Hugo (Женщина, рассматриваемая как супруга, мать, дочь и сестра, соч. П. Ф. Ш. Е. де Вильнёва и проч.). Под этим заглавием издаётся в Одессе брошюра в пользу одесского Александровского приюта. Не говоря ничего о достоинстве этого сочинения, потому что оно ещё не вышло, и мы не читали его, ограничимся тем, что передадим предисловие или обращение автора к дамам при объявлении о подписке. Предисловие это может дать понятие о цели, с какою г. Вильнёв издаёт брошюру, и заинтересует без сомнения в пользу его всех тех, к кому оно обращается. “Чтобы дерзнуть изобразить женщину, – говорит г. Вильнёв, – надо бы перо Шатобриана или Ламартина. Только Рафаэль и Корреджо могли дать нам понятие о Мадонне и ангелах! Осмелиться предпринять труд выше сил своих – отвага; но когда это делается, чтоб споспешествовать исполнению доброду дела, – снисхождение должно быть полное и совершенное... Я приношу лепту бедным. Вам, милостивые государыни, чьи благородные качества я умею, по крайней мере, оценить, вам, так хорошо постигающим обязанности христианского милосердия, – предлагаю способствовать успеху этого слабого произведения. Проходя чрез ваши благотворительные руки, моё приношение может превратиться в слитки золота”» [28, с. 181]. Подписная цена на брошюру составляла один рубль серебром. Подписка принималась у одесских книготорговцев Сорона, Вильетти и Тотти.

Уже по выезде из Одессы в 1848 г. все полученные от реализации этого 40-страничного издания средства де Вильнёв пожертвовал на благотворительность: «Одесское городское попечительство детских приютов изъявляет искреннюю признательность свою г-ну де-Вильнёву за пожертвование им в пользу здешнего Александровского детского приюта 287 рубл. 50 коп. сереб., вырученных, за исключением расходов печатания и проч., от продажи изданной им в пользу приюта книги: “*La femme considérée comme épouse, mère, fille et sœur*”» [29, с. 150].

В 1848 г. де Вильнёв получил долгожданное назначение в Феодосийском карантине. Именно в Феодосии по-настоящему полно раскрылся его талант учёного и литератора. В этом городе поселились не только Эжен и Анжела (Ангелика) де Вильнёв, но и вся их греческая родня – Николай и Арриета Ковако, а также Елена Кацаити.

Оказавшись в Крыму, Евгений Францевич увлёкся историей края и памятниками старины. Именно в Феодосии в 1848 г. де Вильнёв был избран в состав Одесского общества истории и древностей: «...В корреспонденты: Михаил Раевский, русской миссии в Вене протоиерей; Александр Дюбрюкс, 1-й Одесской гимназии учитель; Евгений де-Вильнёв, чиновник Феодосийского карантинного» [30, с. 1].

В одном из своих писем литератор с большой любовью и теплотой пишет о Феодосии: «Наш городок всякий год привлекает к себе своим счастливым климатом множество купающихся; летом сюда приезжают для этого из самых отдалённых мест России: это нарушает несколько обычное спокойствие и скуку, среди которой живём мы остальное время года.

Торговля Феодосии в наше время ничтожна; но в развалинах её мы видим следы прошлого блеска, и воспоминания о прошлом позволяют надеяться на будущее. Феодосия с незапамятных времён, так сказать, пользовалась привилегией привлекать к себе внимание и возбуждать интерес. Милетская колония, она долго противилась боспорским царям. Сатир был убит под её стенами во время осады, в 393 году до Р. Х. Левкон I присоединил её к своему государству, но она сохранила свои муниципальные атрибуты, и царь боспорский был только её архонтом. В то время этот город отпускал в Грецию 9 миллионов медимнов зерна, т. е. более двух миллионов четвертей. В 375 году по Р. Х. гунны разрушили до основания Феодосию. В 1280 г. она возродилась из развалин под именем Кафы, и в течение почти двух столетий господствовала на Чёрном море и простирала свою торговлю до Индии. В 1475 году она была взята турками; богатства её были разграблены, памятники разрушены; жители обоих полов христианского исповедания отправлены в Константинополь, и 1500 её детей мужеского пола принесены в жертву для службы в султанских дворцах. В 1783 году Императрица Екатерина II возвратила ей прежнее имя. Феодосия славится теперь в художественном отношении: из её мастерской выходят очаровательные пейзажи, прекрасные морские виды, составляющие украшение московских и петербургских дворцов и палат и подписанные именем Айвазовского...» [31, с. 1].

В августе 1849 г. член правления Феодосийского центрального карантинного управления и корреспондент Одесского общества истории и древностей де Вильнёв был назначен хранителем Феодосийского музея древностей. Так сложилось, что предыдущий директор учреждения – доктор И. И. Граперон – был убит во время служебной командировки, поэтому ещё с 1847 г., с момента его отъезда в Санкт-Петербург, музей оставался без присмотра.

«Хранящимися в здешнем музее древностями заведовал медик карантинного управления, Граперон, по смерти коего труд этот правление временно приняло на себя. Музеум наш, правда, не богат; но сохранение древностей и содержание их в порядке, всё сие требует и забот и знания. На первых, вы вызвались добровольно и охотно; последнее – принадлежит вам неотъемлемо по образованию, и потому я вместе с сим предложил правлению карантинного, передать музеум в ваше непосредственное заведывание, а вас покорнейше прошу, приняв это заведение, лелеять его со свойственною вам любовью к наукам», – обращается в письме к Евгению де Вильнёву таврический губернатор генерал-лейтенант В. И. Пестель [32, л. 3–3 об.].

Краткие сведения о реорганизации учреждённого ещё в 1810 г. музея содержатся в отчёте Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1850 г. по 14 ноября 1851 г.: «Феодосийский музеум древностей, переданный в прошлом году в заведывание общества, получил надлежащее устройство. Всем находящимся при нём предметам, как-то памятникам еллинским и генуэзским, а также монетам, составлена обстоятельная опись; самое здание (старинная Турецкая мечеть) приведено в надлежащий вид, и наконец, музеум обеспечен на будущее время тем, что на умножение его местными древностями, а также и на содержание при нём служащего, вследствие ходатайства г-на почётного президента князя М. С. Воронцова и разрешения г-на министра внутренних дел, по сношению с г-м министром финансов, ассигновано к ежегодному отпуску, из сумм Крымского татарского сбора, по сто руб. серебром» [33, с. 4].

На протяжении 15 лет де Вильнёв выполнял работу в Феодосийском музее древностей на общественных началах. Благодаря археологическим раскопкам курганов в окрестностях Феодосии ему удалось пополнить не только коллекцию вверенного ему музея, но и собрание Императорского Эрмитажа. За оказанные услуги он был единогласно удостоен звания действительного члена Одесского общества истории и древностей, а также избран в члены-корреспонденты

Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Его участие в деятельности обеих организаций осуществлялось на безвозмездной основе [34, л. 3–3 об.].

Незадолго до начала Крымской войны де Вильнёв в Феодосии подготовил к печати альбом с видами Крыма, который должен был увидеть свет во Франции. Пояснительные тексты к этому изданию написал он сам, а иллюстрации выполнил феодосийский художник В. О. Руссен [35]. На заседании Одесского общества истории и древностей 25 октября 1851 г. де Вильнёв сообщил, что сделал большой запас рисунков, изображающих находящиеся в Крыму древности, и желает издать альбом с краткими пояснительными текстами. Общество решило оказать ему свою поддержку: «Признавая издание сего рода соответствующим цели §2 своего устава, определило сделать д. ч. де-Вильнёву денежное вспомоществование и снабдить теми рисунками своего собрания, которые он признает полезными и соответствующими для его альбома» [33, с. 4].

Сообщения о подготовке к выходу книги публиковались на страницах «Русского инвалида» [36] и в одесской прессе: «Цель г-на Вильнёва – не воспроизвести виды Крыма, столько раз уже являвшиеся в других изданиях; его главная цель возвышеннее: г. Вильнёв хочет изобразить, так сказать, несокрушимым образом всё, что разрушительное время пощадило в Крыму из прекрасных и благородных остатков древности. Чувствуя, какая была бы потеря для истории и археологии от конечного их разрушения, он ревностно принялся за дело, победил тысячи трудностей, объехал несколько раз страну с художником Винцентом Руссейнгом, срисовавшим всё достойное внимания...» [37, с. 2].

С началом Крымской войны выход «Альбома Тавриды» во Франции, разумеется, задержался. В 1854 г. неприятельский флот появился у берегов Чёрного моря. В связи со слабостью обороны восточной оконечности Крыма были приняты меры по её защите. К лету Феодосию защищали уже три приморские батареи, вооружённые пятью, тремя и шестью орудиями 18-фунтового калибра. Кроме того, ещё в трёх местах были подготовлены ложементы для полевых орудий [38, л. 77–77 об.].

Первое бомбардирование Феодосии союзными боевыми кораблями состоялось 26 апреля (8 мая) 1854 г. В тот день флагманский линейный корабль контр-адмирала Лайонса «Агамемнон», паруснофрегат «Сэмпсон» и присоединившиеся к ним французские боевые корабли впервые появились на рейде, чем вызвали в городе большой переполох. Держась вне досягаемости огня русских батарей, они обогнули Феодосийскую бухту и произвели разведку местности. Береговые батареи сделали по ним несколько залпов, но все ядра дали недолёт. Лайонс распорядился не отвечать на эти выстрелы, и по окончании рекогносцировки всё англо-французское соединение покинуло бухту [39, с. 82–84].

В связи с появлением парусов противника на феодосийском рейде заведующий музеем де Вильнёв принял необходимые меры к сохранению старинных монет и других экспонатов. Примерно в это же время его свояк, отставной майор Николай Дмитриевич Ковако, уволенный в 1849 г. из 14-го ластового экипажа, был утверждён депутатом феодосийской квартирной комиссии [40, с. 1].

После начала осады Севастополя, примерно с ноября 1854 г., в Феодосийский военный госпиталь, устроенный только на 300 коек, стало поступать очень значительное число раненых нижних чинов. Несколько сотен русских воинов были доставлены прямо с поля сражения, а потому не имели чистого белья, одежды и крайне нуждались в рубашках. Командующий Феодосийским подвижным отрядом генерал-майор Вагнер учредил специальный комитет, который смог обеспечить всем необходимым более 3 тыс. раненых товарищей.

Активное участие в организации сбора помощи для нуждающихся русских воинов принял сам Е. Ф. де Вильнёв, о чём он сообщает в своих письмах: «Мы говорили, что прибытие в наш город раненых подало повод к трогательным сценам патриотизма и человеколюбия, обнаруженных нашими дамами. Считаю долгом прибавить, что многие иногородние особы, увлечённые прекрасным примером, поспешили к нам со своим содействием. В Таганроге г. Педемонте, бельгийский вице-консул, собрал в один день, в пользу наших раненых, 238 р. сер.; отсюда же им прислали чай, холст и корпию; из Керчи прислали рубахи и другое бельё. Но в Бендерах выказалось особенное к ним сочувствие: уроженка Феодосии, генеральша Ольшевская (2-я жена генерал-лейтенанта М.М. Ольшевского. – *А. М.*), прислала на имя наших дам (Анжелики де Вильнёв и Арриеты (Генриетты) Ковако. – *А. М.*), ходящих за ранеными, при трогательном

письме, 100 р. сер. от себя, 50 р. сер. от дочери своей, подполковницы Герцик (жена полевого инженера, командира Севастопольской инженерной команды подполковника А. К. Герцыка. – А. М.), и 500 от служащих в городах Бендерах и Тирасполе. Сверх того, она отдала в распоряжение этих дам 25 вёдер крымского вина из своего сада, для выздоравливающих, прислала 114 фунтов корпии и заказала в Москве на 100 р. сер. тканых бинтов» [41, с. 1].

За один только февраль 1855 г. комитет, учреждённый в Феодосии для вспомоществования раненых и больных, присылаемых из Крымской армии в Феодосийский военный госпиталь, приобрёл 1634 аршина холста, 24 полушубка, 439 аршин сукна, 189 пар сапог. Раненым и больным Крымской армии комитет выдал 167 рубах, 196 подштанников, 107 суконных шароваров, 24 полушубка, 236 пар сапог и 132 куртки. Ещё 400 рубах и 200 подштанников было отправлено в Карасубазарский военно-временный госпиталь [42, л. 6–7].

В помощи раненым воинам активно участвовали жители как Феодосии, так и других городов, но в своём донесении генерал-майор Я. Б. Вагнер особо отметил именно представительниц греческого семейства Кацаити: «...Не могу также умолчать о истинно христианском милосердии, с которым некоторые феодосийские дамы и женщины ухаживали за ранеными и перевязывали их раны. Прилагая здесь список этих благотворительных особ, вменяю себе в приятную обязанность присовокупить, что особенно обратила на себя внимание г-жа де Вильнёв, подавшая родным своим прекрасный пример самоотвержения и сострадания и, сверх того, раздавшая раненым ещё 36 сшитых ею рубашек и 160 присланных к ней генеральшею Ольшевскою.

Список ухаживавших с октября месяца прошлого года за ранеными нижними чинами, присылаемыми из Крымской армии в Феодосийский военный госпиталь: 1. Жена неперменного члена Феодосийского карантинного управления, Анжелика Анастасьевна де-Вильнёв. 2. Жена отставного майора, Генриетта Анастасьевна Ковако. <...> 4. Елена Григорьевна Кацаити, 70 лет...» [43, с. 215].

Из метрической книги греческой Введенской церкви в Феодосии следует, что вдова английского подданного грека Елена Кацаити ушла из жизни 3 (15) ноября 1864 г. в возрасте 85 лет¹. Отпевание и погребение гречанки произвели священник Антоний Люцидарский и дьякон Иоанн Демишов 5-го (17-го) числа [44, л. 85 об. – 86]. Надгробный памятник Кацаити на Феодосийском общественном кладбище с указанием дат 1774–1864, ныне уже, вероятно, утраченный, упоминается в работе [45, с. 176].

Обстоятельства последних лет жизни и точная дата смерти Евгения Францевича де Вильнёва, его супруги и остальных его родственников пока достоверно не установлены и ещё ждут своих исследователей.

Список источников

1. Петрова Э. Б. Евгений Францевич де Вильнёв // Французы Крыма / ред. сост. Ж.С. Амфитеатрова. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2019. С. 122–130.
2. Петрова Э. Б., Беднарчик Г. И. Евгений де Вильнёв: новые факты биографии и его «Греческий дневник, 1825–1826 годы» // Учен. зап. Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Ист. науки. 2023. Т. 9, № 3. С. 68–94.
3. Мальшев Д. А. Е. Ф. де Вильнёв и его роль в изучении материальной культуры прошлого Юго-Восточного Крыма // Таврійські студії. 2011. № 1.
4. Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 237 с.
5. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / отв. ред. Л. А. Дубровина; вступ. ст. В. Ф. Шарапы. Симферополь: Доля, 2001. 814 с.
6. Вильнёв Е. Ф., де. Дневник Эжена де Вильнёва, ротмистра Греческой армии, составленный в Греции в 1825 и 1826 годах / пер. с фр., вступ. ст., коммент. А. В. Миргородского. СПб.: Алетейя, 2024. 238 с.
7. ADI. Sainte-Sévère-sur-Indre - État civil (Naissances) | 1793–1826. Cote: 3 E 208/07: Naissances au 10. Naissance de Pierre François Charles Eugène Devilleneuve.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 78. Д. 487.
9. Villeneuve E. Journal fait en Grèce, pendant les années 1825 et 1826 par M. Eugène de Villeneuve, Capitaine de cavalerie dans l'Armée Hellénique. Bruxelles: H. Tarlier, 1827. 310 p.

¹ Точный год рождения Елены Кацаити достоверно не установлен: 1784 или 1779 г. согласно различным источникам и 1774 г. – на её надгробном памятнике.

10. *Ottolenghi L.* La vita e i tempi di Giacinto Provana di Collegno. Col Diario dell'assedio di Navarino 1825 che si pubblica la prima volta nell'originale francese. Torino: E. Loescher, 1882. 320 p.
11. *Hommaire de Hell A.* Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris: Imprimerie de Ch. Lahure et Cie, 1860. 412 p.
12. Le Belge, Ami du Roi et de la Patrie. 1827. No. 293. Octobre 20. P. 3.
13. Blätter für literarische Unterhaltung. 1828. Nr. 109. Mai 10. S. 436.
14. Literatur-Blatt. 1828. Nr. 65. August 12. S. 257–258.
15. L'éclaircur: journal politique, commercial et littéraire de Maëstricht. 1827. No. 3. Septembre 19. P. 4.
16. Московский телеграф. 1826. Ч. 12. С. 268–271.
17. Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенных иностранной цензурой безусловно и для публики: с 1815 по 1853 год включительно. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. 387 с.
18. ADI. Sainte-Sévère-sur-Indre - État civil (Mariages) | 1827–1862. Cote : 3 E 208/11: Mariages. Année 1830. No. 3. Devilleneuve Pierre François Charles Eugène et Cazzaiti Angelina.
19. *Villeneuve E., de.* Six feuillets de mes tablettes. Egin: Imp. Française et Grecque, 1829. 12 p.
20. *Quérard J.-M.* La France littéraire ou Dictionnaire bibliographique des savants, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Firmin Didot Frères, 1839. T. 10. 576 p.
21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 374.
22. Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, 1893. Ч. 7. 664 с.
23. Новороссийский календарь на 1840 год, издаваемый при Ришельевском лицее. Одесса: Городская тип., 1839. 178 с.
24. Государственный архив Ростовской области. Ф. 301. Оп. 8. Д. 124.
25. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 20878.
26. Одесский вестн. 1845. № 82. 13 окт.
27. Одесский вестн. 1846. № 9. 30 янв.
28. Одесский вестн. 1847. № 35. 30 апр.
29. Одесский вестн. 1848. № 29. 10 апр.
30. Одесский вестн. 1849. № 43. 28 мая.
31. Одесский вестн. 1852. № 52. 2 июля.
32. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17513.
33. Одесский вестн. 1852. № 42. 28 мая.
34. РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 339.
35. *Петрова Э. Б.* Евгений де Вильнёв, Викентий Руссен и их «Исторический и художественный альбом Тавриды» // Причерноморье. История, политика, культура. 2015. № 17. С. 76–90.
36. Русский инвалид. 1851. № 268. 12 дек.
37. Одесский вестник. 1851. № 95. 1 дек.
38. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 827. Оп. 1. Д. 4244.
39. *Миргородский А. В.* Крымская война на Азовском море. М.: Международные отношения, 2020. 599 с.
40. Одесский вестн. 1854. № 91. 19 авг.
41. Одесский вестн. 1855. № 10. 25 янв.
42. РГВИА. Ф. 9169. Оп. 20/283. Св. 3. Д. 12.
43. Одесский вестн. 1855. № 45. 21 апр.
44. ГАРК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 8.
45. *Чернопятов В. И.* Некрополь Крымского полуострова. М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. 314 с.

References

1. Petrova E.B. Eugene Frantsevich de Villeneuve. *The French in Crimea*. J.S. Amfiteatrova (ed.). Simferopol: Gasprinsky Media Center; 2019:122-130. (In Russ.).
2. Petrova E.B., Bednarchik G.I. Eugene de Villeneuve: new biography facts and his “Greek diary, 1825-1826”. *Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University. History*. 2023;9(3):68-94. (In Russ.).
3. Malyshev D.A. E. F. de Villeneuve and his role in the study of the material culture of the past of the South-Eastern Crimea. *Tavria Studios*. 2011;(1). (In Russ.).
4. Tunkina I.V. *The discovery of Feodosia: pages of archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771-1871*. Kiev: Bolero; 2011. 237 p. (In Russ.).
5. Nepomnyashy A.A. History and ethnography of the peoples of Crimea: bibliography and archives (late 18th - early 20th century). L.A. Dubrovina (ed.). Simferopol: Share; 2001. 814 p. (In Russ.).
6. Villeneuve E.F., de. *Diary of Eugene de Villeneuve, Captain of the Greek Army, compiled in Greece in 1825 and 1826*. Trans. from French, intro., comm. by A.V. Mirgorodsky. St. Petersburg: Aletheia; 2024. 238 p. (In Russ.).

7. ADI. *Sainte-Sévère-sur-Indre - Civil status (Births) | 1793-1826*. Odds: 3 E 208/07: Births on the 10th. Birth of Pierre François Charles Eugène Devilleneuve. (In French).
8. *Russian State Historical Archive* (hereinafter - RSHA). Fund 733. In. 78. File 487. (In Russ.).
9. Villeneuve E. *Diary made in Greece, during the years 1825 and 1826 by Mr. Eugène de Villeneuve, Captain of cavalry in the Hellenic Army*. Brussels: H. Tarlier; 1827. 310 p. (In French).
10. Ottolenghi L. *The life and times of Giacinto Provana di Collegno. With the Diary of the Siege of Navarino 1825 which is published for the first time in the original French*. Turin: E. Loescher; 1882. 320 p. (In Italiano).
11. Hommaire de Hell A. *Travel to the steppes of the Caspian Sea and Southern Russia*. Paris: Printing House of Ch. Lahure and Co; 1860. 412 p. (In French).
12. *The Belgian, Friend of the King and the Motherland*. 1827;(293):3. 20th October. (In French).
13. *Sheets for Literary Entertainment*. 1828;(109):436. 10th May. (In German).
14. *Literature Sheet*. 1828;(65):257-258. 12th August (In German).
15. *The Scout: political, commercial and literary journal of Maëstricht*. 1827;(3):4. 19th September. (In French).
16. *Moscow Telegraph*. 1826;(12):268-271. (In Russ.).
17. *General alphabetical list of books in French, prohibited by foreign censorship unconditionally and for the public: from 1815 to 1853 inclusive*. St. Petersburg: Printing House of Eduard Pratz; 1855. 387 p. (In Russ.).
18. ADI. *Sainte-Sévère-sur-Indre - Civil status (Marriages) | 1827-1862*. Odds: 3 E 208/11: Weddings. Year 1830. No. 3. Devilleneuve Pierre François Charles Eugene and Cazzaiti Angelina. (In French).
19. Villeneuve E., de. *Six sheets of my tablets*. Aegina: Imp. French and Greek; 1829. 12 p. (In French).
20. Quérard J-M. *Literary France or bibliographic dictionary of scholars, historians and people of letters from France, as well as foreign literators who wrote in French, more particularly during the 18th and 19th centuries*. Paris: Firmin Didot Frères; 1839;10. 576 p. (In French).
21. RSHA. Fund 1286. In. 7. File 374. (In Russ.).
22. *General marine list*. St. Petersburg: Printing House of V. Demakov; 1893. Part 7. 664 p. (In Russ.).
23. *Novorossiysk calendar for 1840, published at the Richelieu Lyceum*. Odessa: City Printing House; 1839. 178 p. (In Russ.).
24. *State Archive of the Rostov Region*. Fund 301. In. 8. File 124. (In Russ.).
25. *State Archive of the Republic of Crimea* (hereinafter - SARC). Fund 26. In. 1. File 20878. (In Russ.).
26. *Odessa Bulletin*. 1845;(82). 13th October. (In Russ.).
27. *Odessa Bulletin*. 1846;(9). 30th January. (In Russ.).
28. *Odessa Bulletin*. 1847;(35). 30th April. (In Russ.).
29. *Odessa Bulletin*. 1848;(29). 10th April. (In Russ.).
30. *Odessa Bulletin*. 1849;(43). 28th May. (In Russ.).
31. *Odessa Bulletin*. 1852;(52). 2nd July. (In Russ.).
32. SARC. Fund 26. In. 1. File 17513. (In Russ.).
33. *Odessa Bulletin*. 1852;(42). 28th May. (In Russ.).
34. RSHA. Fund 733. In. 10. File 339. (In Russ.).
35. Petrova E.B. Eugene de Villeneuve, Vikentiy Roussin and their “Historical and artistic album of Tavrida”. *Black Sea Region. History, Politics, Culture*. 2015;(17):76-90. (In Russ.).
36. *Russian Disabled Person*. 1851;(268). 12th December. (In Russ.).
37. *Odessa Bulletin*. 1851;(95). 1st December. (In Russ.).
38. *Russian State Military Historical Archive* (hereinafter - RSMHA). Fund 827. In. 1. File 4244. (In Russ.).
39. Mirgorodsky A.V. *Crimean War in the Sea of Azov*. Moscow: International Relations; 2020. 599 p. (In Russ.).
40. *Odessa Bulletin*. 1854;(91). 19th August. (In Russ.).
41. *Odessa Bulletin*. 1855;(10). 25th January. (In Russ.).
42. RSMHA. Fund 9169. In. 20/283. Bun. 3. File 12. (In Russ.).
43. *Odessa Bulletin*. 1855;(45):215. 21st April. (In Russ.).
44. SARC. Fund 278. In. 1. File 8. (In Russ.).
45. Chernopyatov V.I. *Necropolis of the Crimean Peninsula*. Moscow: L.V. Pozhidaeva Printing House; 1910. 314 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.B. Миргородский – начальник отдела внешних связей Администрации города Таганрога.

Information about the author

A.V. Mirgorodsky – Head of the Department of External Relations, Taganrog Local Government.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 94:[364.4:355.292"194"]
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-61-67>

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ (1943–1953 гг.)

Юлия Валерьевна Невлад

Донбасский государственный технический университет, Алчевск, Луганская Народная Республика, Россия
nyg.yra@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема становления системы социального обеспечения инвалидов войны в послевоенном Донбассе, а также меры Советского государства, принятые в отношении данной категории населения. Исследуется эффективность деятельности государственных структур, направленной на улучшение положения инвалидов-фронтовиков. Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в Донбассе в 1943–1953 гг. стало важным аспектом послевоенной восстановительной политики СССР. В этот период государство столкнулось с необходимостью поддержки миллионов граждан, получивших ранения и увечья в ходе боевых действий. Донбасс как один из ключевых промышленных регионов, сильно пострадавших во время войны, требовал особого внимания в вопросах социальной реабилитации инвалидов. Основными направлениями социального обеспечения стали пенсионные выплаты, трудоустройство, медицинская помощь и обеспечение жильём. Уже в 1943 г., по мере освобождения территории, действовали эвакуогоспитали, где ветераны получали лечение и протезирование. С 1945 г. в регионе активно внедрялись государственные программы по трудовому устройству инвалидов, включая квотирование рабочих мест на предприятиях и создание специализированных артелей. Важную роль играли местные органы социального обеспечения, которые занимались назначением пенсий, организацией санаторного лечения и распределением материальной помощи. Однако, несмотря на усилия властей, в послевоенные годы наблюдались трудности с финансированием, нехватка лекарств и протезов, а также жилищные проблемы. Исследование базируется на архивных материалах, законодательных актах и отчётах советских органов, что позволяет проанализировать эффективность мер социальной поддержки. Несмотря на объективные сложности послевоенного времени, государству удалось создать систему помощи инвалидам войны, которая легла в основу дальнейшего развития социального обеспечения в СССР.

Ключевые слова: социальное обеспечение, инвалиды Великой Отечественной войны, Донбасс, послевоенное восстановление, пенсии, реабилитация

Для цитирования: Невлад Ю.В. Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в Донбассе (1943–1953 гг.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 61–67. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-61-67>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIAL SECURITY FOR THE DISABLED OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN DONBASS (1943-1953)

Julia V. Nevlad

Donbass State Technical University, Alchevsk, Lugansk People's Republic, Russia
nyg.yra@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of the development of the social security system for disabled war veteran in the post-war Donbass, and analyzes the content of the measures of the Soviet state adopted for the social security of this category of the population. The article examines the effectiveness of the activities of state structures aimed at improving the situation of disabled front-line soldiers. Social security of the disabled

© Невлад Ю.В., 2025

veteran of the Great Patriotic War in the Donbass in 1943-1953 became an important aspect of the post-war reconstruction policy of the USSR. During this period, the state faced the need to support millions of citizens who were wounded and maimed during the hostilities. Donbass, as one of the key industrial regions that suffered greatly during the war, required special attention in matters of social rehabilitation of the disabled. The main areas of social security were pension payments, employment, medical care and housing. Already in 1943, as the territory was liberated, evacuation hospitals operated, where veterans received treatment and prosthetics. Since 1945, state programs for the employment of disabled people have been actively implemented in the region, including quotas for jobs at enterprises and the creation of specialized cooperatives. Local social security agencies played an important role, assigning pensions, organizing sanatorium treatment and distributing financial assistance. However, despite the efforts of the authorities, in the post-war years there were difficulties with financing, a shortage of medicines and prostheses, as well as housing problems. The study is based on archival materials, legislative acts and reports of Soviet agencies, which allows us to analyze the effectiveness of social support measures. Despite the objective difficulties of the post-war period, the state managed to create a system of assistance to war invalids, which became the basis for the further development of social security in the USSR.

Keywords: social security, disabled people of the Great Patriotic War, Donbass, post-war reconstruction, pensions, rehabilitation

For citation: Nevlad J.V. Social Security for the Disabled of the Great Patriotic War in Donbass (1943-1953). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):61-67. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-61-67>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Необходимость наличия системы социального обеспечения проявилась одновременно с возникновением человеческого общества. В любом государстве, независимо от его экономического и политического устройства, всегда есть люди, которые в силу различных обстоятельств не могут сами добывать средства к существованию и поэтому нуждаются в общественной помощи. В современных условиях особенно актуальным представляется изучение проблемы становления и развития системы социального обеспечения инвалидов войны, поскольку от армии часто зависит само существование государства, и людям, получившим увечья в период прохождения военной службы и боевых действий, необходимо выплачивать соответствующую компенсацию. В этой связи целесообразно обратиться к послевоенному опыту Советского государства.

В Донбассе, промышленном регионе, подвергшемся значительным разрушениям, реабилитация инвалидов представляла особую сложность. Анализ мер государственной помощи позволяет оценить эффективность социальных программ в условиях послевоенного дефицита.

Вследствие значительной концентрации промышленности и аграрного потенциала на территории Донбасса (Ворошиловградская и Сталинская области СССР) более глубоко и выразительно отразились процессы, характерные для страны в целом. Именно поэтому исследование результатов внедрения социальной политики обладает важной научной значимостью. Анализ этих процессов дает возможность не только определить общие тенденции развития, но и выявить причины многих социальных последствий, которые еще долго будут влиять на социальный климат Донбасса.

Данная тема привлекала внимание ряда историков и социологов. А.С. Бобровский исследовал проблему становления системы социальной защиты населения Донецкой области во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. [1]. И.Ю. Суркова рассматривала систему социальной защиты участников войны на протяжении 1941 – начала 1990-х гг., выделив основные этапы ее эволюции [2]. Г.М. Гордиенко проанализировал социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны на территории УССР в целом [3]. Т.М. Удаловой оцениваются основные критерии начисления пенсий инвалидам, а также правовые нарушения их выплаты как в СССР, так и на территории Донбасса [4]. В статье Т.Ю. Людоровской основное внимание уделено социальной политике Советского государства по отношению к демобилизованным воинам и семьям военнослужащих [5].

Юридическое оформление новой группы инвалидов началось весной 1942 г. 6 мая 1942 г. СНК СССР, а 20 мая 1942 г. СНК УССР совместно с ЦК КП(б)У утвердили отдельные поста-

новления, которые касались инвалидов войны: № 640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» и № 115 «О трудоустройстве инвалидов Отечественной войны». Эти официальные документы впервые вводят понятие новой категории инвалидов – инвалидов Отечественной войны, предоставляя особый статус данной группе. До мая 1942 г. все получившие инвалидность участники боевых действий в СССР определялись как инвалиды войны. В дальнейшем во всех государственных и статистических документах вводится термин «инвалид Отечественной войны».

Постановлением СНК СССР № 640 на народных комиссаров социального обеспечения союзных республик была возложена персональная ответственность за трудоустройство и организацию производственного обучения инвалидов войны, а на руководителей предприятий и организаций – обязанности в сжатые сроки предоставлять инвалидам, направленным органами социального обеспечения, соответствующую работу. Инвалидам Отечественной войны гарантировалось преимущественное право зачисления во все государственные предприятия и организации. Руководители предприятий и организаций были обязаны при распределении жилищной площади в первую очередь обеспечивать инвалидов войны. Постановление предписывало при наркоматах социального обеспечения и областных отделах социального обеспечения создать специальные секторы по вопросам трудоустройства, а при районных отделах (собесах) – ввести должность инспектора по трудоустройству инвалидов Отечественной войны [6, л. 33].

Республиканское постановление от 20 мая 1942 г. № 115 в основном повторяло содержание постановления союзного СНК. При этом требовало от Наркомата социального обеспечения УССР (нарком – Е.И. Легур) возобновить деятельность управления обучения и трудоустройства инвалидов [7, л. 6]. Таким образом, главным государственным учреждением, на которое возлагалась ответственность по социальной защите инвалидов Отечественной войны, стал наркомат социального обеспечения.

На протяжении всей войны продолжалась демобилизация тяжелораненых и калек. Только в Сталинской области на 1 октября 1946 г. было зарегистрировано 42 849 инвалидов. Строгие правила по предоставлению инвалидности не позволили включить в эту категорию всех покалеченных в ходе боевых действий. Согласно классификации, к I группе относились лица, полностью утратившие работоспособность и требовавшие постоянного присмотра. Ко II группе – те, кто признавался нетрудоспособным, но мог обходиться без посторонней помощи. В III группу входили лица, которые частично утратили трудоспособность, для них предусматривалось значительное облегчение условий труда. На территории Сталинской области в 1946 г. к I группе было причислено 909 лиц, ко II – 18,4 тыс., к III – 23,5 тыс. [8, л. 12]. Принадлежность к каждой группе определяли врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК).

Количество инвалидов в группах постоянно корректировалось из-за изменения состояния здоровья инвалидов и определенного давления, которое оказывалось со стороны руководящих органов на деятельность ВТЭК. Последнее можно объяснить большим количеством инвалидов и отсутствием свободных финансовых средств у государства. ВТЭК предъявлялись обвинения в завышении числа инвалидов II группы. Партийными органами была проведена «воспитательная» работа, после чего «вследствие принятых Сталинским обкомом партии мер касательно исправления ошибок, которые были допущены ВТЭКаами, процент инвалидов второй группы в области уменьшен». Количество инвалидов II группы с октября 1946 г. по август 1947 г. уменьшилось на 5,5 тыс., а число всех инвалидов – на 1,5 тыс. [8, л. 13].

31 января 1944 г. СНК СССР утвердил постановление № 104, которым утверждалась «Инструкция о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава». Фактически это был основной документ, который регламентировал пенсионное обеспечение инвалидов войны в послевоенный период, поскольку большинство инвалидов относились именно к категории рядовых, сержантов и старшин. Суммы пенсий были следующими: для инвалидов I группы, которые до призыва на фронт являлись рабочими и служащими с зарплатой до 400 р., пенсия составляла 100 % от довоенной зарплаты; для инвалидов II группы – 75 %; для инвалидов III группы – 50 %. Те инвалиды, которые не работали до войны либо их зарплата являлась минимальной, должны были получать такую пенсию: I группы – 150 р., II группы – 120 р., III группы – 90 р. Необходимо отметить, что ин-

валиды, связанные с сельским хозяйством, получали пенсию на 20 % меньше, чем проживавшие в городах [9, с. 24]. У ефрейторов и сержантов пенсия была на 25 % больше, чем у рядовых. Офицерам, имевшим инвалидность, выплачивали пенсию согласно постановлению СНК СССР № 1474 от 5 июля 1941 г.: I группы – 75 % от их офицерского оклада, II группы – 55 %, III группы – 40 % [10, л. 13]. На одну пенсию без дополнительного заработка инвалиду прожить было затруднительно и практически невозможно [11, с. 29].

Материальное положение инвалидов было достаточно сложным. Пенсию получал 81 % инвалидов Сталинской области. Ее размер зависел от группы инвалидности, воинского звания, трудовой деятельности до войны. Наиболее низкими пенсии были у инвалидов III группы, которых было больше всех, и у инвалидов, не имевших довоенного стажа, – часто этих пенсий не хватало на то, чтобы выкупить карточный паек. В период с 1 января по 1 мая 1947 г. 33,5 тыс. инвалидов Сталинской области выплачено пенсий на сумму более 27 млн р. Если опустить тот факт, что размер пенсий отличался, то можно подсчитать, что на каждого инвалида в среднем выделялось по 807 р. на 4,5 месяца, т.е. в месяц выходило по 200 р. [12, л. 74]. Такая сумма явно недостаточна даже для обеспечения личных потребностей, не говоря уже об обеспечении семьи.

Предприятия, учреждения, колхозы и совхозы предоставляли инвалидам материальную помощь продовольствием и промышленными товарами, выдавали единоразовое денежное пособие. Благодаря организованной в 1947 г. военным отделом Сталинского обкома проверке материального положения инвалидов войны мы можем узнать о размерах помощи. На протяжении первого полугодия выдано 1,8 млн р. единоразового денежного пособия, 69,6 т продуктов питания (мясо, жиры, мука, зерно, крупа и др.), 45 т овощей, 45,5 т картофеля, 3820 кг сахара и меда, 51 корова или теленок, 158 поросят, 28 230 м мануфактуры, 8766 предметов одежды, 10 356 пар обуви, 12,7 тыс. т угля, 952 м³ дров. Построено 189 жилых домов, предоставлено 590 квартир, отремонтирована 551 квартира. Материальная помощь предоставлялась неравномерно, с учетом возможностей того или иного предприятия или учреждения. Так, Енакиевский металлургический завод на протяжении января – октября 1947 г. 475 инвалидам войны выдал более 4 тыс. м мануфактуры, 452 пары обуви, 490 предметов одежды и 31,6 тыс. р. [8, л. 17].

Советское правительство уделяло большое внимание трудоустройству инвалидов-фронтовиков, но этот процесс сопровождался определенными трудностями. В 1948 г. министр социального обеспечения УССР Ф.Г. Ананченко констатировал следующие факты. Инвалид Отечественной войны Кабаков (г. Макеевка, Сталинская область) с дефектом лобной доли черепа работал на шахте, на работе, которая ему была противопоказана согласно выводу ВТЭК. Начальник шахтоуправления № 6/14 г. Макеевки Плясов отказался трудоустроить на должность начальника загрузки инвалида Отечественной войны Новикова, у которого была ампутирована рука [13, л. 11].

После освобождения оккупированных территорий СССР в целом и Донбасса в частности перед властью встала необходимость решать жилищные вопросы, проблемы трудоустройства и переквалификации, материального обеспечения (заработная плата, пенсии, льготы), покупательной способности, обеспечения одеждой и обувью, социально-бытового обслуживания и предоставления лечебно-оздоровительных услуг.

Одним из важнейших вопросов в послевоенном Донбассе стал жилищный. Можно выделить несколько путей его решения: первый – строительство и восстановление жилья за счет наркоматов и ведомств (именно этот путь больше финансировался со стороны государства); второй – за счет средств индивидуальных застройщиков, которые могли получить заем; третий – за счет средств местных органов власти.

Решение жилищного вопроса сильно затягивали большие масштабы разрушений в результате боевых действий. Так, по подсчетам советских историков, нацисты нанесли Донбассу ущерб на 50 млн р. В Сталинской области вследствие оккупации и боевых действий разрушено около 4 тыс. жилых домов, уничтожены все крупные шахты, 4 коксохимических, азотный, металлургический, машиностроительный и ремонтный заводы. В Ворошиловградской области сожжено и повреждено 2,5 тыс. построек и разрушена большая часть промышленных предприятий, восстановление которых началось сразу же после бегства немецко-фашистских захватчиков [14, с. 179]. Огромные масштабы разрушений объективно снижали темпы предоставления жилья.

Тем не менее прослеживалась положительная динамика как по предоставлению фронтовикам-инвалидам нового жилья, так и по улучшению старого. В городах и селах Ворошиловградской (г. Боково-Антрацит, г. Ворошиловград, с. Голубовка, с. Городище, г. Красный Луч, г. Кременная, г. Старобельск), Сталинской (г. Енакиево, с. Катик, г. Красный Лиман, г. Славянск, с. Ольховчик, г. Сталино) областей значительное число бывших военнослужащих в 1943–1945 гг. так или иначе решило жилищную проблему. Среди инвалидов-фронтовиков – А. Скибин, Ф. Прокопов из Ворошиловграда, Н. Бобров из Красного Луча, И. Вербецкий из Лисичанска, О. Плосконос из Стаханова, М. Плешаков из Горловки, Д. Григоренко из Снежного, Д. Хлобушин и В. Косаренко из Енакиева [15, с. 64].

Это подтверждается и воспоминаниями инвалидов, их родных и друзей. Часть из них содержит данные, что проблемы с жильем были, но постепенно решались, прежде всего трудом самих инвалидов, помощью государства, их семей, родных и друзей. В частности, инвалиды-фронтовики из Старобельского, Марковского, Краснодонского, Троицкого районов и Ворошиловграда, Коммунарска, Кировска, Лисичанска Ворошиловградской области, Ясеноватского района, Снежного, Харцызска Сталинской области отмечали следующее: А. Карпов – «...родные и друзья помогли приобрести небольшой, но целиком пристойный ... для семьи дом, который находился в шахтерском районе...»; А. Кашута – «...полгода обещали в военном отделе и наконец предоставили отремонтированную квартиру...»; В. Забиякин – «...хоть и без окон и с частично разрушенной крышей, но получил свой дом как семейный инвалид второй группы» [15, с. 64].

Городские жители и трудящиеся, которые возвращались из тыловых районов, а также демобилизованные инвалиды-фронтовики устраивали себе жилье в подвалах разрушенных домов, различных хозпостройках, цехах предприятий и в учреждениях, строили бараки и землянки; последнее было распространено и в селах.

Приведенные факты являлись типичными и свидетельствовали о позитивной динамике по предоставлению и улучшению жилья для инвалидов. Тем не менее за октябрь и первую половину ноября только от инвалидов и членов семей красноармейцев Ворошиловграда в местные органы и отдельным руководителям поступило 1557 жалоб на отсутствие жилья либо его плохое состояние [16, л. 15].

С точки зрения инвалидов-фронтовиков, процесс по решению жилищной проблемы носил сложный характер, ему были присущи бюрократизм, задержки по субъективным причинам, формализм. В частности, в г. Брянке Ворошиловградской области в ноябре 1944 г. состоялось общее собрание районного партийного и хозяйственного актива Брянского района, на котором рассмотрели вопрос о предоставлении помощи семьям военнослужащих и инвалидам Великой Отечественной войны. Из приглашенных на заседание инвалидов слово было предоставлено заместителю директора одного из учебных профессиональных училищ – Рыженко. В своем выступлении он подчеркнул: «...Я, инвалид Отечественной войны, после возвращения с фронта, не имею квартиры, так как получить ее очень сложно, куда бы я ни обращался, повсюду дают негативные ответы. Наши хозяйственники работают с инвалидами Отечественной войны очень плохо». Следующий оратор – заведующий военным отделом Брянского горкома КП(б)У Васильев – полностью это подтвердил: «Партия и правительство и лично товарищ Сталин проявляют заботу о семьях красноармейцев и инвалидов Отечественной войны. Однако нужно сказать, что в Брянском районе мало предоставляют помощи. Большинство хозяйственных организаций конкретно не занимаются этими вопросами» [17, л. 32]. Типичность данного архивного документа подтверждают и другие архивные, устные и письменные источники. В частности, это жалобы и просьбы инвалидов-фронтовиков из разных городов и сел Ворошиловградской и Сталинской областей о предоставлении жилья и коренного улучшения жилищных условий – В. Дедусенко, Профатилова, Горбатенко, Бондаренко, Мухина, И. Масюка, В. Пишнева, П. Довженка и еще 27 лиц [18–20].

Необходимо отметить, что инвалиды Великой Отечественной войны не всегда воспринимали позитивно даже положительное решение вопроса о выдаче жилья. Это особенно касалось тех квартир либо другого жилья, которое по тем или иным причинам не могло удовлетворить инвалида: недостаточная квадратура для проживания многодетной семьи, необходимость капи-

тального ремонта при отсутствии средств и др. В этом отношении характерным примером служит обращение инвалида-фронтовика П. Данько из Старобельска в Ворошиловградский обком КП(б)У в конце 1944 г. В нем указывалось, что предложенная квартира является однокомнатной, а семья состоит из пяти человек. Обком партии перенаправил обращение для решения в Старобельский райком КП(б)У. 24 января 1945 г. Старобельский райком уведомил обком и копию предоставил заявителю П. Данько. В документе отмечалось, что дело о жалобе рассмотрено и, несмотря на трудности с наличием жилплощади в городе, городское жилищное управление занимается подбором квартиры инвалиду Отечественной войны Данько. Уведомление подписал секретарь Старобельского райкома КП(б)У Мошков [21, л. 11].

Центральная власть и местные партийные и государственные органы осуществляли различные подходы по отношению к отдельным категориям инвалидов. Инвалиды I группы стояли первыми в очереди на предоставление жилья. Лиц с ограниченными физическими возможностями, получивших серьезные увечья на фронте и имевших II или III группу инвалидности, партийно-государственные структуры, как правило, относили ко второй очереди, хотя возможности по предоставлению жилья были. Об этом свидетельствуют воспоминания инвалидов и их родственников. В частности, инвалиды II и III групп Д. Хлобушин и В. Косаренко из Енакиева, М. Плешаков из Горловки Сталинской области, А. Скибин, Ф. Прокопов из Ворошиловграда, Н. Бобров из Красного Луча, О. Плосконос из Стаханова почти одинаково вспоминают события декабря 1944 – сентября 1945 г. по распределению жилья демобилизованным и инвалидам. В. Косаренко рассказывал: «Было принято решение о предоставлении квартир инвалидам первой группы... Одновременно обязали руководителей решить в трехмесячный срок предоставить жилье и другим инвалидам второй и третьей групп, а нас, нуждающихся, было на то время двое, и оба – семейные... Но нет... Год с женой и дочерью в общежитии-бараке...». «У меня, – отмечал Н. Бобров, – еще раны гноились более полугода, а жилье получил только в начале срока седьмого...» [15, с. 67].

Таким образом, положение инвалидов Великой Отечественной войны в послевоенный период являлось достаточно сложным. Социальная политика СССР в отношении инвалидов войны в Донбассе в 1943–1953 гг. включала комплекс мер: пенсии, медицинское обслуживание, трудовую реабилитацию и жилищные льготы. Несмотря на усилия государства, послевоенные трудности (разруха, нехватка ресурсов) ограничивали эффективность таких программ. Советское государство принимало меры, направленные на усовершенствование системы социального обеспечения инвалидов-фронтовиков, однако не всегда справлялось с этим, поскольку в значительной степени оказалось неготовым к резкому росту числа инвалидов. Тем не менее именно в данный период закладывались основы системы социальной защиты инвалидов, которая впоследствии развивалась в СССР.

Список источников

1. *Бобровський А.С.* Соціальне забезпечення населення Донеччини у другій половині 1940-х – середині 1960-х років // Наука. Релігія. Суспільство. 2005. № 4. С. 95–102.
2. *Суркова И.Ю.* Система социальной защиты участников ВОВ в СССР // Социология. 2010. № 2. С. 4–16.
3. *Гордієнко Г.М.* Заходи Радянської держави щодо соціального забезпечення інвалідів Вітчизняної війни в УРСР в 1942–1948 рр. // Грані. 2012. № 5 (85). С. 26–32.
4. *Удалова Т.М.* Особенности проведения трудовой экспертизы и начисления пенсий инвалидам Донбасса в годы войны (1941–1945 гг.) // Журн. ист., полит. и междунар. исследований. 2015. № 2 (56). С. 71–81.
5. *Людоровская Т.Ю.* Оказание социальной поддержки демобилизованным и инвалидам в Донбассе в первое послевоенное десятилетие // Журн. ист., полит. и междунар. исследований. 2023. № 2 (85). С. 120–125. EDN: RMKWUS.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). Ф. 348. Оп. 3. Д. 12.
7. ЦГАВОВУ Украины. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 510.
8. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГАДНР). Ф. 326. Оп. 4. Д. 1140.
9. *Ананченко Ф.Г.* Збірник законодавчих та нормативних матеріалів по пенсійному забезпеченню. К.: АН УССР, 1949. 455 с.
10. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 348. Оп. 3. Д. 5.

11. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Ин-т рос. истории, 2000. 229 с.
12. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 1139.
13. ЦГАВОВУ Украины. Ф. 348. Оп. 3. Д. 31.
14. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
15. Михайлюк В.В. Адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в контексте повседневной жизни в Донбассе (1943–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 2013. 218 с.
16. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – ГАСЛНР). Ф. П-179. Оп. 3. Д. 289.
17. ГАСЛНР. Ф. 1217. Оп. 1а. Д. 1.
18. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 83. Д. 4.
19. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1108.
20. ГАСЛНР. Ф. Р-3030. Оп. 1. Д. 3.
21. ГАСЛНР. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 329.

References

1. Bobrovsky A.S. Social security of the population of Donetsk region in the second half of the 1940s - mid 1960s. *Science. Religion. Society*. 2005;(4):95-102. (In Ukr.).
2. Surkova I.Yu. The system of social protection of WWII participants in the USSR. *Sociology*. 2010;(2):4-16. (In Russ.).
3. Gordienko G.M. Measures of the Soviet state on social security of disabled people of the Patriotic War in the Ukrainian SSR in 1942-1948. *Facets*. 2012;(5):26-32. (In Ukr.).
4. Udalova T.M. The specifics of labor expertise and calculating pension for the disabled of Donbass during the war (1941-1945). *J. of Historical, Political and International Studies*. 2015;(2):71-81. (In Russ.).
5. Lyudorovskaya T.Yu. Providing social support to demobilized and disabled people in Donbass in the first post-war decade. *J. of Historical, Political and International Studies*. 2023;(2):120-125. (In Russ.). EDN: RMKWUS.
6. *Central State Archive of the Supreme Authorities and Management of Ukraine (CSASAMU)*. Fund 348. In. 3. File 12. (In Russ.).
7. *CSASAMU*. Fund R-2. In. 7. File 510. (In Russ.).
8. *State Archive of the Donetsk People's Republic (SADPR)*. Fund 326. In. 4. File 1140. (In Russ.).
9. Ananchenko F.G. *Textbook of legislative and regulatory materials on pension insurance*. Kyiv: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR; 1949. 455 p. (In Ukr.).
10. *CSASAMU*. Fund 348. In. 3. File 5. (In Russ.).
11. Zubkova E.Yu. *Post-war soviet society: politics and everyday life. 1945-1953*. Moscow: Institute of Russian History; 2000. 229 p. (In Russ.).
12. *SADPR*. Fund 326. In. 4. File 1139. (In Russ.).
13. *CSASAMU*. Fund 348. In. 3. File 31. (In Russ.).
14. Kozlov M.M., ed. *The Great Patriotic War 1941-1945: an encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1985. 832 p. (In Russ.).
15. Mikhailyuk V.V. *Adaptation of disabled veterans of the Great Patriotic War in the context of everyday life in Donbass (1943-1953)*. PhD Thesis. Donetsk, 2013. 218 p. (In Russ.).
16. *State Archival Service of the Lugansk People's Republic (SASLPR)*. Fund P-179. In. 3. File 289. (In Russ.).
17. *SASLPR*. Fund 1217. In. 1a. File 1. (In Russ.).
18. *Central State Archive of Public Associations of Ukraine*. Fund 1. In. 83. File 4. (In Russ.).
19. *SADPR*. Fund 326. In. 2. File 1108. (In Russ.).
20. *SASLPR*. Fund R-3030. In. 1. File 3. (In Russ.).
21. *SASLPR*. Fund P-28. In. 1. File 329. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.В. Невлад – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук ДГТУ.

Information about the author

Yu. V. Nevlad – Senior Lecturer at the Department of Humanities, DSTU.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 18.04.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 93/94; 908
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-68-74>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИМИ ГИМНАЗИЯМИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Анатолий Сергеевич Петров

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
bayern1993@inbox.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ государственной политики Российской империи в области управления классическими гимназиями в XIX – начале XX в. Рассматриваются основные принципы организации гимназического образования, его роль в формировании интеллектуальной и административной элиты, а также идеологическая функция этих учреждений. Показано изменение подходов к управлению гимназиями в контексте социально-экономических и политических трансформаций. Внимание уделено реформам образовательной системы, которые отражали стремление государства адаптироваться к вызовам времени, сохраняя традиционные ценности. Выявлены тенденции модернизации. Отмечается противоречивость государственной политики, направленной на сочетание идеологических и образовательных задач. Исследование подчеркивает значимость исторического опыта для понимания современных проблем управления образованием. Сделан вывод о необходимости учета исторических уроков для разработки сбалансированной образовательной политики, основанной на гармонии традиций и инноваций.

Ключевые слова: Российская империя, гимназия, система просвещения, реформы, устав, министерство, учебный округ, образование

Для цитирования: Петров А. С. Государственная политика в области народного просвещения на примере управления классическими гимназиями в XIX – начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 68–74. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-68-74>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

STATE POLICY IN THE FIELD OF PUBLIC EDUCATION ON THE EXAMPLE OF THE MANAGEMENT OF CLASSICAL GYMNASIUMS IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY

Anatoly S. Petrov

Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
bayern1993@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the state policy of the Russian Empire in the field of management of classical gymnasiums in the 19th – early 20th century. The main principles of the organization of gymnasium education, its role in the formation of the intellectual and administrative elite, as well as the ideological function of these institutions are considered. The change in approaches to the management of gymnasiums in the context of socio-economic and political changes is shown. Attention is paid to the reforms of the educational system, which reflected the desire of the state to adapt to the challenges of the time, while preserving traditional values. The article identifies trends in modernization. The inconsistency of the state policy aimed at combining ideological and educational objectives is noted. The study emphasizes the importance of historical experience for understanding modern problems of education management. A conclusion is made about the need to take into account historical lessons to develop a balanced educational policy based on the harmony of traditions and innovations.

Keywords: Russian Empire, gymnasium, education system, reforms, charter, ministry, educational district, education

For citation: Petrov A.S. State Policy in the Field of Public Education on the Example of the Management of Classical Gymnasiums in the 19th – Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):68-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-68-74>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Государственная политика в сфере образования на протяжении всей истории выступала важнейшим фактором, оказывающим влияние на формирование культурных, социальных и политических основ общества. В Российской империи в XIX – начале XX столетия классические мужские гимназии занимали центральное место в системе среднего образования, реализуя функцию подготовки интеллектуальной и управленческой элиты государства. Эти учреждения не только обеспечивали углублённое обучение по классическим дисциплинам, но и выполняли задачу идеологического влияния, отражая в своей деятельности ключевые направления государственной образовательной политики.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью всестороннего осмысления исторического опыта формирования государственной образовательной стратегии в условиях динамичных социально-экономических преобразований и политических изменений. Изучение вопросов управления классическими гимназиями, особенностей их функционирования и содержания образовательных программ позволяет глубже раскрыть механизмы взаимодействия государственной власти с образовательными учреждениями в контексте общественных трансформаций.

Целью настоящей работы является комплексный анализ государственной политики, направленной на организацию и регулирование деятельности классических гимназий Российской империи, а также выявление её характерных черт и основных тенденций в разные исторические периоды XIX – начала XX в. Задачи исследования включают изучение специфики нормативных актов и административных решений, оказывавших влияние на содержание образовательного процесса и формирование ценностных ориентиров и национального самосознания российского общества.

Историография по данной проблеме не столь обширна. Уже в XIX – начале XX в. появились работы, посвящённые классическому мужскому образованию в Российской империи [1, с. 25; 2, с. 78; 3, с. 14; 4, с. 36; 5, с. 13; 6, с. 32; 7, с. 58]. Исследования в области истории образования в послереволюционный период в нашей стране начали развиваться с 1930-х гг. [8, с. 47].

В 2002 г. была опубликована работа Н. В. Христофоровой [9, с. 40], в которой отражена попытка представить целостную картину сложной системы образования, включая её историю, законодательную базу, учебно-методическое обеспечение и преподавательский состав. В исследовании А. М. Липчанского [10, с. 10] освещаются изменения в государственной образовательной политике, а также рассматриваются вопросы, касающиеся учащихся, педагогов и источников финансирования учебных заведений. Монография В. З. Смирнова посвящена судьбе многих учителей в годы революции и описывает быт российских педагогов с 1914 по 1918 г. [11, с. 31].

В течение периода XIX – начала XX в. функционирование мужских гимназий в Российской империи осуществлялось на основе ряда законодательных актов и подзаконных нормативных документов. Первым крупным шагом в формировании системы народного образования стали «Предварительные правила народного просвещения» от 24 января 1803 г. [12, с. 140], закрепившие основные принципы новой системы учебных заведений. Согласно этому документу, предполагалось создание четырех типов образовательных учреждений: университетов, гимназий, уездных и приходских училищ. Перед каждым из этих звеньев ставилась задача либо подготовки учащихся к следующему этапу обучения, либо предоставления им завершённого образования. Также планировалось организовать шесть учебных округов, управление которыми возлагалось на университеты. В каждом губернском центре рекомендовалось открыть хотя бы

одну гимназию. В гимназический курс были включены философские и общественные дисциплины, призванные подготовить воспитанников к поступлению в университет или к будущей профессиональной деятельности. Продолжительность обучения в гимназии – четыре года.

Утвержденный 5 ноября 1804 г. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» [13, с. 628] стал следующим важным этапом регламентации образовательной деятельности. Он закрепил структуру из четырёх уровней учебных заведений и определил порядок преобразования главных народных училищ в гимназии и уездные школы. Однако в отдалённых губерниях из-за острой нехватки квалифицированных преподавателей функционировали лишь малые училища [13, с. 631]. Ситуацию усложнял дефицит желающих посвятить себя педагогической деятельности: выпускники гимназий и университетов стремились получить более престижные и доходные должности, что негативно сказывалось на обеспечении школ педагогическими кадрами. Несмотря на отсутствие формальных сословных барьеров в уставе 1804 г., в 1813 г. был издан регламент, допускавший приём в гимназии детей несвободных сословий только при наличии исключительных успехов в учёбе и с одобрения министра народного просвещения. Организация и комплектование гимназий происходили крайне медленно, растянувшись почти на два десятилетия.

С воцарением Николая I началась разработка нового устава, подготовкой которого с 1825 г. занимался специально учреждённый Комитет по устройству учебных заведений. Приоритетами реформы стали не столько педагогические задачи, сколько политические соображения, направленные на создание образовательной системы, формирующей верноподданную элиту. Указом от 19 августа 1827 г. доступ в гимназии был закрыт для крепостных, а завершение гимназического курса предоставляло выпускникам право получения 14-го класса в Табели о рангах [2, с. 75].

8 декабря 1828 г. был введён в действие новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских», увеличивший срок гимназического образования до семи лет и закрепивший сословное деление образовательных учреждений [14, с. 1098]. Учебные заведения распределялись по категориям: гимназии предназначались для детей дворянства и чиновничества; уездные училища – для потомков купцов и городских обывателей; приходские – для детей из низших социальных слоёв. В этот период усиливалась роль почетных попечителей и педагогических советов. Директор гимназии превращался в фактического руководителя не только учебного заведения, но и всех казенных училищ в пределах губернии. С введением платы за обучение усилились процессы социальной стратификации [15, с. 118].

25 июля 1835 г. было принято «Положение об учебных округах», по которому гимназии выводились из-под управления университетов и передавались под непосредственный контроль попечителей округов. С целью ограничения численности неблагогородного контингента в гимназиях плата за обучение увеличена в 1845 г., а в 1846 г. введена пятибалльная система оценивания [16, с. 756].

Во второй половине XIX в. в России развернулась широкая дискуссия о целях и направлениях образовательных реформ, результатом чего стало принятие «Устава гимназий и прогимназий» 1864 г. Документом вводилось разделение гимназий на три типа: классические (с обязательным изучением двух древних языков), реальные с латинским языком и реальные без него. Окончившие классические гимназии получали возможность поступать в университеты без вступительных экзаменов. Кроме того, регламентировались материально-технические требования к учебным заведениям и возрастной ценз для поступления (не моложе 10 лет) [17, с. 88].

Следующий значимый этап связан с уставом 1871 г., который касался только классических гимназий. Он предусматривал создание подготовительных классов для детей 8–10 лет, ужесточение требований к поступающим и увеличение продолжительности гимназического курса до восьми лет [18, с. 11].

В 1880-е гг. государственная власть стремилась ограничить доступ к гимназическому образованию, сделав его привилегией элитных сословий. Были отменены подготовительные классы, введена обязательная форма одежды, повышена плата за обучение и установлен процентный лимит на приём учащихся еврейского происхождения (так называемый циркуляр Делянова) [18, с. 24].

С началом XX в. социально-экономические изменения повлекли за собой корректировку образовательной политики. С 1902 г. отменены обязательные курсы латинского и греческого языков для младших классов, а доступ к гимназическому образованию стал более демократичным [18, с. 40]. Однако вскоре усилился административный контроль: родительские комитеты были распущены в 1908 г., а с 1911 г. для поступления в университет требовалось свидетельство о благонадёжности [19, с. 158].

Одной из ключевых проблем мужских классических гимназий являлся социальный состав учащихся. Хотя формально допускались дети всех сословий, на практике обучение в гимназии было доступно преимущественно для представителей дворянства и чиновничества. Высокая стоимость обучения, необходимость приобретения учебных материалов и расходов на проживание делали получение гимназического образования практически невозможным для детей крестьян и рабочих. Кроме того, существовали как официальные, так и неофициальные ограничения, касавшиеся приема представителей некоторых национальностей и сословий. В итоге гимназии становились закрытыми учебными заведениями, где воспитывались будущие чиновники и интеллектуалы, что способствовало воспроизводству социальной иерархии.

В 1915 г. началась подготовка новой реформы средней школы, но её реализация была прервана политическими событиями. После Февральской революции Временное правительство разрешило учреждать гимназии для совместного обучения мальчиков и девочек [20, с. 36]. Однако Октябрьская революция положила конец существованию классической гимназии. Окончательно этот тип образовательных учреждений был ликвидирован с введением «Положения о трудовой школе» 1 января 1920 г. [21, с. 470].

Классические гимназии Российской империи отличались широким кругом преподаваемых дисциплин, направленных на всестороннее развитие учащихся и подготовку их к поступлению в университеты. Учебные программы включали обязательное изучение древних языков – латинского и греческого, русского языка и литературы, арифметики, геометрии, алгебры, физики, географии, истории, логики, философии и Закона Божьего. Особое внимание уделялось развитию навыков письма, ораторского искусства и аналитического мышления [22, с. 276]. Программа обучения была достаточно сложной, что требовало высокой мотивации и значительных интеллектуальных усилий со стороны учеников.

Важную роль в поддержке мужских классических гимназий играли частные инвесторы и благотворители. В условиях хронической нехватки государственного финансирования именно пожертвования местных меценатов позволяли гимназиям продолжать свою деятельность на должном уровне. Многие представители дворянства, купечества и интеллигенции считали своим долгом способствовать развитию образования и вкладывали значительные средства в строительство новых учебных корпусов, оснащение классов и приобретение учебной литературы. Эти пожертвования не только улучшали материально-техническую базу гимназий, но и служили показателем высокого социального статуса жертвователей [23].

Частные вкладчики часто брали на себя заботу о создании библиотек при гимназиях, пополняли их редкими изданиями и учебными пособиями. Кроме того, они помогали в организации ученических пансионатов, где могли проживать дети из отдалённых местностей. Поддержка со стороны частных лиц нередко выражалась и в учреждении стипендий для талантливых, но малоимущих учеников, что позволяло некоторым детям из небогатых семей получить образование, которое в противном случае было бы для них недоступно [24].

Отношения между частными инвесторами и гимназиями зачастую носили системный характер: многие жертвователи становились почётными попечителями учебных заведений и входили в состав попечительских советов. Это позволяло им участвовать в решении ключевых вопросов, касающихся организации учебного процесса и распределения финансов. Вклад частных инвесторов был не только материальной поддержкой, но и важной частью управленческой структуры гимназий, способствуя укреплению их позиций в системе образования Российской империи.

Немаловажной проблемой в функционировании гимназий оставалось материальное обеспечение. Финансирование зачастую не покрывало всех потребностей учебных заведений. Средства, выделяемые из государственного бюджета, нередко дополнялись пожертвованиями мест-

ных меценатов и взносами родителей. Здания гимназий часто нуждались в ремонте, не хватало учебных пособий и современного оборудования. Педагогический состав испытывал материальные затруднения, что снижало престиж профессии учителя. Эти проблемы приводили к тому, что в некоторых регионах учебный процесс осложнялся и не соответствовал задуманным стандартам [25].

Анализ государственной политики в области управления классическими гимназиями в Российской империи XIX – начала XX в. показывает, что образовательная система того времени тесно связана с социально-политическими и идеологическими процессами. Государство использовало гимназии не только как инструмент подготовки высококвалифицированных специалистов, но и как средство формирования преданной элиты, способной поддерживать существующий порядок.

Эволюция подходов к управлению гимназиями отражает изменения в приоритетах государственной политики: от ориентации на классицизм и традиционные ценности к постепенной модернизации образовательных программ в ответ на вызовы времени. Однако, несмотря на реформы, система гимназического образования сохраняла свою элитарность, что, с одной стороны, способствовало укреплению авторитета гимназий, а с другой – усиливало социальную дифференциацию.

Таким образом, опыт управления учебными заведениями в Российской империи подчеркивает сложность сочетания образовательных и идеологических задач. Изучение этого исторического периода позволяет не только лучше понять механизмы функционирования образовательной политики в прошлом, но и извлечь уроки, полезные для разработки современных подходов к управлению образованием, учитывающих баланс между традициями, инновациями и общественными запросами.

Список источников

1. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / под ред. А. Г. Небольсина. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 259 с.
2. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. 785 с.
3. *Шрадер В.* Гимназии и реальные училища: воспитание и обучение. Ревель: журн. «Гимназия», 1890. 472 с.
4. *Стоюнин В. Я.* Избр. пед. соч. / сост. Г. Г. Савенок. М.: Педагогика, 1991. 367 с.
5. *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет : в 4 т. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909–1911.
6. *Вессель Н. Х.* Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / сост. В. Я. Струминский. М.: Учпедгиз, 1959. 320 с.
7. *Григорьев В. В.* Исторический очерк русской школы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. 589 с.
8. *Медынский Е. Н.* История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 470 с.
9. *Христофорова Н. В.* Российские гимназии XVIII–XX вв.: на материалах г. Москвы. М.: Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. 192 с.
10. *Липчанский А. М.* Становление в России общего массового школьного образования в период социально-экономических преобразований 1861–1941 гг. Опыт, уроки. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. 279 с.
11. *Смирнов В. З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М.: АПН РСФСР, 1954. 310 с.
12. Указы государя императора Александра Первого, самодержца всероссийского, состоявшиеся в 1803 г. М.: Сенатская тип., 1804. 533 с.
13. Устав учебных заведений, подведомых университетам. 1804 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 28, № 21501. С. 626–644.
14. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб., 1828. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 3, № 2502. С. 1097–1127.
15. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. 431 с.

16. Высочайше утвержденное положение об учебных округах Министерства народного просвещения (1835) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. X. Отд. 1. С. 756–758.

17. Устав гимназий и прогимназий. СПб., 1864 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1874. Т. 46. Отд. 2. № 49860. С. 85–99.

18. Егоров А. Д. Гимназическое образование в России: исторический очерк. Иваново, 1990. 96 с.

19. Списки учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям: справочная книга, составленная по официальным сведениям за 1908–1915 годы. СПб., 1908–1915.

20. О гимназиях, прогимназиях и реальных училищах для совместного обучения детей обоего пола // Журн. Министерства народного просвещения. 1917. № 7–8.

21. Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки. Петроград: Сенатская тип., 1915. 547 с.

22. Игнатьев П. Н. Совет Министров в 1915–1916 годах: из воспоминаний // Новый журн. 1944. № 9. С. 276–292.

23. Балаиов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 236 с.

24. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917–1920. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958. 551 с.

25. Ерошкин Н. П. Министерства России первой половины XIX века – фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980. 96 с.

References

1. Nebolsin A.G., ed. *Historical and statistical essay on general and specialized education in Russia*. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum; 1883. 259 p. (In Russ.).

2. Rozhdestvensky S.V. *Historical review of the activities of the Ministry of Public Education: 1802-1902*. St. Petersburg: Ministry of Public Education; 1902. 785 p. (In Russ.).

3. Schrader V. *Gymnasiums and real schools: education and training*. Revel: Journal “Gymnasium”; 1890. 472 p. (In Russ.).

4. Stoyunin V.Ya. *Selected pedagogical works*. Comp. by G.G. Savenok. Moscow: Pedagogy; 1991. 367 p. (In Russ.).

5. Veselovsky B.B. *History of the Zemstvo for forty years: in 4 vols*. St. Petersburg: Publishing House of O.N. Popova; 1909-1911. (In Russ.).

6. Vessel N.H. *Essays on general education and the system of public education in Russia*. Comp. by V.Ya. Struminsky. Moscow: Educational and Pedagogical State Publishing House; 1959. 320 p. (In Russ.).

7. Grigoriev V.V. *Historical essay on the Russian school*. Moscow: Mamontov Printing House Partnership; 1900. 589 p. (In Russ.).

8. Medynsky E. N. *History of Russian pedagogy from ancient times to the Great proletarian revolution*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House; 1936. 470 p. (In Russ.).

9. Khristoforova N.V. *Russian gymnasiums of the 18th-20th centuries: based on materials from the city of Moscow*. Moscow: Shichalin Greco-Latin Cabinet; 2002. 192 p. (In Russ.).

10. Lipchansky A.M. *Formation of general mass school education in Russia during the period of socio-economic transformations of 1861-1941. Experience, lessons*. Astrakhan: Publishing House of the Astrakhan State Pedagogical University; 2001. 279 p. (In Russ.).

11. Smirnov V.Z. *Reform of primary and secondary schools in the 60s of the 19th century*. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1954. 310 p. (In Russ.).

12. *Decrees of the sovereign emperor Alexander the First, autocrat of all Russia, issued in 1803*. Moscow: Senate Printing House; 1804. 533 p. (In Russ.).

13. Charter of educational institutions subordinate to universities. 1804. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830;28(21501):626-644. (In Russ.).

14. Charter of district and parish gymnasiums and schools under the jurisdiction of the universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov. St. Petersburg, 1828. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830;3(2502):1097-1127. (In Russ.).

15. Chistyakov O.I., ed. *Russian legislation of the 10th-20th centuries: in 9 vols. Vol. 6: Legislation of the first half of the 19th century*. Moscow: Legal Literature; 1988. 431 p. (In Russ.).

16. Supremely approved regulation on the educational districts of the Ministry of public education (1835). *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Department 1.* St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1836;10:756-758. (In Russ.).

17. Charter of gymnasiums and progymnasiums. St. Petersburg, 1864. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Department 2.* St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1874;46(49860):85-99. (In Russ.).

18. Egorov A.D. *Gymnasium education in Russia: a historical essay.* Ivanovo, 1990. 96 p. (In Russ.).

19. *Lists of educational institutions of the Ministry of public education (except primary) by cities and villages: a reference book compiled from official information for 1908-1915.* St. Petersburg, 1908-1915. (In Russ.).

20. On gymnasiums, progymnasiums and real schools for the joint education of children of both sexes. *J. of the Ministry of Public Education.* 1917;(7-8). (In Russ.).

21. *Materials on the reform of secondary schools. Model programs and explanatory notes.* Petrograd: Senate Printing House; 1915. 547 p. (In Russ.).

22. Ignatiev P.N. The Council of Ministers in 1915-1916: from memoirs. *New J.* 1944;(9):276-292. (In Russ.).

23. Balashov E.M. *School in Russian society 1917-1927: formation of the "new man".* St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2003. 236 p. (In Russ.).

24. Korolev F.F. *Essays on the history of soviet school and pedagogy: 1917-1920.* Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1958. 551 p. (In Russ.).

25. Eroshkin N.P. *Ministries of Russia in the first half of the 19th century – fond formers of the central state archives of the USSR.* Moscow, 1980. 96 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A. С. Петров – аспирант кафедры истории России АГУ.

Information about the author

A.S. Petrov – Postgraduate Student, Department of Russian History, ASU.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 06.06.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 94(470.314)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-75-84>

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ДЕРБЕНЁВЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Роман Дмитриевич Платонов

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
platonckic@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3313-9163>

Аннотация. Подробно рассматривается социальная деятельность фабрикантов Дербенёвых в отношении своих рабочих, а также некоторых других слоев населения в 1905–1907 гг. В качестве главных источников использованы документы из фондов государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Изучены такие важные аспекты социальных преобразований, как жилищный вопрос, медицинская помощь, образование, система коммуникаций, вероисповедание, составляющие основу повседневной жизни рабочего класса. Следует подчеркнуть, что успехи Дербенёвых приводили к созданию настоящих стимулов для работы на их предприятиях, способствуя росту уровня производительности. В целом исследование даёт возможность выяснить социальный портрет промышленников Дербенёвых и их вклад в улучшение положения рабочего класса.

Ключевые слова: Дербенёвы, буржуазия, рабочие, Владимирская губерния, социальная деятельность, первая русская революция, предприятия, текстильная промышленность

Для цитирования: Платонов Р.Д. Социальная деятельность предпринимателей Дербенёвых в годы первой русской революции // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 75–84. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-75-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE DERBENEVS INDUSTRIALIST'S SOCIAL ACTIVITIES DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

Roman D. Platonov

Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia
platonckic@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3313-9163>

Abstract. The article examines in detail the social activities of the Derbenev factory owners in relation to their workers, as well as some other segments of the population in 1905-1907. The main sources used were documents from the State Archives of the Vladimir and Ivanovo regions, some of which had never been used before. This made it possible to study such important aspects of social transformation as housing, medical care, education, communications, and religion, as these aspects are considered to be the main basis of the daily life of the working class. It should be emphasized that the Derbenevs' successes led to the creation of real incentives for work at their enterprises, contributing to an increase in productivity. In general, the study provides an opportunity to find out the social portrait of the Derbenev industrialists and their contribution to improving the situation of the working class.

Keywords: Derbenevs, bourgeoisie, workers, Vladimir province, social activities, The First Russian revolution, enterprises, textile industry

For citation: Platonov R.D. The Derbenevs Industrialist's Social Activities During the First Russian Revolution. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):75-84. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-75-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Класс буржуазии играл достаточно важную роль в построении отечественного капитализма в начале XX в. Деятельность предпринимателей была связана с созданием базы для функционирования промышленных заведений, занимавших важное место в индустриальном обществе. Стоит отметить, что главный объект их политики – класс пролетариата, который, как и фабриканты, обладал значимостью в капиталистических отношениях.

С этим вопросом в промышленной среде Владимирской губернии сложилась двойственная ситуация. Множество местных фабрик и заводов находилось на мануфактурной стадии – с небольшой численностью рабочего состава и преобладающей ролью ручного труда. Следствием низкого уровня производительности труда был и небольшой капитал, который не позволял вести активные социальные преобразования.

Безусловно, в фабрично-заводской среде Владимирской губернии свою деятельность осуществляло большое число промышленников, известных во всей стране. Управление фабричной собственностью переходило им по наследству, и это следует считать определяющим фактором в становлении их «промышленных империй».

За многие годы такие фабриканты сумели накопить огромное состояние, которое давало им возможность вести активную социальную политику. К их числу относились и предприниматели Дербенёвы из Иваново-Вознесенска, владевшие предприятиями как в самом городе, так и в других уголках Владимирского края. Даже в тяжелое время революции 1905–1907 гг. они не прекращали свою деятельность, чтобы сохранить положение и избежать крупных социальных конфликтов.

Деятельность фабрикантов Дербенёвых ранее не вызывала серьезного интереса у исследователей. В своих трудах историки уделяли внимание социальным вопросам повседневной жизни рабочего класса, в полной мере касавшимся и трудящихся дербенёвских фабрик [1–3]. Другие специалисты рассматривали деятельность класса буржуазии в целом, к которому принадлежали и Дербенёвы [4].

Только Н. Д. Лалакин затронул вопрос социальной политики промышленников Дербенёвых, описав историю города, в котором династия Дербенёвых играла довольно значимую роль [5]. Однако он практически не представил вклад этих предпринимателей в улучшение бытовых условий пролетариата в годы революции 1905–1907 гг.

Разные исследователи анализировали в своих работах процессы, через которые проходила отечественная промышленность в начале XX в. Одни рассматривали явления, повлекшие за собой индустриальную стадию развития экономики и напрямую касавшиеся рабочего класса, так как он занимал важное место в обществе капиталистического типа [6]. Другие уделяли внимание таким сторонам жизни рабочего класса, как медицина и религия [7, 8]. Однако ни те, ни другие напрямую не обращались к вопросу о деятельности промышленников из династии Дербенёвых.

Нельзя обойти стороной и специалистов, работавших в тесно связанных с историей областях знаний и поднимавших в своих трудах различные социальные проблемы [9]. Несмотря на то что в таких работах нет даже малейшего упоминания о Дербенёвых, они хорошо отражают особенности взаимодействия руководителя и подчиненных, которые, в свою очередь, могут быть применены для сравнения отношений между фабрикантами и рабочими.

Таким образом, обозначенная в данной статье тема остается практически неизученной. Деятельность Дербенёвых всегда рассматривалась только в контексте более крупных событий, о ней в той или иной работе можно встретить лишь отдельные упоминания. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые освещается социальная деятельность Дербенёвых в годы первой русской революции, и это позволит раскрыть вклад, который вносили крупнейшие представители местной буржуазии в развитие общественной жизни.

Целью исследования является изучение социальной политики Дербенёвых в годы первой русской революции. В задачи исследования входит:

– рассмотрение преобразований, улучшивших положение рабочих на дербенёвских фабриках;

– изучение деятельности предпринимателей, направленной на развитие здравоохранения на своих предприятиях;

- анализ жилищного вопроса в социальной политике Дербенёвых;
- выяснение их роли в развитии сферы образования и коммуникаций;
- анализ вклада промышленников в вопрос вероисповедания.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 9 января 1905 г. (начало революции) по 3 июня 1907 г. – днем, когда была распущена Государственная дума II созыва, что ознаменовало окончание революции.

В основе работы лежит принцип объективности, дающий возможность достичь истины за счет использования необходимых исторических источников. Объектом исследования выступает социальный портрет промышленников Дербенёвых, предметом – деятельность Дербенёвых по улучшению социально-бытового положения своих рабочих. В качестве основного использовали историко-системный метод, с помощью которого удалось установить закономерности в системе общественных отношений, обусловившие политику Дербенёвых, и выстроить полную картину их деятельности. Кроме того, большую роль сыграл просопографический метод, способствовавший выявлению личностных характеристик фабрикантов, оказывавших влияние на осуществление ими социальных преобразований.

Текстильная промышленность играла достаточно важную роль в экономике Владимирской губернии. К началу XX в. большая часть предприятий данной отрасли оказалась сосредоточена в руках нескольких фабричных кланов. Яркими представителями таких династий стали промышленники Дербенёвы.

На момент начала первой русской революции они входили в число крупной буржуазии. В их собственности находился ряд текстильных предприятий в разных уголках региона, что способствовало наличию огромного капитала. Наиболее передовые промышленные заведения Дербенёвых размещались в Иваново-Вознесенске и Коврове, а также в прилежавшем к нему уезде [10, с. 4].

Каждое текстильное заведение принадлежало тому или иному члену семьи. Самый известный – Павел Никанорович Дербенёв, занимавший во времена первой русской революции должность главы Иваново-Вознесенска. Он, как и его братья, был заинтересован в том, чтобы их продукция пользовалась спросом на внутреннем рынке. Это стремление предопределило создание экономического союза, позволившего объединить капитал каждого из них в единое целое [4, с. 126]. Именно так и появилось «Товарищество мануфактур Никанора Дербенёва сыновья», одно из крупнейших торговых объединений в губернии.

Промышленная деятельность этой компании совпала с развитием отечественного капитализма. Соответственно, перед товариществом ставилась задача не только закрепиться на внутреннем рынке, но и усилить свое положение среди других капиталистов. Все это было вызвано тем, что в начале XX в. на территории губернии существовало огромное количество текстильных фабрик, что порождало сильную конкуренцию между их владельцами.

Однако, пожалуй, самым тяжелым периодом для Дербенёвых стала первая русская революция, начавшаяся в самом начале 1905 г. и продлившаяся более двух лет. Данное событие не могло не затронуть интересы промышленников. Во всей промышленной среде происходили социальные конфликты между буржуазией и рабочими. Любое противоречие, имевшее большую историю, выходило на поверхность и обретало форму открытого противостояния. Чтобы не допустить этого, Дербенёвым было необходимо прежде всего укрепить связь со своими рабочими [6, с. 46].

Поэтому социальная деятельность являлась для промышленников логичным решением вопроса налаживания взаимоотношений с трудящимися. Следует подчеркнуть, что большое количество работников, занятых на производстве, – один из главных факторов, обуславливающих необходимость её проведения. В качестве примера стоит рассмотреть ситуацию с несколькими промышленными заведениями при станции Новки за 1906 г. На тот момент рабочий состав бумагопрядильной фабрики составлял 718 чел. [11, л. 4]. Более серьезная ситуация наблюдалась на бумаготкацком предприятии, где трудилось 1175 пролетариев [11, л. 5].

Важную роль в положении каждого трудящегося играл размер его дохода. Большие средства им приходилось тратить главным образом на питание, одежду, медикаменты и оплату жилья, после чего у многих работников не оставалось практически никаких возможностей для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей [2, с. 313].

Поэтому Дербенёвым было необходимо создать лучшие условия, чтобы не допустить возникновения социального конфликта, чреватого тяжелыми последствиями. Учитывая уровень стачечного движения в губернии и положение большинства рабочих, любое недовольство могло привести к стачке либо забастовке. Именно это и определяло для промышленников всю важность проведения ими социальной политики.

Деятельность Дербенёвых в социальной сфере включала оказание помощи трудящимся в разных аспектах. И в этом на протяжении более двух революционных лет им удалось достичь многого.

Дербенёвы стремились создать такую атмосферу, при которой трудящиеся рационально расходовали бы свои жизненные ресурсы. Важное место в их политике занимало решение вопроса о продолжительности рабочего дня. Принципиально было не задеть интересы обоих субъектов производства. Введение продолжительного рабочего дня на производстве объяснялось стремлением промышленников выпустить необходимый объем товара [12, с. 138]. Это вызывало серьезное недовольство в рабочей среде, поскольку большая часть времени трудящихся уходила на работу, а возможность полноценного отдыха, досуга и общения с семьей сводилась к минимуму. В годы революции данная проблема остро стояла и в фабрично-заводской среде Владимирской губернии. Свидетельством тому служат отчеты фабричной инспекции, согласно которым за 1905 г. было зафиксировано 93 жалобы пролетариев, касавшиеся продолжительности рабочего времени [13, с. 58].

Такое положение дел не могло не волновать фабрикантов, которые прекрасно осознавали, что рано или поздно это приведет к крупному конфликту. Масла в огонь подливали и события весны 1905 г., когда в Иваново-Вознесенске вспыхнула всеобщая стачка рабочих. Среди требований бастующих первое место занимал пункт о введении восьмичасового трудового дня [14, с. 118]. Учитывая, что в этом городе у Дербенёвых были фабрики, данный ультиматум касался их напрямую.

В частности, на миткалево-ткацкой фабрике Дербенёвых в Иваново-Вознесенске для большинства специалистов предусматривалась работа в одну смену, которая начиналась в 6:15 и заканчивалась в 18:15, с обязательным обеденным перерывом 1,5 ч [15, л. 13]. Подобную ситуацию также можно было наблюдать и на обеих фабриках при станции Новки в Ковровском уезде. Работы начинались в 6 ч утра и заканчивались в 6 ч вечера с перерывом на обед на 1 ч 15 мин [11, л. 4–5].

Кроме того, существовали специалисты, которые работали в две смены. Нужно отметить, что во всех случаях продолжительность рабочего времени не превышала 9 ч [11, л. 5]. Некоторые пролетарии, такие как смазывальщики, паровщики, кочегары, слесари и некоторые другие, были вынуждены трудиться в три смены. При этом на предприятии в Иваново-Вознесенске каждая смена длилась по 8 ч, тем самым обеспечивая круглосуточный режим работы [15, л. 13 об.].

Здесь важно понимать, что подобные меры были вынужденными, поскольку отечественная промышленность вступала в новый период своего развития, где главную роль играли машины и механизация фабрик и заводов. Это оказывало большое влияние на весь процесс производства и, соответственно, на выпуск продукции [12, с. 123]. Поэтому данный шаг отражал стремление промышленников обеспечить постоянную работу своих предприятий, исключить вероятность возникновения неполадок, которые запросто могли сорвать весь рабочий процесс и принести материальные убытки.

Таким образом, на фабриках Дербенёвых трудовой день не превышал 9,5 ч. Это позволяло предпринимателям выполнять планы по производству товаров и сохранять свое экономическое положение. В то же время рабочие получали все условия для ведения трудовой деятельности. Благодаря этому они расходовали меньше жизненной энергии на работу. Закономерным результатом могло стать сохранение их дееспособности, которая позволила бы им дольше вести

свою трудовую деятельность, получая при этом стабильный доход. Что же касается главного преимущества, при таком положении дел снижалась вероятность возникновения социального конфликта, который никому не был выгоден.

Однако нужно понимать, что создание благоприятной атмосферы для работы не могло ограничиваться только решением вопроса рабочего времени. Дербенёвым, как и любому фабриканту, было необходимо сформировать стимулы для занятости на своих предприятиях. Назрела потребность в изменении существовавшего порядка, построенного на дисциплинарном принуждении [9, с. 295–296].

Многие промышленники того времени требовали от трудящихся большей отдачи, оказывая на них давление при помощи штрафов, увольнений и некоторых других мер. Для того чтобы изменить такое положение, в первую очередь было необходимо создать факторы мотивации, способные привлечь на производство большое количество кадров, гарантируя им при этом защиту со стороны капиталиста.

Роль стимулов могли сыграть социальные учреждения, в которых нуждались все представители рабочего класса. В частности, Э. Э. Крузе отмечала, что у любого пролетария существовал ряд потребностей, на выполнение которых ему приходилось расходовать немалые средства. Главными статьями издержек бюджета трудящихся считались расходы на жилье, питание, одежду, помощь семье, медицинское обслуживание и др. [3, с. 218].

Соответственно, перед Дербенёвыми, как и перед всеми промышленниками, стояла задача обеспечить любому рабочему в том числе социальную защиту. Ведь каждый пролетарий существовал за счёт продажи своей рабочей силы, а капиталист получал прибыль за счёт труда людей. Таким образом, вкладывая средства в улучшение жизни простых рабочих, фабрикант мог рассчитывать, что они станут охотнее трудиться в его заведении, обеспечивая при этом себя и сохраняя положение своего руководства.

Рассмотрение этой деятельности следует начать с жилищного вопроса, довольно остро стоявшего в рабочей среде. В промышленной среде Владимирской губернии местами проживания фабрично-заводских трудящихся являлись в основном помещения казарменного типа [16, с. 85–86]. Это было связано с тем, что далеко не каждый предприниматель обладал достаточным капиталом, позволявшим предоставлять рабочим собственное жилище. Невыгодным было и выделение средств на аренду квартир, так как это сильно ударило по материальному положению фабрикантов.

Но в случае с предприятиями Дербенёвых ситуация обстояла намного лучше. Например, работники обеих фабрик при станции Новки, в общей сложности около двух тысяч человек, проживали на собственной жилплощади [11, л. 4–5].

Правда, и на предприятиях Дербенёвых тоже случались социальные конфликты, когда трудящиеся требовали решения жилищного вопроса. Так было в случае с забастовкой в местечке Камешково в ноябре 1905 г., в ходе которой выдвигалась просьба о выдаче квартирных денег [17, л. 1]. Не исключено, что проблема могла быть связана с последствиями кризиса, сказавшегося на стоимости аренды, в результате чего пролетарии были вынуждены пойти на такой шаг. Однако этот пункт, как и многие другие, фабричное руководство не удовлетворило.

Возникает вопрос – почему произошел отказ, ведь в условиях революции это грозило обострением ситуации? Предположим, что выдача квартирных денег была невыгодна фабрикантам и несла угрозу сильного ущерба всему промышленному заведению. Под удар в таком случае могли попасть обе стороны конфликта.

Одним из возможных сценариев могло стать увеличение продолжительности рабочего дня для пролетариев. Нужно отметить, что при таком раскладе это было более чем реально, так как предприятию пришлось бы производить больше товаров для поддержания своего баланса. Вероятно, осознание бунтовщиками пагубности подобных перспектив сыграло главную роль в прекращении забастовки.

Кроме того, вопрос оплаты труда заслуживает особого внимания. Целесообразно рассмотреть опыт сразу нескольких предприятий Дербенёвых, так как позволит понять, каким было материальное положение пролетариев, а также даст возможность установить роль фабрикантов в улучшении материального положения своих работников.

В первую очередь нужно изучить размер дохода поденщиков, так как они нанимались на определенный срок и после выполнения своих обязательств имели право уволиться. Накануне революции средний заработок любого из них превышал 23 р. [18, л. 90–92]. Можно сказать, что доход поденщиков был довольно хорошим, учитывая непродолжительный срок их работы. Подобный размер жалования мог стать для временных рабочих стимулом остаться и трудиться на постоянной основе, что было крайне выгодно и Дербенёвым, и самим пролетариям.

Рассмотрим и уровень дохода постоянных рабочих. Для этого обратимся к опыту ситцепечатного и ткацкого заведений в Иваново-Вознесенске. Нужно понимать, что ткачи занимали важнейшее место на производстве и поэтому нанимались на постоянную работу. Во многом именно от их труда зависело качество выпускаемого товара.

Например, жалование ткачихи Варвары Андреевны Кузьминой за сентябрь 1905 г. составляло 19 р. 65 к. В течение следующего полугодия, до марта 1906 г., уровень ее дохода немного изменился, но практически всегда выходил в сумме 18 р. [19, л. 11]. У ткачихи Анны Евграфовны Проворовой, по данным за сентябрь 1905 г., заработок составил 21 р. 28 к. [19, л. 14 об.]. В следующие полгода средний размер ее жалования – 20 р. [19, л. 14 об.]. Достойный средний заработок был и у Марьи Федосеевны Пыльновой в 1905–1906 гг. – 18 р. [19, л. 17]. Таким образом, ситуацию с заработной платой постоянных работников дербенёвских предприятий следует считать благоприятной, так как уровень заработка позволял им полноценно осуществлять свою жизнедеятельность.

Другим аспектом социальной деятельности Дербенёвых следует считать здравоохранение. Контроль над оказанием врачебной помощи фабричным работникам требовал внимания любого промышленника. В этой среде существовало множество факторов, пагубно влиявших на жизнь и здоровье трудящихся, способствующих росту заболеваемости туберкулезом, оспой, холерой, сыпным тифом и болезнями органов дыхания [7, с. 140]. Кроме того, производственный процесс сопровождался многочисленными случаями травматизма.

Такое положение дел требовало от Дербенёвых создания условий для оказания медицинской помощи своим рабочим. Это было в интересах и работников, и фабричного руководства: при отсутствии нужного и своевременного лечения возрастала вероятность распространения болезни, что ставило под угрозу здоровье других работников и самого фабриканта [20, с. 271]. Следствием могло стать нарушение работы промышленного заведения, а это, в свою очередь, привело бы к колоссальным убыткам.

Именно поэтому при каждом из предприятий Дербенёвых существовали больничные заведения, полностью содержавшиеся за счет фабрикантов. Это требовало огромных средств. Так, например, для оказания врачебной помощи пролетариям на каждой из двух фабрик в Ковровском уезде ежегодно выделялось более 9 тыс. р. [11, л. 4 об., 5 об.].

Данные больничные учреждения имели форму приемного покоя, куда поступали рабочие с симптомами заболеваний или производственными травмами. Помощь больным оказывали врач, фельдшер и акушер [21, с. 396]. Режим работы медицинского персонала зависел от количества работников на предприятии. Так, например, на бумагопрядильной фабрике при станции Новки, на которой работало 718 чел., постоянно дежурили врач и фельдшер [21, с. 81]. В то же время ситцепечатное заведение в Иваново-Вознесенске с количеством рабочих чуть больше 300 чел. только периодически посещалось доктором, а фельдшер дежурил ежедневно [21, с. 388].

Содержание больниц гарантировало оказание помощи не только больным, но и пострадавшим пролетариям, чтобы они не лишились трудоспособности. Обратимся к делопроизводственной документации, составленной руководством ткацкой фабрики в Иваново-Вознесенске за 1905 г.: 5 декабря во время рабочего процесса из станка вылетел челнок, который, перелетев предохранительные ограждения, попал ткачихе Феокисте Мясниковой в голову. В результате она была направлена на лечение в фабричный приемный покой [22, л. 4 об.].

Похожая ситуация имела место 16 февраля того же года, когда запасная ткачиха Анна Абросимова получила серьезное увечье из-за вылетевшего из станка предмета, который ударил ее в верхнюю губу. Она лишилась двух зубов и была вынуждена проходить лечение в больнице [22, л. 5 об.].

Нередки были случаи, из-за которых трудящийся мог утратить дееспособность: например, в феврале 1905 г. ткачиха Александра Головкина порезала правую ногу о валявшееся стекло, в результате чего была направлена в приемный покой [22, л. 3 об.].

Таким образом, Дербенёвы внесли большой вклад в развитие фабричной медицины и оказание помощи своим рабочим. Благодаря их деятельности и немалым средствам больные и пострадавшие имели возможность получить необходимое лечение. Своевременное вмешательство медиков позволяло сохранить жизнь и трудоспособность работников.

Кроме того, социальная политика в сфере здравоохранения имела еще одну форму реализации. Следует отметить, что меры по профилактике заболеваний могли реализовываться не только через больницы. Одним из вариантов решения этого вопроса можно считать открытие прачечных и бань при предприятиях. Организацию таких учреждений Дербенёвыми нужно считать настоящим актом благотворительности, так как фабричное законодательство тех лет не предусматривало подобную обязанность для фабрикантов [1, с. 180].

Обратимся к опыту ситцевой фабрики в Иваново-Вознесенске. Любому рабочему этого предприятия было доступно посещение бани на безвозмездной основе. И дети пролетариев также имели право бесплатного пользования помывочной. Женщины посещали баню по пятницам, а по субботам она была открыта для мужчин [15, л. 16 об.]. При этом же заведении имелась и постирочная. Каждый трудящийся мог бесплатно пользоваться ее услугами три раза в неделю, с понедельника по среду. Промышленники ввели длительную работу прачечной – с 7 ч утра до 7 ч вечера в связи с большим количеством работников [15, л. 16 об.]. Наличие бань и прачечных при предприятиях Дербенёвых имело огромное значение, в первую очередь оно способствовало профилактике встречавшихся в промышленной среде различного рода заболеваний.

Не обходился без внимания Дербенёвых и образовательный вопрос. Обучение давало знания, которые являлись богатством для любого человека [9, с. 194]. В сфере промышленности грамотный специалист имел высокую ценность для своего нанимателя. Фабрично-заводская среда Владимирской губернии проходила в то время через процесс механизации, благодаря которому предприятия стали оснащаться техническими средствами, постепенно вытеснявшими ручной труд. Отсутствие у рабочего необходимых знаний могло привести к проблемам, каждая из которых ударяла по финансам промышленника.

Для подготовки нужных специалистов при заведениях Дербенёвых функционировали фабричные школы, в которых проходили обучение дети работников, а также малолетние трудящиеся. Примером служит фабричная школа, находившаяся недалеко от станции Новки в селе Эдемском [5, с. 37]. Пролетарии бумагопрядильной и бумаготкацкой фабрик могли отправлять своих детей на обучение рядом с домом. На содержание этого заведения Дербенёвы тратили ежегодно более 300 р. [11, л. 4 об., 5 об.]. Благодаря этому становилась возможной подготовка грамотных специалистов, которые в будущем могли бы трудиться на предприятиях. Главное преимущество заключалось в том, что фабричные школы помогали избежать нехватки рабочих, так как предприниматели знали тех, кто учился, и в дальнейшем могли предоставить им работу.

Большой вклад был внесен Дербенёвыми и в систему коммуникаций. Как уже говорилось, «Товарищество мануфактур Никанора Дербенёва сыновья» относилось к крупнейшим представителям текстильной отрасли отечественной промышленности. Огромный спрос на их продукцию позволял им выйти за пределы Владимирской губернии [4, с. 123]. Данное положение и обуславливало необходимость наличия логистики для быстрой реализации товаров. Именно поэтому в августе 1905 г. Дербенёвы подали в губернское правление ходатайство об установлении сообщения между своими предприятиями. Между станцией Новки и г. Иваново-Вознесенском решили провести телефонный провод по столбам железнодорожного телеграфа [23, л. 1].

Коммуникации были необходимы не только для ведения торговли, но и для решения различного рода проблем, которые могли возникнуть в любое время. Уездная управа и полицейское управление дали согласие на устройство сообщения. Власти обязали предпринимателей уплачивать ежегодный сбор в сумме более 25 р. в течение первых пяти лет, а на шестой год они

должны были выплатить 240 р. 75 к. [23, л. 13 об.]. Таким образом удалось обеспечить связь отдаленной местности с промышленным центром.

Дербенёвы не упускали из внимания и религиозный вопрос. В то время вероисповедание имело огромное значение для простого человека. Наиболее распространенной конфессией во Владимирской губернии было православие как одна из основ российской государственности [8, с. 13].

Религия способствовала объединению людей в союз, основанный на принципах добродетели, что было крайне важно для фабрикантов. Неслучайно незадолго до начала революции Дербенёвы обратились в Духовную консисторию с просьбой о возведении храма в селе Новки. Поскольку большая часть населения исповедовала православие, такой поступок значительно повышал авторитет промышленников не только в рабочей среде, но и среди всего населения.

Проектом предусматривалось, что «церковь предполагена следующих размеров: настоящая квадратом 16 аршин, трапезная длиной 12, шириной 16 аршин и алтарь в длину настоящей и трапезы и шириной 9 аршин. Толщину стен настоящей предположительно сложить в 2½ аршина, трапезы в 2 аршина, алтаря в 1 ½ аршина» [24, л. 3]. Можно допустить, что этот замысел обошелся фабричному руководству в приличную сумму. Огромные затраты на реализацию плана формировались из-за стоимости нужных для строительства материалов и необходимости оплачивать работу мастеров-изготовителей.

Вопрос о постройке храма был вынесен на обсуждение во Владимирском губернском правлении, и вскоре был дан положительный ответ. В Духовной консистории проект рассматривали очень подробно – и он получил одобрение [24, л. 7 об.]. В результате в 1906 г., в самый разгар революции, был построен храм.

В условиях революционного времени, характеризовавшегося массовыми социальными конфликтами, любому капиталисту крайне необходимы тесные взаимоотношения с рабочими, чтобы сохранить свое положение. Строительство церкви позволяло Дербенёвым заработать уважение не только у трудящихся, но и у других членов общества.

Итак, промышленники из династии Дербенёвых внесли значительный вклад в улучшение условий быта своих рабочих. Они сумели создать благоприятную атмосферу для работы на своих предприятиях. Рассматривая их социальную деятельность, можно прийти к выводу, что она была направлена на предоставление простым трудящимся всех необходимых социальных гарантий.

Для достижения такого результата требовались различные преобразования. В первую очередь фабриканты установили приемлемую продолжительность трудового дня, за счет этого каждый пролетарий мог полноценно осуществлять свою жизнедеятельность.

На предприятиях Дербенёвых была хорошо организована система здравоохранения, гарантировавшая оказание медицинской помощи любому из трудящихся. Существовавшая профилактика заболеваний позволяла предотвратить распространение опасных болезней и тем самым сохранить жизнь и здоровье всем субъектам производства.

Ситуацию с жилищным вопросом в дербенёвских заведениях следует считать благоприятной, так как каждый работник имел возможность проживать на собственной жилплощади благодаря достойному размеру жалования.

Рассматривая вопрос оплаты труда, можно проследить тенденцию, при которой как временные, так и постоянные трудящиеся имели практически одинаковый размер заработка. Такой расклад позволял каждому из них вести свою жизнедеятельность в полной мере.

Огромное значение имел вклад предпринимателей в развитие системы коммуникаций. В условиях развивавшейся промышленности это был крайне важный шаг, который позволял решать различные проблемы. Появление телеграфа на предприятиях предоставило связь, необходимую для успешного ведения финансовой деятельности.

Отметим и перспективный проект Дербенёвых в образовательной сфере. Наличие фабричной школы гарантировало каждому рабочему возможность получить необходимое образование, что было важным для его морально-нравственного развития. Более того, это способствовало подготовке качественных специалистов в будущем, так как у грамотного работника больше преимуществ.

Инициативу Дербенёвых по строительству храма можно считать общественным достоянием в силу её огромного значения для всего общества. В сознании простых людей появлялся образ «фабриканта-благотетеля», что поднимало его авторитет среди населения. Таким образом, можно говорить, что здесь устанавливались тесные контакты с рабочими, которые исключали вероятность возникновения противоречий.

Список источников

1. Бородкин Л.И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 535 с.
2. Кирьянов Ю.И. Бюджетные расходы рабочих России в конце XIX – начале XX в. // Россия и мир: памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина : сб. ст. М.: РОССПЭН, 2001. С. 308–330.
3. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. 299 с.
4. Бокханов А.Н. Крупная буржуазия России. М.: Проспект, 2024. 360 с.
5. Лалакин Н.Д. Вознесение пустоши Камешки. Владимир: Собор, 2007. 276 с.
6. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
7. Баранова Л.А. Медицинское обслуживание фабрично-заводских рабочих в конце XIX – начале XX века // Вестн. Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. 2010. № 3 (32). С. 139–142.
8. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2004. 560 с.
9. Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
10. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. 838 с.
11. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2531.
12. Маркс К. Капитал. СПб.: Азбука-классика, 2023. 512 с.
13. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 год. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1908. 117 с.
14. Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году : сб. док. и материалов / сост. В. М. Соколов, В. А. Бабичев. Иваново: Кн. изд-во, 1955. 262 с.
15. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2481.
16. Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1884. 136 с.
17. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2406.
18. ГАВО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 12.
19. Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 154. Оп. 1. Д. 639.
20. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. СПб.: Азбука, 2020. 384 с.
21. Памятная книжка Владимирской губернии за 1900 год. Владимир-на-Клязьме: Типо-лит. Владимир. губ. правления, 1900. 415 с.
22. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 935.
23. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20270.
24. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20192.

References

1. Borodkin L.I., Valetov T.Ya., Smirnova Yu.B., Shilnikova I.V. "Not a single ruble": labor incentives for textile workers in pre-revolutionary Russia. Moscow: Political Encyclopedia; 2010. 535 p. (In Russ.).
2. Kiryianov Yu.I. Budget expenditures of Russian workers in the late 19th - early 20th century. *The Russian and world*. To the memory of professor Valery Ivanovich Bovykin. The collection of articles. Moscow: Political Encyclopedia; 2001:308-330. (In Russ.).
3. Kruze E.E. *The position of working class in Russia in 1900-1914*. Leningrad: Science, Leningrad branch; 1976. 299 p. (In Russ.).
4. Bokhanov A.N. *The big bourgeoisie of Russia*. Moscow: Prospect; 2024. 360 p. (In Russ.).
5. Lalakin N.D. *Ascension of the wasteland Kameshki*. Vladimir: Cathedral; 2007. 276 p. (In Russ.).
6. Poberezhnikov I.V. *Transition from a traditional to an industrial society: theoretical and methodological problems of modernization*. Moscow: Political Encyclopedia; 2006. 240 p. (In Russ.).
7. Baranova L.A. Medical care of factory workers in the late 19th - early 20th century. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2010;(3):139-142. (In Russ.).
8. Rozhkov V., archpriest. *The church issues in the State Duma*. Moscow: Publishing House of Krutitsy Courtyard, Society of Church History Amateurs; 2004. 560 p. (In Russ.).

9. Foucault M. *It is necessary to protect the society*. A course of lectures delivered at the College de France in the 1975-1976 academic year. St. Petersburg: Science; 2005. 312 p. (In Russ.).
10. *The list of the factories and plants in European Russia*. St. Petersburg: Printing House of V.F. Kirshbaum; 1903. 838 p. (In Russ.).
11. *State Archive of the Vladimir Region (SAVR)*. Fund 266. In. 1. File 2531. (In Russ.).
12. Marx K. *The capital*. St. Petersburg: Alfabet-classic; 2023. 512 p. (In Russ.).
13. *Summary of factory inspectors' reports for 1905*. St. Petersburg: Printing House of V.F. Kirshbaum; 1908. 117 p. (In Russ.).
14. Sokolov V.M., Babichev V.A., comp. *General strike of Ivanovo-Voznesensk workers in 1905*. Collection of documents and materials. Ivanovo: Book Publishing House; 1955. 262 p. (In Russ.).
15. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2481. (In Russ.).
16. Peskov P.A. *Factory life in the Vladimir province*. St. Petersburg: Printing House of V.F. Kirshbaum; 1884. 136 p. (In Russ.).
17. *SAVR*. Fund 266. In. 1. File 2406. (In Russ.).
18. *SAVR*. Fund 288. In. 1. File 12. (In Russ.).
19. *State Archive of the Ivanovo Region (SAIR)*. Fund 154. In. 1. File 639. (In Russ.).
20. Engels F. *The origin of the family, private property and state*. St. Petersburg: Alfabet; 2020. 384 p. (In Russ.).
21. *Commemorative book of the Vladimir province for 1900*. Vladimir-on-Klyazma: Typo-lithography of the Vladimir Provincial Government; 1900. 415 p. (In Russ.).
22. *SAIR*. Fund 4. In. 1. File 935. (In Russ.).
23. *SAVR*. Fund 40. In. 1. File 20270. (In Russ.).
24. *SAVR*. Fund 40. In. 1. File 20192. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Д. Платонов — аспирант кафедры истории, археологии и краеведения ВлГУ.

Information about the author

R. D. Platonov – Postgraduate Student of the Department of History, Archaeology and Local History, VISU.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья
УДК 94(37)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-85-91>

ЭПИРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ТИТА ПОМПОНИЯ АТТИКА

Илья Владимирович Снежко¹, Саркис Суменович Казаров²✉

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ isniezhko@list.ru

² ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Аннотация. Эпир был одним из экономически развитых регионов древних Балкан. Свое значение он сохранил и в период римского господства, будучи привлекательным местом вложения средств для богатых собственников. В числе таких богачей – всадник Тит Помпоний Аттик, имевший в Эпире обширное хозяйство. Рассматривается его деятельность в области управления землевладением в Эпире в I в. до н. э. Согласно античным свидетельствам, землевладение Аттика в данном регионе использовалось для скотоводства с опорой на рабовладение: он имел в собственности широкие пастбища с большим количеством голов скота, которых пасли рабы. Продукты скотоводства Аттик реализовывал как на местном, так и на средиземноморском рынках, а кроме того, вероятно, принимал участие в обеспечении римских армий в регионе во время различных военных кампаний. Масштабность владений, организация хозяйства, задействованная на ней рабочая сила и значительная рабская администрация – все это с высокой долей вероятности позволяет отнести поместья Аттика к владениям латифундистского типа.

Ключевые слова: Эпир, Аттик, рабовладение, скотоводство, землевладение

Для цитирования: Снежко И. В., Казаров С. С. Эпирское землевладение Тита Помпония Аттика // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 85–91. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-85-91>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

EPIRUS LAND OWNERSHIP OF TITUS POMPONIUS ATTICUS

Ilya V. Sniezhko¹, Sarkis S. Kazarov²✉

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ isniezhko@list.ru

² ser-kazarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

Abstract. Epirus was one of the economically developed regions of the ancient Balkans. It retained its importance during the period of Roman rule, being an attractive place for investment for wealthy owners. Among such rich people was the equestrian Titus Pomponius Atticus, who had an extensive farm in Epirus. His activities in the field of land management in Epirus in the 1st century BC are considered. According to ancient evidence, Atticus's land ownership in this region was used for cattle breeding based on slavery: he owned wide pastures with many cattle, which were herded by slaves. Atticus sold cattle products both on the local and Mediterranean markets, and in addition, he probably took part in providing the Roman armies in the region during various military campaigns. The scale of the holdings, the organization of the economy, the labor force involved in it, and the significant slave administration - all this with a high degree of probability allows us to classify the estates of Attica as holdings of the latifundist type.

Keywords: Epirus, Attica, slavery, cattle breeding, land ownership

For citation: Sniezhko I.V., Kazarov S.S. Epirus Land Ownership of Titus Pomponius Atticus. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):85-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-85-91>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

На севере Древней Греции, на самой границе, отделяющей греческую цивилизацию от варварского мира, находилась область, получившая название Эпир. Его территория располагалась к северу от Амбракийского залива, к востоку – от Фессалии, на западе же её естественной границей служило побережье Ионийского моря. Но наиболее четкая линия пролегла на севере, где Керавнские горы разделяли Эпир и соседнюю Иллирию. Природные ландшафты области отличались поразительным разнообразием. Здесь встречались морское побережье и горные вершины с высокими хребтами, соединенные узкими горными проходами, бурные реки, болотистые лагуны и ровные, плоские долины, непроходимые ущелья и высокогорные плато [1, р. 2–3]. Несмотря на сложность и разнообразие рельефа, здесь имелись районы, весьма благоприятные для развития земледелия и скотоводства.

Весьма характерен пассаж Гесиода, что один из районов Эпира Хеллопия – земля пышных лугов, которая богата зерном, и на территории области пасутся многочисленные стада коз и овец, а также тягловый скот. Живущие здесь люди владеют этим скотом в большом количестве (Hes. fr. 156).

После завоевания Греции римляне стали проявлять интерес к далекому и труднодоступному для них Эпиру. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные определенно фиксируют их присутствие в этом регионе. Первые свидетельства проникновения римлян в Эпир датируются еще концом III в. до н. э., когда они, одержав победу над карфагенянами, двинулись на восток для завоевания восточной части Средиземноморья.

По окончании 2-й и 3-й Македонских войн Македонское царство было упразднено. Поражение Персея при Пидне в 168 г. до н. э. имело разрушительные последствия для Эпира, особенно для его южной части, которая была в союзе с македонцами. В 167 г. до н. э. 70 городов в Эпире были разрушены, а 150 000 чел. проданы в рабство. После подавления революции Филиппа-Андриска в 148 г. до н. э. Македония потеряла свою независимость и стала римской провинцией, включавшей Эпир и Иллирию.

В начале I в. до н. э. Эпир пострадал от новой катастрофы, вызванной фракийскими вторжениями. Последующие гражданские войны между римскими командирами, а также произвол региональных наместников еще больше ухудшили положение в этом районе. И все же, как показывают археологические исследования, некоторые населенные пункты выжили даже в таких обстоятельствах. Раскопки в Кассопии, Гардики и Кастрице показали, что города, пострадавшие от разрушения 167 г. до н. э., продолжали быть заселенными до конца I в. до н. э.

Нельзя не учитывать, что постоянные войны, катастрофы, захваты и пленение жителей привели к демографическому сокращению населения города и общему регрессу как в экономике, так и в культуре.

Похоже, что основание Никополя на побережье южного Эпира к концу I в. до н. э., помимо желания увековечить память об исторической победе при Акции, было направлено на реконструкцию и возрождение области путем создания нового городского центра, который служил бы целям экономического и стратегического характера [2, р. 163]. Во внутренних районах Янины было найдено несколько артефактов римского периода: римские монеты, а также остатки укрепления, которое могло выступать римским форпостом, в районе Метсова. Римские монеты также обнаружили в местечке Пердике [2, р. 167]. Кроме того, в Кастани откопали надгробный камень, датируемый II–I вв. до н. э., а в районе Василико – некую римскую могилу.

Большой интерес представляют результаты раскопок, проведенных в 1994 г. на холме Кастрица, у южного побережья озера Янина, где сохранились остатки другого укрепленного молосского города, вероятно Текмона. Следует отметить, что на северной и южной частях древнего укрепления обнаружены следы ремонта, которые датируются годами римского правления, т. е. непосредственно после 167 г. до н. э. [2, р. 166]. Все это неопровержимо доказывает римское присутствие в Эпире в I в. до н. э. В частности, регион оказался привлекательным местом вложения средств для богатых собственников. Одним из таких богачей был всадник Тит Помпоний Аттик, имевший в Эпире обширное хозяйство.

В историографии проблема эфирского землевладения Аттика не анализировалась подробно и систематически. Так, немецкий историк В. Друманн и американская исследовательница Э. Бирн ограничиваются перечислением земельных владений Аттика в Эпире [3, S. 65; 4, p. 3–4]. Наиболее же обстоятельный очерк об эфирском землевладении Аттика содержится у И. М. Гревса, работа которого представляет собой первую попытку проанализировать всю экономическую деятельность Аттика [5, с. 338–352]. В дальнейшем эфирское землевладение изучалось в американской историографии с позиций возможности осуществления Аттиком поставок в римскую армию и пригодности Эпира для подобных целей [6, 7]. Этот же вопрос поднимался немецким историком О. Перлвитцом, исследовавшим хозяйство Аттика с опорой на топографию Эпира [8, S. 66–78].

Согласно Непоту, Аттик родился и вырос в Риме, однако покинул его в достаточно юном возрасте, отправившись в Грецию: причинами переселения Аттика были, с одной стороны, политический кризис и борьба сулланцев и марианцев в Риме, а с другой – его любовь ко всему греческому, заставившая поселиться именно в Афинах (Nep. Att. 2, 1–2). Непот указывает, что Аттик был связан узами родства с народным трибуном Сульпицием, предложившим ряд антисулланских законов (Liv. Per. 77) и погибшим от рук Суллы (Nep. Att. 2, 1–2). Избегая политической нестабильности, Аттик переселился в Афины для продолжения своего образования. Однако это повествование историка достаточно слабо увязывается с хронологическими рамками: Сульпиций был убит после первого взятия Рима Суллой в 88 г. до н. э., Цинна выступил против будущего диктатора в 87 г. до н. э., когда тот отправился на войну с Митридатом. Между тем Афины еще в течение года находились под властью понтийского царя и взяты римлянами лишь в 86 г. до н. э. Иначе говоря, переселиться в Грецию Аттик мог не ранее 86 г. до н. э., хотя причины, указываемые Непотом, должны были заставить его это сделать задолго до этого времени [3, S. 12; 4, p. 1]. Вероятно, Аттик первоначально отправился в Эпир, в котором находились его обширные земельные владения. Хотя сведения о них восходят к более поздним сообщениям Цицерона и Непота, предположим, что либо он сразу обзавелся какой-то землей в стране, либо она могла достаться ему по наследству от отца. Как отмечает Э. Маршалл, данный вариант кажется наиболее вероятным в силу родственных связей Помпониюв и Анициев (Аниция, двоюродная сестра Аттика, была женой брата Сульпиция (Nep. Att. 2, 1)), занимавшихся устройством Эпира после 3-й Македонской войны [7, p. 60].

Первые сведения о собственности Аттика в Эпире относятся к письму Цицерона в 68 г. до н. э., в котором упоминается покупка (emptio) Аттиком земли (Cic. Att. I. 5, 7). Часто эфирские владения Аттика в письмах затрагиваются мимоходом, без существенных подробностей (Cic. Att. III. 1, 6; 7, 1; 15, 7; 19, 1). Тем не менее нам известно о собственности Аттика в Бутроте, небольшом городе-порте напротив острова Керкира: здесь он имел дом, покупка которого относится к 59 г. (Cic. Att. II. 6, 2; IV. 8, 1; 16, 1), и владел многочисленными плодородными имениями в этом районе, а также к северу, в Хаонии, и к югу, в Феспротии, – все эти владения Цицерон однажды называет провинцией (provincia) Аттика (Cic. Att. VI. 3, 2). В трактате «О законах» Цицерона упоминается поместье Аттика у реки Фиамис (Cic. De legib. II. 7). Исходя из некоторых данных в переписке, стоит предполагать наличие у Аттика прибрежных вилл на Керкире и Сиботских островах (Cic. Att. V. 9, 1; XIII. 24, 1) [3, S. 66; 9, Sp. 516]. Керкира к тому времени не была особо привлекательна с точки зрения сельского хозяйства и использовалась вместе с Сиботами как перевалочный пункт для путешественников [10, p. 64–65].

Корнелий Непот сообщает, что весь денежный доход Аттика (resuniae reditus) поступал от римских и эфирских владений (Nep. Att. 14, 3). В обширности поместий Аттика действительно не приходится сомневаться, на что указывают и его финансовые возможности: в наследство от отца он получил 2 млн сестерциев, увеличив эту сумму в 5 раз (Nep. Att. 14, 2). Цицерону во время изгнания в 58 г. до н. э. он подарил 250 тыс. сестерциев (Nep. Att. 4, 4), а М. Бругу позднее – 400 тыс. (Nep. Att. 8, 6). По наследству от дяди он получил, помимо финансовых дел и недвижимости, 10 млн сестерциев (Nep. Att. 5, 2). Кроме того, Аттик был тесно связан с компаниями публиканов. Его финансовые дела в Азии и пребывание там освещены в переписке с Цицероном (Cic. Att. I. 16, 14; IV. 16, 9; IV. 15, 2), а также затрагиваются в период его киликийского проконсульства, во время которого Аттик пользовался услугами своего друга (Cic. Att.

V. 21, 10; VI. 1, 4; VI. 1, 15; 16). Это не оставляет сомнений, что значительный денежный доход Аттик получал от откупа на Востоке, как минимум в провинции Азия.

Каковы были характер и специализация эфирского землевладения Аттика? В трактате Марка Теренция Варрона «О сельском хозяйстве», во второй книге, посвященной скотоводству, Аттик выступает одним из участников диалога. В ней Тит Помпоний выводится в качестве большого знатока овцеводства, овечьи стада которого превышали сотни голов (Var. De re rust. II. 2, 20; 10, 11). Согласно Варрону, Аттик владел и обширными стадами крупного рогатого скота, по 120 голов на стадо (Var. De re rust. II. 5, 12; 5, 18), а также занимался коневодством (Var. De re rust. II. 7, 1). Выбор скотоводства для приумножения капитала в Эфире, безусловно, не случаен: все тот же Варрон, например, указывает, что эфирский скот не только лучший во всей Греции, но и превосходит италийский (Var. De re rust. II. 5, 10; ср.: Caes. Bel. Civ. III. 47; Verg. Georg. I. 59). Эфир в то время славился своим скотоводческим хозяйством, тогда как земледельческое производство ему уступало и фактически сохранялось для нужд внутреннего потребления: так, Цезарь после сражения при Диррахии (48 г.) послал своих легатов за зерном (frumentum) в Эфир, однако в дальнейшем особо упоминает только мелкий рогатый скот, возможно, доставленный от самого Аттика (Caes. Bel. Civ. III. 42, 47) [8, S. 75]. Зерна же имелось в столь ограниченном количестве, что проблему снабжения удалось решить только после вступления полководца в плодородную Фессалию (Caes. Bel. Civ. III. 80; Plut. Caes. 41) [11, p. 431–432]. Кроме того, необходимо учесть и фактор рентабельности: именно в скотоводстве наиболее активно развивались рабовладельческие отношения и росли прибыли в связи с огромным ростом спроса на качественную шерсть [12, с. 84–88], которую Аттик мог реализовывать через удобные торговые гавани Эфира. Нельзя не отметить, что в своем трактате Варрон обращается непосредственно к эфирским землевладельцам, специализирующимся на скотоводстве, – Аттику, а также Скрофе, Вакцию и др. (Var. De re rust. II. Praef. 6) [6, p. 60–61].

Таким образом, в эфирском хозяйстве Аттика занимались в основном скотоводством. Сама же область, на которой раскинулись его обширные владения, обладала не только экономическим, но и стратегическим значением. Бутрот служил важнейшей узловой точкой торговых путей и поставок. Дионисий Галикарнасский называл этот город морским портом Эфира (Dion. Gal. I. 51, 1). Цезарь использовал его во время войны с Помпеем как пункт снабжения его армии (Caes. Bel. Civ. III. 16) и в целом обращался к эфирским землям за провизией. Относительно недавно американские исследователи Н. Хорсфолл и Э. Маршалл выдвинули интересное предположение о возможности осуществления поставок Аттиком в войска Суллы во время кампании против Митридата в Греции, ведь армейским обеспечением богатые всадники занимались часто [6, p. 61–62; 7]. Данная точка зрения, на наш взгляд, вполне могла отразить его заинтересованность в отвоевании провинции Азия и восстановлении на ней римских порядков, при которых публиканы играли ведущую экономическую роль. Стоит отметить также, что во время гражданских войн и проскрипций (44–42 гг.) Аттик, вероятно, занимался снабжением республиканцев в Греции (Nep. Att. 8, 6, 11, 1–2).

Понимая значение данного региона, многие правители Рима стремились конфисковать земли бутротской общины, которыми владел Аттик, для распределения их между ветеранами. В 46 г. до н. э. вышло постановление сената о конфискации земель Бутрота и предоставлении их воинам Цезаря. Цицерон ходатайствовал за Аттика, выступавшего от имени муниципия, перед диктатором – и земли в итоге остались в формальном владении города (Cic. Att. XII. 6, 4). После убийства Цезаря постановление о прекращении конфискации земель бутротцев в пользу ветеранов было отменено. Комиссией по распределению земель руководил Л. Антоний, и благодаря совместному давлению на него друзей Аттика в сенате, крупных цезарианцев претора Л. Планка и консула Долабеллы (зять Цицерона), взявших город под свою защиту, вопрос был решен в пользу Аттика (Cic. Att. XV. 15, 1; XV. 14, 3; XVI. 16, 1; XVI. 3, 1) [7, p. 62–64]. Лишь после его смерти Августом была организована ветеранская колония в Бутроте (Strab. VII. 7, 5) [13, p. 6–7].

О конкретных особенностях хозяйства Аттика сведения достаточно скудны. Коссиний в диалоге с Варроном отмечает, что его с Аттиком овечьи стада не превышают тысячи голов – ок. 700–800 (Var. De re rust. II. 10, 11). В другом месте Вакций говорит о средних размерах ста-

да крупного рогатого скота у Аттика в 120 голов, при этом не сообщая общей численности (Var. De re rust. II. 5, 18). Тем не менее, учитывая, что у Аттика на 70 коров приходилось два быка (Var. De re rust. II. 5, 12), стоит также предполагать, что по общему числу голов крупного рогатого скота стадо приближалось к размерам мелкого. Известно, что Атик занимался коневодством, о масштабах которого судить трудно: Варрон лишь сообщает, что у Аттика один жеребец приходился на десять кобылиц (Var. De re rust. II. 7, 1), тогда как табун кобылиц составляет 50 голов (Var. De re rust. II. 10, 11), т. е. как минимум один табун лошадей у него, вероятно, имелся. Использовать же их Атик мог исходя из нужд времени: в виде поставок в армию, для участия в играх, либо же применять в сельском хозяйстве и в качестве извоза (Var. De re rust. II. 7, 15). Кроме того, для охраны скота Атик использовал собак (Var. De re rust. II. 9). Учитывая географию Эпира, можно с уверенностью предположить, что Атик пользовался равниной Кестрин в Хаонии к юго-востоку от Бутрота до Фиамиса площадью около 15 тыс. га, поскольку часто в переписке земля фигурирует как «бутротская» [9, Sp. 507; 10, p. 71]. Безусловно, это лишь малая толика его владений, поскольку Цицероном отдельно упоминается Хаония как особая область его интересов, расположенная севернее Бутрота, а также Феспротия, к югу от Фиамиса (Cic. Att. VI. 3, 2; Thuc. I. 49, 4).

В скотоводческом хозяйстве Аттика активно использовался рабовладельческий труд. Применение труда невольников в скотоводстве было выгоднее, нежели привлечение наемников [12, с. 86–88]. У Варрона неоднократно упоминаются рабы-пастухи, которых участники диалога, включая Аттика, ставят во главе стад: при сотне голов стриженных овец – один пастух, при сотне «одетых» – два (Var. De re rust. 2, 20); при табуне кобылиц в 50 голов – два раба (Var. De re rust. 7, 1), вероятно, схожее число имелось и при стадах крупного рогатого скота. Таким образом, в организованном скотоводческом хозяйстве Аттика, по самым скромным подсчетам, насчитывалось несколько десятков рабов-пастухов: такое небольшое количество при огромных стадах объясняется их самостоятельностью, лучшей организованностью и объективной заинтересованностью в своем труде. Атик как рациональный рабовладелец, очевидно, предоставлял пастухам какую-то часть голов скота в качестве пекулия. Поскольку речь идет о рыночной организации скотоводства в больших масштабах, стоит учесть и сельских рабов, занимавшихся уходом за скотом и производством шерсти и мясомолочных продуктов. Кажется вполне вероятным, что Атик владел и какими-то земельными виллами с размещавшимися на них рабами в плодородных районах Феспротии и Хаонии (Strab. VII. 7, 5). Во всяком случае размещение одной из усадеб Аттика у реки Фиамис может намекать на организацию Атиком земельных хозяйств с целью удобного орошения полей: Атик мог и поставлять на местный рынок продукты хлебопашества, и, например, выращивать фруктовые деревья – в отношении Эпира Плиний упоминает особый сорт яблок (Plin. Nat. Hist. XV. 51) [5, с. 344–345]. Учитывая большое количество имений Аттика, число рабов, занятых в сельском хозяйстве, доходит как минимум до сотни. Несмотря на рабовладение, в его хозяйстве мог существовать свободный труд и колонатные (клиентские) отношения, но в ограниченном количестве, тем более что это было характерно уже во времена Катона [12, с. 67–75]. Тем не менее стоит согласиться с И. М. Гревсом в том, что из числа бутротцев Атик как влиятельнейший землевладелец и патрон города вполне мог вооружить целую армию клиентов, готовых пойти за своим господином [5, с. 364–367].

Говоря об организации хозяйства Аттика, Цицерон замечает, что оно хорошо управляется его подчиненными рабами: «Уедешь, когда захочешь, если случайно уже не уехал. Поставишь во главе Феспротии и Хаонии кого найдешь нужным» (пер. В. О. Горенштейна) (Cic. Att. VI. 3, 2). В переписке с Цицероном упоминаются и конкретные рабы Аттика. Из управляющих поместьями Аттика отмечается Алексий, писавший часто и письма за Аттика и принимавший Цицерона в отсутствие хозяина (Cic. Att. VII. 2, 3. XIII. 25, 3), а также Арай, доставивший из эпирских владений Аттика какие-то подарки (muneris) Цицерону (Cic. Att. V. 9, 1). В остальных письмах фигурируют переписчики (Атик имел обширную библиотеку и сам писал научные трактаты), слуги, агенты, некоторые из которых были вольноотпущенниками [3, S. 69–70].

Данные Цицерона вполне согласуются с картиной рабской фамилии Аттика, нарисованной Непотом. Он указывает, что челядь (familia) Аттика была во всех отношениях превосходной:

его рабы прекрасно обучены, а многие вполне образованны, умели читать и писать. При этом они не покупались Аттиком, а были рождены и воспитаны в его поместьях (Nep. Att. 13, 3–4). Вероятно, основным источником в хозяйстве Аттика действительно считалось воспроизводство рабского населения, а не покупка, поскольку это выходило гораздо дешевле [12, с. 55], да и в скотоводческом хозяйстве для этого создавались наилучшие условия: согласно Варрону, при пастухе должна быть супруга (Var. De re rust. I. 17, 5; II. 10, 6–9). Наличие семьи и пекулия выступало объективным условием стимулирования рабского труда. Тем не менее, учитывая финансовые возможности Аттика, стоит предполагать, что какие-то рабы-производители могли им покупаться. Известно, что для представлений Аттик держал личный отряд рабов-гладиаторов (Cic. Att. IV. 4, 2).

Исходя из всего вышесказанного, мы можем с уверенностью отнести обширные пастбищные владения Аттика к хозяйствам латифундистского типа: на это указывает скотоводческий характер, обширность земельных владений, применение рабского труда и значительный управленческий аппарат, что было характерно для рабовладельческих латифундий конца Республики [14, с. 193–200]. Учитывая судебные разбирательства вокруг земли Бутрота, предположим, что землю муниципия Аттик брал в аренду (*ager Buthrotiorum*), тогда как остальные земли, вероятно, относились к *ager publicus*, и Аттик на них выступал формальным посессором. Фактически же эти земли находились в его полной собственности [5, с. 350].

Итак, в Эпире Аттик обладал обширными земельными угодьями. Часть из них досталась Аттику по наследству, часть приобретена в последующие годы. С точки зрения организации хозяйства эти земли по большей части представляли собой хорошо управляемые рабовладельческие латифундии, ориентированные на пастбищное скотоводство, что не исключало, вероятно, наличие у него хозяйств земледельческого типа. Продукты скотоводства Аттик реализовывал как на местном, так и на средиземноморском рынке, а также, что вполне возможно, принимал участие в снабжении римских армий. Рабская фамилия Аттика включала в себя большое количество сельских рабов, а также внушительную администрацию, управляющих, рабов-переписчиков и агентов. Безусловно, Тита Помпония Аттика необходимо считать одним из крупнейших эфирских собственников-землевладельцев и хозяйственников эпохи поздней Республики.

Список источников

1. *Dakaris S.* Dodona. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1996. 48 p.
2. *Karatzeni V.* Epirus in Roman Era // Foundation and Destruction, Nikopolis and the Northwestern Greece: The Archaeological Evidence for the City Destructions, the Foundation of Nikopolis and the Synoecism. Ed. J. Isager. Athens: Danish Institute, 2001. P. 163–179.
3. *Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Hrsg. V. P. Groebe. Leipzig: Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1919. Vol. 3. 708 S.
4. *Byrne A. H.* Titus Pomponius Atticus. Chapters of a biography. Pennsylvania: Bryn Mawr, 1920. 103 p.
5. *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. 651 с.
6. *Horsfall N.* Atticus Brings Home the Bacon // Liverpool Classical Monthly. 1989. Vol. 14, № 14. P. 60–62.
7. *Marshall A.* Atticus and the Eastern Sojourn // Latomus. 1999. Т. 58, fasc. 1. P. 56–68.
8. *Perlwitz O.* Titus Pomponius Atticus. Untersuchungen zur Person eines einflussreichen Ritters in der ausgehenden Römischen Republik. Stuttgart: Steiner, 1992. 151 S.
9. *Feger R.* Titus Pomponius Atticus // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1956. Sp. 503–526.
10. *Hatzfeld J.* Les Trafiquants Italiens dans l'Orient Hellénique. New York: Arno Press, 1975. 413 p.
11. *Larsen J.* Roman Greece // An Economic Survey of Ancient Rome. Ed. T. Frank. Baltimore: The John Hopkins Press, 1938. Vol. 3. P. 259–498.
12. *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М.: Наука, 1964. 262 с.
13. *Hodges R., Hansen I.* Introduction // Roman Butrint. An Assessment. Oxford: Oxbow Books, 2008. P. 1–16.
14. *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье. М.: МГУ, 1973. 255 с.

References

1. Dakaris S. *Dodona*. Athens: Archaeological Receptis Fund; 1996. 48 p.
2. Karatzeni V. Epirus in Roman Era. *Foundation and Destruction, Nikopolis and the Northwestern Greece: The Archaeological Evidence for the City Destructions, the Foundation of Nikopolis and the Synoecism*. J. Isager (ed.). Athens: Danish Institute; 2001:163-179.
3. Drumann W. *History of Rome in its transition from the republican to the monarchical version*. V. P. Groebe (ed.). Leipzig: Verlag von Gebrüder Borntraeger; 1919. Vol. 3. 708 p. (In German).
4. Byrne A.H. *Titus Pomponius Atticus. Chapters of a biography*. Pennsylvania: Bryn Mawr; 1920. 103 p.
5. Grevs I.M. *Essays on the history of Roman landownership (mainly during the empire)*. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich; 1899. Vol. 1. 651 p. (In Russ.).
6. Horsfall N. Atticus Brings Home the Bacon. *Liverpool Classical Monthly*. 1989;14(14):60-62.
7. Marshall A. Atticus and the Eastern Sojourn. *Latomus*. 1999;58(1):56-68.
8. Perlwitz O. *Titus Pomponius Atticus. Investigations into the person of an influential knight in the outgoing Roman Republic*. Stuttgart: Steiner; 1992. 151 p. (In German).
9. Feger R. Titus Pomponius Atticus. *The Real Encyclopedia of Classical Ancient Science by Pauli*. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag; 1956:503-526. (In German).
10. Hatzfeld J. *Les Trafiquants Italiens dans l'Orient Hellénique*. New York: Arno Press; 1975. 413 p.
11. Larsen J. Roman Greece. *An Economic Survey of Ancient Rome*. T. Frank (ed.). Baltimore: The John Hopkins Press; 1938;3:259-498.
12. Shtaerman E.M. *The rise of slave-owning relations in the Roman Republic*. Moscow: Science; 1964. 262 p. (In Russ.).
13. Hodges R., Hansen I. Introduction. *Roman Butrint. An Assessment*. Oxford: Oxbow Books; 2008:1-16.
14. Kuzishchin V.I. *Roman slave-owning estate*. Moscow: Moscow State University; 1973. 255 p. (In Russ.).

Информация об авторах

- И. В. Снежко – магистрант кафедры археологии и истории Древнего мира ЮФУ.*
С. С. Казаров – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира ЮФУ.

Information about the authors

- I.V. Sniezko – Master Student of the Department of Archaeology and Ancient History, SFedU.*
S.S. Kazarov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, SFedU.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 06.06.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW RELATIONS IN RUSSIA

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-92-99>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ольга Геннадьевна Казанцева¹, Ирина Анатольевна Семенцова^{2✉},
Ольга Васильевна Толопченко³

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1, 2} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

^{2, 3} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

¹ kazantseva10@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru ✉

³ tolopchenko.olga@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования выступает ретроспектива развития уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Цель статьи – изучить особенности уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в нашей стране и некоторых зарубежных странах. В ходе исследования использован диалектический метод научного познания, а также ряд научно-научных методов: исторический, логический, нормативно-правовой и др. Проведён исторический анализ ответственности за подобные деяния в нашей стране, в результате чего выявлено, что названные преступления не были выделены в отдельную группу, а рассматривались в общей массе. Относительно европейских стран отмечено, что только к началу XX в. пришло осознание необходимости защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних. Выполнен анализ уголовного законодательства зарубежных стран по обозначенной тематике, позволивший авторам сделать вывод об установлении в большинстве из них повышенной ответственности за общественно опасные деяния анализируемой категории.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, история, зарубежные страны, уголовное законодательство, законные представители

Для цитирования: Казанцева О.Г., Семенцова И.А., Толопченко О.В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: исторический и сравнительно-правовой анализ // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 92–99. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-92-99>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS: HISTORICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Olga G. Kazantseva¹, Irina A. Sementsova^{2✉}, Olga V. Tolopchenko³

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

^{2,3} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

¹ kazantseva10@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

³ tolopchenko.olga@yandex.ru

Abstract. The object of the study is criminal law relations arising in connection with the commission of crimes against the sexual inviolability and sexual freedom of minors. The purpose of the article is to investigate and clarify the specifics of the development of criminal liability for crimes against the sexual inviolability and sexual freedom of minors in our country and some foreign countries. In the course of the research, the dialectical method of scientific cognition was used, as well as a number of private scientific methods: historical, logical, regulatory, etc. A historical analysis of responsibility for such acts in our country was carried out, as a result of which it was revealed that such crimes were not isolated into a separate group of crimes, but were considered in the total mass of criminal acts. Regarding European countries, it was noted that it was only by the beginning of the 20th century that awareness of the need to protect the sexual inviolability of minors came. The analysis of the criminal legislation of foreign countries on the indicated topics was carried out, which allowed the authors to conclude that in most of them increased responsibility for socially dangerous acts of the analyzed category was established.

Keywords: sexual inviolability, minors, history, foreign countries, criminal law, legal representatives

For citation: Kazantseva O.G., Sementsova I.A., Tolopchenko O.V. Crimes Against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of Minors: Historical and Comparative Legal Analysis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):92-99. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-92-99>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Защита прав несовершеннолетних на протяжении всего периода существования привлекала внимание деятелей науки, политики, историков, социологов, психологов и представителей других направлений деятельности. Так, согласно ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации [1], материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Особое внимание с учетом этого приобретает проблема преступлений против половой неприкосновенности.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что развратные и насильственные действия сексуального характера и т. д. оказывают влияние на мировоззрение и психику несовершеннолетних детей. Безусловно, вышеупомянутые преступления являются тяжкими, что и вызывает особую тревогу у общества.

Преступления против неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних приносят физический вред и вред чести и достоинства, а также моральный, выступающий причиной психических расстройств у детей, распада семьи, искажения нравственного воспитания и др.

Результаты исследования

Обратимся к ретроспективе: в течение всего периода развития человечества в обособленных общностях и даже обществах имели место различные представления о том, допустимы ли половые отношения между лицами отличающихся возрастов, особенно в контексте вероятности вступления в сексуальные отношения между взрослыми людьми и детьми.

Уголовное законодательство в интересующей нас части развивалось в нашей стране и других государствах последовательно, при этом достаточно длительно.

Наиболее ранние упоминания общественно опасных деяний, сегодня относимых к половым, приходится на период существования Киевской Руси. Но об этом времени стоит говорить аккуратно, потому как в его рамках соответствующие преступления не преследовались: ответственность за осуждение и наказание в данном контексте была возложена на церковные структуры, руководствовавшиеся скорее нравственными и моральными представлениями.

Интересно и то, что различные упоминания интересующей нас категории обнаруживаются в Русской Правде, Уставе Ярослава Владимировича и других значимых документах. При этом важно понимать, что каждый источник в контексте настоящего исследования поддается объединению в одну группу, что детерминировано рядом пусть и условно, но все-таки общих моментов.

Подчеркнем, что в древнерусском праве исследуемые нами преступления не рассматривались в качестве обособленного типа посягательств. Они оценивались как часть общей совокупности преступлений, скажем, наряду с оскорблением или порчей имущества. Во множестве случаев вопросами наказания занимались церковные структуры. Последние, помимо прочего, являлись и условными судебными органами, но важнее другое: право на защиту от посягательств на половую свободу и неприкосновенность имели только представители высших сословий. Прочие категории граждан не считались входящими в область интересов субъектов нормотворчества того времени [2, с. 8].

Выделение и обособленное рассмотрение преступлений, направленных против половой свободы и неприкосновенности, как и их самостоятельная категоризация, могут быть обнаружены в Артикуле воинском 1715 г. [3]. Особенность данного исторического источника права сводится к более выраженной систематизации, основанной на критериях «вид» и «тяжесть наказания».

Важно понимать и тот факт, что из-за раннего взросления детей в Средние века соответствующая категория лиц не рассматривалась как нуждающаяся в специальной правовой защите. Такое отношение к несовершеннолетним привело к тому, что в Европе об их особой охране серьезно заговорили лишь к началу XX в. Справедливости ради стоит отметить, что определенная защита имела место в контексте установления запретов на половые связи между опекунами и опекаемыми, родителями и детьми. Вместе с тем находилась под запретом практика похищения девушек для последующей противоправной выдачи замуж.

В 30-е гг. XIX в. был разработан Свод законов Российской империи [4]. Его особенность сводится к систематизации всех имеющихся правовых источников. Вместе с тем обозначенный документ стал официальным собранием действовавших актов, в той или иной мере касающихся законодательной деятельности страны, а также прообразом некоторых современных кодифицированных нормативных актов.

Отметим следующий важный этап развития отечественного законодательства в сфере противодействия половым преступлениям: принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5]. Документ закрепил общеевропейский вектор развития в соответствующем контексте, при этом многие преступления были систематизированы более подробно. Так, скажем, посягательства на половую неприкосновенность и свободу вынесены в обособленную статью. Также введен термин «изнасилование», который использовался для обозначения соития с женщинами без согласия и посредством насилия.

Примерно в это же время появилась новая категория – насильственные действия по отношению к несовершеннолетним лицам, зависящим от опекуна, попечителя или иного субъекта. При назначении наказания за соответствующие деяния учитывались сопутствующие обстоятельства, возраст потерпевшей стороны, тяжесть ущерба и т. д.

Стоит подчеркнуть нюанс: логика законодателя XIX в. позволяет утверждать, что один из базовых квалифицирующих признаков изнасилования – отсутствие права обвиняемого требовать удовлетворения собственных потребностей сексуального характера. Вывод следующий: считалось, что изнасилование не является возможным при условии наличия официального брака между потерпевшей стороной и преступником.

В начале XX в. было принято Уголовное уложение 1903 г. [6]. Этот акт расширял перечень противозаконных деяний, вместе с тем составители предусмотрели различные виды половых преступлений с указанием на обособленные квалифицирующие признаки.

Среди подобных типов общественно опасных деяний выделены любострастные акты, любодеяние, мужеложство и кровосмешение. Первая пара была признана как вероятная в насильственном сценарии и нет, что рассматривалось с оглядкой на характер конкретного события.

Интересны положения Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [7]: документ существенно расширил трактовку изнасилования. Последнее было рассмотрено как акт сексуального характера, приведший к увечьям либо сопряженный с применением угроз, обмана и подобных методов воздействия. Квалифицирующие признаки были определены как дальнейшее самоубийство потерпевшей стороны, отсутствие половой зрелости, наличие нескольких преступников и т. д. Такой подход заметно расширил возможности в части установления и применения новых мер ответственности.

Следующий значимый этап в данном контексте – принятие Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. [8]. Именно этим актом была усовершенствована практика дифференциации и усилена ответственность по поводу преступлений против половой свободы и неприкосновенности. Вместе с тем заметно расширился перечень квалифицирующих признаков. Отметим, что конструирование Уголовного кодекса России 1996 г. было реализовано с оглядкой на положения советских источников права: составителями выделены интересующие нас категории и вынесены в обособленную главу. Можно утверждать, что этот кодекс впитал в себя позитивный опыт Советского Союза, при этом была предусмотрена углубленная классификация составов.

Выполненный анализ показывает, что на отличающихся этапах развития страны восприятие преступлений против половой свободы и неприкосновенности было разным.

Законодательство в интересующей нас сфере развивалось в России в течение веков. Отправной точкой здесь выступает период существования Киевской Руси. При этом сама система половых общественно опасных деяний формировалась достаточно долго, что характерно и для соответствующих мер ответственности. Особо стоит отметить тот факт, что в настоящее время благодаря колоссальному накопленному опыту законодательство в сфере половых преступлений является достаточно проработанным. Можно говорить о наличии полноценного и самостоятельного института, хотя и с оглядкой: условному совершенству нет предела, поэтому и поиск дальнейших способов развития соответствующей отрасли права непрерывен.

Необходимо для полной картины понимания важности исследуемого института провести сравнительный правовой анализ и зарубежного законодательства.

«В законодательстве ФРГ раздел 13 “Преступные деяния против полового самоопределения” начинается ст. 174 “Сексуальные действия в отношении опекаемых”, далее следует еще ряд норм, предусматривающих ответственность за совершение сексуальных действий с лицом, находящимся в зависимом от виновного положении, затем изнасилование, содействие занятию проституцией, торговля людьми, распространение порнографических изданий и прочее. Вместе с тем в указанном законодательстве имеется квалифицирующий признак – совершение деяний, направленных на половую свободу, родными в результате усыновления или через отношения свойства» [9, с. 135].

Уголовное уложение Германии [10] включает в себя примечательный раздел 13, посвященный преступлениям против полового самоопределения. Квалифицирующие признаки в данном контексте в версии немецких коллег представлены различными вариациями зависимого положения потерпевшей стороны от преступника. Так, скажем, в ст. 174 субъекты нормотворчества последовательно рассматривают различные и обособленные варианты применения зависимого положения: отношения между опекаемыми и опекунами, насильственные действия против заключенных или пациентов, применение служебного положения и т. д. Особо отметим наличие

указания на заведомую беспомощность и душевные отклонения. Перечень признаков, применяемых для квалификации подобных общественно опасных деяний, включает в себя, помимо прочего, такую формулировку: воздействие на несовершеннолетнее лицо посредством демонстрации порнографии или ведения тематических бесед с упором на половые связи.

Интересно, что немецкие законодатели стремятся в первую очередь к углубленной дифференциации ответственности за общественно опасные деяния интересующей нас категории, применяют различные конструкции для категоризации потерпевших и преступников. Имеются четкие юридические критерии, значимые с точки зрения уточнения важной детали – степени виновности.

Применение широкого подхода к квалификации в данном контексте отмечается на Мальте [11]. Соответствующая отрасль местного законодательства качественно преобразилась в 2017 г., когда были определены факторы, детерминирующие преступления полового характера. В это время мальтийские законодатели начали обособленно рассматривать преступления сексуального характера, выражающиеся не в прямых актах насилия, а в попытках ограничить свободу конкретного лица, чтобы в дальнейшем заключить с ним брак или совершать акты соития.

В ст. 204 Уголовного кодекса Мальты в качестве уголовно наказуемых рассмотрены общественно опасные деяния интересующей нас категории с принуждением, если потерпевший – лицо, не достигшее совершеннолетия. При этом представлены сведения о соответствующих актах, которые сопровождаются, помимо прочего, демонстрацией половых органов, в том числе посредством инструментов, основанных на информационных технологиях.

Так, для Мальты характерна общеевропейская тенденция к расширению запретов по отношению к противозаконным действиям, в том числе в интересующем нас направлении и с применением различных способов воздействия на психику конкретного потерпевшего.

Наиболее узкий подход в данном контексте характерен для Монголии. В гл. 17 местного Уголовного кодекса [12] есть ст. 122, посвященная преступлениям против лиц, не достигших совершеннолетия, а также общественно опасным деяниям, посягающим на семейные ценности и мораль. Отмечено, что подвергается наказанию всякий гражданин страны, допустивший соитие с лицом в возрасте до 16 лет.

Аналогичная норма срабатывает по отношению к различным видам обращения с порнографией, при этом ее вид не играет роли. Детерминирующие критерии представлены привлечением к соответствующей деятельности лиц в возрасте до 16 лет. Особо квалифицирующий признак – принуждение несовершеннолетнего лица к участию в подобных актах (обращение с порнографическими материалами, их создание). В один ряд с этим признаком поставлены акты совершения преступлений группой и наличие судимости за похожие общественно опасные деяния.

И монгольское законодательство в интересующей нас части строится вокруг предположения, согласно которому факторы, детерминирующие анализируемую категорию, представлены таким рядом: стремление преступника удовлетворить сексуальные потребности; применение насилия; использование положения жертвы, находящейся в статусе беспомощного субъекта.

Похожий подход можно обнаружить в Уголовном кодексе Узбекистана [13]. В ст. 118 документа отмечено, что изнасилование – это соитие, основанное на применении насилия, угроз и подобных методов, а также базирующееся на беспомощности потерпевшей стороны.

В ст. 119 Уголовного кодекса Узбекистана отмечен частный случай в виде насильственного удовлетворения половой потребности в противоестественной форме. Здесь такие важные критерии: применение насилия, использование угроз или запугивания, беспомощность жертвы и т. д. Ранее уже было отмечено, что судимость – квалифицирующий признак в рамках ст. 118, в то же время в случае со ст. 119 срабатывает аналогичное правило.

Одна из особенностей Уголовного кодекса Узбекистана – наличие ст. 120. Ею установлено, что мужеложство требует наказания, при этом без рассмотрения вероятности использования запугивания или угроз. В данном контексте не в полной мере понятна логика местных законодателей. Речь идет о том, что имеет место вероятность ошибочной квалификации недобровольных актов соития в качестве общественно опасных деяний, не относящихся к интересующей нас категории. Вместе с тем, по логике законодателей Узбекистана, вполне добровольный половой контакт может быть рассмотрен исключительно в качестве преступления, направленного

против половой свободы и неприкосновенности. Это вызывает некоторые вопросы, но их рассмотрение и поиск ответов – тема отдельной исследовательской работы [14, с. 111].

Примечателен Уголовный кодекс Швейцарии [15, с. 133]. В документе есть раздел 5, посвященный общественно опасным деяниям, посягающим на половую свободу и неприкосновенность, при этом составителями выделены самостоятельные совокупности нарушений закона: действия, провоцирующие риски и угрозы развитию лица, не достигшего совершеннолетия, посягательство на сексуальную свободу, применение половых действий по отношению к гражданам. Обособленно рассмотрены противозаконные действия, связанные с обращением с порнографическими материалами, а также преступления, провоцирующие нарушение половой неприкосновенности. Налицо условное, но все-таки новаторство: швейцарские законодатели выделяют категорию «угрозы развитию несовершеннолетнего». Это говорит о принципиально новом подходе к систематизации интересующих нас преступлений.

Особо отметим наказуемость, предусмотренную по отношению к лицам, фактически не совершающим противозаконные действия, но вовлекающим в них несовершеннолетних. Примечателен и тот факт, что в ст. 187 Уголовного кодекса Швейцарии составители предусмотрели норму, согласно которой наказуемость исключается, если разница в возрасте лиц, участвующих в противозаконном деянии, составляет до трех лет.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что для зарубежных стран характерны практики нормотворчества в заявленной сфере, сопряженные с повышением ответственности за общественно опасные деяния анализируемой категории. Это характерно, помимо прочего, для ситуаций, когда преступником становится родственник, законный представитель, иное подобное лицо. Данный аспект актуален, потому как количество актов вступления в сексуальные отношения между субъектами в соответствующих статусах демонстрирует прирост, что типично и для России. Актуальность налицо и по той причине, что распространяется добровольный инцест – крайне нежелательная социальная проблема.

Защита детей от сексуальной эксплуатации и насилия является одним из приоритетных направлений деятельности государства и международного сообщества. Только совместными усилиями можно создать безопасную среду для детей и обеспечить им безопасность от преступных посягательств на половую неприкосновенность.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.
2. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, сопряженные с насилием : учеб. пособие / В. Н. Чернышов, С. В. Медведева, О. П. Копылова. Тамбов: Изд. центр ТГТУ, 2023. 82 с.
3. Артикул воинский 1715 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=mbc6mmt75j576604010> (дата обращения: 22.04.2025).
4. Свод законов Российской империи. URL: <https://civil.consultant.ru/code/?ysclid=mbc6p40d552585353> (дата обращения: 22.04.2025).
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 898 с.
6. Громов Н.А. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголов. и исправ., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по Продолж. 1906, 1908 и 1909 г. с позднейшими узаконениями, и Уголов. уложение изд. 1909 г., с общ. алф. предм. указ., относящимися к Уголовному уложению разъяснениями Правительствующего сената и Гл. воен. суда. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Н.К. Мартынов, 1911. 1118 с.
7. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) // Собр. узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // Рос. газета. 1996. № 113. 18 июня; № 114. 19 июня; № 115. 20 июня; № 118. 25 июня.
9. Макаров А. В. Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в России и за рубежом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. Т. 21, № 4. С. 125–139. EDN: DGUOGG. <https://dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/124-135>
10. Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich vom 15. Mai 1871. URL: <https://germanenherz.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/12/strafgesetzbuch-fuer-das-deutsche-reich-vom-15.-mai-1871.-historisch-synoptische-edition.-1871-2009.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).
11. Malta: Criminal Code. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1854/en/122697> (дата обращения: 03.05.2025).
12. Уголовный кодекс Монголии / пер. с монгол. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. М. В. Бавсун, А. А. Нечепуренко. Омск: ОМА МВД России, 2020. 143 с.
13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1995 г. URL: <https://lex.uz/docs/111457?ONDATE=01.04.1995%2000> (дата обращения: 03.05.2025).
14. Корнакова С.В. Зарубежный опыт защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 108–115. EDN: PQJXIG. <https://doi.org/10.17223/23088451/23/18>
15. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. Ю. Н. Волкова. СПб.: Пресс, 2002. 348 с.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote at 12th December 1993 with amendments, approved during the all-Russian vote at 1st July 2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2022;(41):6933. (In Russ.).
2. Chernyshov V.N., Medvedeva S.V., Kopylova O.P. *Crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual, associated with violence*. Tambov: Publishing Center of TSTU; 2023. 82 p. (In Russ.).
3. *Military Article of 1715*. Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=mbc6mmt75j576604010> [Accessed 22nd April 2025]. (In Russ.).
4. *Code of Laws of the Russian Empire*. Available from: <https://civil.consultant.ru/code/?ysclid=mbc6p40d552585353> [Accessed 22nd April 2025]. (In Russ.).
5. *Code of Criminal and Correctional Punishments*. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1845. 898 p. (In Russ.).
6. Gromov N.A. *Criminal laws. The Code of Criminal and Correctional Punishments, the Statute on Punishments Imposed by Justices of the Peace, continued in 1906, 1908 and 1909 with later legalizations, and the Corners. the Code of Conduct, ed. 1909*. 2nd ed., revision and suppl. St. Petersburg: N.K. Martynov; 1911. 1118 p. (In Russ.).
7. On the entry into force of the Criminal Code of the RSFSR, as amended in 1926: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee at 22nd November 1926 (as amended at 27th April 1959). *Collection of Laws of the RSFSR*. 1926;(80):600 (In Russ.).
8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ at 13th June 1996 (as amended at 28th December 2024) (as amended and supplemented, entered into force at 8th January 2025). *Russian Newspaper*. 1996;(113). 18th June; 1996;(114). 19th June; 1996;(115). 20th June; 1996;(118). 25th June. (In Russ.).
9. Makarov A. V. Criminal liability for crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors in Russia and abroad. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics and Law*. 2014;21(4):125-139. (In Russ.). EDN: DGUOGG. <https://dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/124-135>
10. *Criminal Code of the German Reich at 15th May 1871*. Available from: <https://germanenherz.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/12/strafgesetzbuch-fuer-das-deutsche-reich-vom-15.-mai-1871.-historisch-synoptische-edition.-1871-2009.pdf> [Accessed 3rd May 2025]. (In German).
11. *Malta: Criminal Code*. Available from: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1854/en/122697> [Accessed 3rd May 2025].
12. Bavsun M. V., Nечepуренко А. А., eds. *The Criminal Code of Mongolia*. Омск: Омск State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020. 143 p. (In Russ.).

13. *Criminal Code of the Republic of Uzbekistan of 1995*. Available from: <https://lex.uz/docs/111457?ONDATE=01.04.1995%2000> [Accessed 3rd May 2025]. (In Russ.).

14. Kornakova S.V. Foreign experience in protecting minors' sexual inviolability. *Criminal Justice*. 2024;(23):108-115. (In Russ.). EDN: PQJXIG. <https://doi.org/10.17223/23088451/23/18>

15. Volkov Yu.N., ed. *Criminal Code of Switzerland*. St. Petersburg: Press; 2002. 348 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О.Г. Казанцева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права ДГТУ; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Филиала МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону.

И.А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии РИ ВГУЮ, доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону

О.В. Толопченко – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук РИ ВГУЮ.

Information about the authors

O.G. Kazantseva – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law, DSTU; Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

I.A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

O.V. Tolopchenko – Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 27.04.2025; accepted for publication 06.06.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-100-106>

РЕТРОСПЕКТИВА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ, В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Евгений Александрович Паламарчук¹, Ирина Анатольевна Семенцова²✉

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

Аннотация. Проанализированы возникновение и развитие в отечественной науке и уголовном законодательстве представлений об ограниченной, или уменьшенной, вменяемости лиц, страдающих от психических расстройств. Рассмотрены основные подходы ведущих российских юристов и представителей психиатрии к различным аспектам данной проблемы. Особый акцент сделан на ст. 22 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации: в ней фактически раскрывается понятие «ограниченная вменяемость», несмотря на отсутствие четкого определения последнего, а также указан медицинский критерий, которым следует руководствоваться в подобных случаях. Отмечена невозможность эффективного решения анализируемой проблемы без выработки унифицированного определения указанного понятия, основанного на синтезе юридических и медицинских критериев вменяемости.

Ключевые слова: ограниченная (уменьшенная) вменяемость, уголовная ответственность, психические расстройства, психиатрия, Уголовный кодекс, критерии, наказание

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Семенцова И.А. Ретроспектива уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, в российском законодательстве // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 100–106. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-100-106>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

RETROSPECTIVE OF CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS WITH A MENTAL DISORDER THAT DOES NOT EXCLUDE SANITY IN RUSSIAN LEGISLATION

Evgeny A. Palamarchuk¹, Irina A. Sementsova²✉

^{1,2} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

Abstract. The article analyzes the emergence and development in domestic science and criminal law of ideas about the limited, or reduced, sanity of persons suffering from mental disorders. The main approaches to various aspects of this problem of prominent Russian and Soviet lawyers, as well as leading representatives of psychiatry, are considered. Particular emphasis is placed on article 22 of the current Criminal Code of the Russian Federation, which actually reveals the concept of “limited sanity,” despite the lack of a clear definition of the latter, and also indicates the medical criterion that should be guided in such cases. It was noted that it was impossible to effectively solve the analyzed problem without developing a unified definition of this concept, which would be based on the synthesis of legal and medical sanity criteria.

Keywords: limited (reduced) sanity, criminal liability, mental disorders, psychiatry, Criminal Code, criteria, punishment

For citation: Palamarchuk E.A., Sementsova I.A. Retrospective of Criminal Liability of Persons with a Mental Disorder that Does Not Exclude Sanity in Russian Legislation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(2):100-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-100-106>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблема уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, анализируемая в данной статье, носит многоаспектный и междисциплинарный характер, на протяжении длительного периода неизменно находясь в центре внимания представителей юридического научного и экспертного сообществ, а также специалистов в сферах психиатрии и психологии. При этом, несмотря на десятилетия соответствующих научных изысканий, она сохраняет высокий дискуссионный потенциал. Все вышесказанное однозначно свидетельствует о чрезвычайной теоретической и практической актуальности продолжения исследований в этой области.

Вопрос об ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, в той или иной степени ставился еще в древности. Однако об уменьшенной (ограниченной) вменяемости впервые упоминают уголовные кодексы германских государств 1840–1845 гг. В них в числе факторов, ее обуславливающих, значатся слабоумие, недостаточное развитие, старческая дряхлость, опьянение, полное отсутствие воспитания, крайне неблагоприятная и развращающая обстановка в детстве. Уголовное законодательство ряда стран (Швеция, Дания, Финляндия) уже в конце XIX в. предусматривало смягчение наказания в результате признания уменьшенной вменяемости обвиняемого. При этом в российском уголовном праве понятия «уменьшенная вменяемость» не существовало, хотя в ст. 146 Уложения о наказаниях 1845 г. в числе обстоятельств, «уменьшающих вину», было предусмотрено совершение преступления лицом в силу легкомыслия, слабоумия, глупости и крайнего невежества, которым воспользовались для вовлечения его в преступление [1, с. 156–157, 306].

В России проблему ограниченной, или уменьшенной, вменяемости ученые начали обсуждать с третьей четверти XIX в. Большое влияние на последующее развитие института ограниченной вменяемости оказали работы известных отечественных представителей классической школы уголовного права Н. С. Таганцева и А. Ф. Кистяковского, отрицательно относившихся к возможности признания уменьшенной вменяемости лиц с психическими отклонениями.

«Мне думается, что внесение в закон особого постановления об уменьшенной вменяемости как обстоятельстве, обязательно влияющем на уменьшение ответственности, наравне с покушением, незначительным пособничеством, отбытием части наказания и т. п., представляется не только излишним ввиду общего права суда признавать заслуживающим снисхождения, но и нежелательным по своей неопределенности и односторонности», – писал Н.С. Таганцев [2, с. 154].

Негативно о возможностях введения понятия «уменьшенная вменяемость» в целях гуманизации уголовного законодательства высказывался и А. Ф. Кистяковский. Однако и в его интерпретации речь шла не о том, что специфики ответственности психически аномальных лиц не существует, а о том, что эту проблему нельзя решать в рамках соотношения вменяемость/невменяемость, так как здесь не может быть некоего среднего состояния [3, с. 85].

Однако не все представители профессионального юридического сообщества занимали столь бескомпромиссную позицию. Так, юрист и адвокат В. Д. Спасович выделял следующие «сту-

пени сознания»: полную вменяемость, полную невменяемость, ослабленную вменяемость. Если лицо совершило преступление, пребывая в последнем состоянии, то это, по его мнению, должно было послужить основанием для смягчения судом наказания [4, с. 213].

Правовед, криминолог, специалист в области юридической психологии С. В. Познышев считал, что преступнику, признанному вменяемым, наказание должно быть назначено в соответствии с тяжестью преступления [5, с. 184]. В то же время, касаясь уголовной ответственности психически аномальных лиц и классифицируя преступников как экзогенных и эндогенных, он призывал обращать внимание на наследственность и «органическую подкладку» психической конституции. В соответствии с этим подходом в каждой подгруппе есть лица, обладающие нормальной нервной системой, невропаты, люди без признаков физической деградации, и дегенераты [6, с. 46].

Тогда же свое слово сказали и представители российской судебной психиатрии. В. П. Сербский, разработавший основополагающие теоретические положения последней и предложивший критерии экспертной оценки формы психического расстройства, указал на отсутствие «меры для установления критерия уменьшенной вменяемости, которую применяли бы и к тем случаям, где нарушена способность понимания своих поступков и руководства ими» [7, с. 44]. Заключение об уменьшенной вменяемости означает, что эксперты не потрудились и не до конца разобрались как следует в психическом состоянии подэкспертного. В сложных ситуациях нечетко выраженных психических расстройств, где необходим тщательный анализ и нелегкая для экспертизы индивидуальная оценка психического состояния подэкспертного во время совершения преступления, институт уменьшенной вменяемости «освобождает» от этой необходимости. Кроме того, он подчеркивал, что под указанную категорию могут подводиться лица с «резко нарушенной способностью понимания и руководства своими действиями» [Цит. по: 8, с. 155].

Наконец, по мнению психиатра В. Х. Кандинского, если рассуждать в контексте формальной логики, то следует признать у субъекта всего лишь одно из двух вероятных состояний: вменяемость либо ее отсутствие (невменяемость). Возможность существования промежуточного состояния человеческой психики он отвергал [9, с. 82].

Таким образом, именно в конце XIX – начале XX в. в России в широких научных кругах возникла полемика об ограниченной, или уменьшенной, ответственности, в которую активно включились ведущие специалисты того времени.

Как известно, большой вклад в развитие проблемы соотношения биологических и социальных детерминантов поведения человека (имеется в виду уголовно-правовой аспект данной проблемы) внесли известные русские специалисты по психофизиологии И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев. Их работы оказали значительное влияние на эволюцию института ограниченной вменяемости.

После революции 1917 г. в России проблема соотношения биологических и социальных факторов поведения человека была надолго «закрыта», соответствующие научные исследования заморожены [10, с. 53]. Это значительно повлияло на развитие учения об аномальном субъекте преступления. С приходом к власти большевиков, фактически с начала 20-х до середины 60-х гг. XX в., в Советском государстве вопрос уменьшенной вменяемости позитивно не рассматривался. Причиной тому послужил неудачный опыт производства судебно-психиатрических экспертиз в первой половине 1920-х гг. в Институте им. В. П. Сербского. Здесь давались заключения, которые свидетельствовали об ограниченной вменяемости значительного числа лиц с психическими расстройствами (например, в 1922 г. – 29,3 %, в 1923 г. – 30,9 %) [11, с. 4]. Этих лиц направляли в психиатрические больницы, откуда быстро выписывали, после чего они снова совершали преступления. Но такая практика была признана советскими властями ошибочной, в связи с чем диагностирование ограниченной вменяемости к 1928 г. прекратилось [1, с. 157–158].

Представитель генерации психиатров дореволюционной школы, работавший и в советский период, Е.К. Краснушкин много лет посвятил изучению личности преступников-психопатов: «Как нельзя про большинство психопатов с категоричностью утверждать, что они или душевно здоровые, или душевнобольные люди, а приходится говорить о них как о людях, находящихся на границе душевного здоровья и душевной болезни, так нельзя многих из психопатов призна-

вать просто вменяемыми или невменяемыми. И юридическая оценка этих «полусумасшедших» людей лежит где-то посередине между крайними полюсами вменяемости и невменяемости. Таким образом, совершенно естественно возникает вопрос о какой-то средней оценке психопатов... Отсюда вопрос об уменьшенной, частичной и относительной вменяемости» [12, с. 31, 32]. Однако его голос услышан не был. Официальную точку зрения судебной психиатрии на проблему выразили некоторые медики-психиатры, в частности Д. Р. Лунц, подчеркивавший «неприемлемость института уменьшенной вменяемости» [13, с. 218].

Уголовное законодательство Советской России не предусматривало нормы, посвященной непосредственно институту ограниченной вменяемости. В частности, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. содержал ст. 17, которая гласила: «Наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях...» [14, с. 19]. Эта норма с той или иной степенью точности закрепляла институт невменяемости. Таким образом, данный нормативный правовой акт предусматривал возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, фактически невменяемых, но при этом он не содержал нормы, посвященной вопросу ответственности вменяемых лиц, страдающих психическими расстройствами. То же относится к УК РСФСР 1926 г.: ст. 26 определяла, что суд вправе применять «меры социальной защиты медицинского характера» дополнительно с наказанием лицу, которое страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Уголовный кодекс РСФСР 1961 г. также не содержал норм об уменьшенной (ограниченной) вменяемости. Широкое обсуждение вопросов психических аномалий в советском уголовном праве началось в 1965 г., когда во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР была инициирована дискуссия по актуальным аспектам правопедания и психиатрии. Ее итогом стал рост сторонников признания ограниченной вменяемости [11, с. 5]. В частности, труды таких ученых, как П. В. Симонов, В. П. Эфроимсон, Ю. М. Антонян, С. В. Бородин, А. Ф. Зелинский, изменили отношение законодателя к проблеме ограниченной вменяемости.

Весьма интересным можно назвать парадокс, суть которого довольно точно определена в литературе как наличие широкого круга ситуаций, когда «с точки зрения уголовного закона наличие психических аномалий не является существенным при назначении наказания, а для обеспечения права обвиняемого на защиту они значимы» [15, с. 18]. Для надзорной судебной практики остаточные явления раннего органического поражения головного мозга с психическими изменениями в виде значительного снижения интеллекта, неразвитости речи и т. п. служат безусловным основанием для вывода о невозможности осуществления лицом права на защиту без участия адвоката. Но при этом надзорная практика не содержала указаний на то, что при новом рассмотрении дела аномалии личности в рамках вменяемости надо оценивать и в контексте значимости для назначения наказания. Аналогичная позиция по этому вопросу наблюдалась и у некоторых процессуалистов, комментирующих подобную практику [16].

До недавнего времени дискуссия по данной проблеме носила чисто теоретический характер. При этом коллективом авторов теоретической модели Уголовного кодекса осуществлен серьезный анализ действовавшего в то время правового регулирования рассматриваемых вопросов. В частности, они акцентируют, что понятие невменяемости является производным от понятия вменяемости [17, с. 65–74].

2 июля 1991 г. Верховным Советом СССР приняты «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», которые содержали ст. 15 «Ограниченная вменяемость» (что было принципиально новым для отечественного уголовного законодательства): «Лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии ограниченной вменяемости, то есть не могло в полной мере осознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства, подлежит уголовной ответственности.

Состояние ограниченной вменяемости может учитываться при назначении наказания и служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера» [18].

Только распад Советского Союза не позволил этой статье вступить в действие. Однако все предлагавшиеся впоследствии проекты нового Уголовного кодекса России обязательно содержали норму об ограниченной вменяемости.

Пленум Верховного Суда СССР в ряде постановлений подтвердил необходимость учитывать случаи ограниченной вменяемости при решении вопроса о виде и объеме уголовной ответственности. Но, несмотря на это, вопрос ответственности лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, не был четко решен законодателем и оставался открытым до 1996 г.

24 мая 1996 г. Государственной думой Российской Федерации принят Уголовный кодекс РФ, который вступил в действие 1 января 1997 г. Он не дает четкого определения понятия «ограниченная вменяемость», однако в ч. 1 ст. 22 фактически раскрывает его: «Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности» [19]. Здесь выделен юридический критерий психических расстройств, не исключаяющих вменяемости: невозможность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) – интеллектуальный признак, либо руководить ими – волевой признак.

Медицинским критерием являются психические расстройства, в силу которых лицо не могло в полной мере осознавать фактический характер и степень общественной опасности своих деяний и руководить ими. По сравнению со ст. 21 в ст. 22 УК РФ не приводится перечень психических расстройств, составляющих медицинский критерий [19]. Основное отличие ограниченной вменяемости от невменяемости заключается не в характере психического расстройства, а в степени влияния на возможность лица осознавать свои действия и руководить ими. При этом мы полностью разделяем мнение Б. А. Молчанова: разграничение этих состояний следует проводить в первую очередь на основе юридического критерия [20].

Таким образом, ст. 22 УК РФ поставила точку в споре о необходимости учета психических расстройств вменяемого деликвента на законодательном уровне. Тем не менее полемика, посвященная институту ограниченной вменяемости, не угасла и не угаснет, скорее всего, еще очень долго.

Одним из существенных обстоятельств, мешающих эффективному решению рассматриваемой проблемы, остается отсутствие среди представителей ученого сообщества консенсуса относительно определения понятия уменьшенной, или ограниченной, вменяемости. Последнее же, по нашему мнению, может быть выработано лишь в том случае, если удастся привести к единому знаменателю юридический и медицинский критерии вменяемости, обеспечив их синтез. Важную роль также призвано сыграть дальнейшее совершенствование мер профилактики совершения преступлений лицами указанных категорий. В то же время считаем, что в каждом конкретном случае приоритет должен отдаваться фактору степени общественной опасности преступных деяний подобного рода.

Список источников

1. Балабанова Л. М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонения). Донецк: Сталкер, 1998. 427 с.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.
3. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев: Университетская тип., 1875. 413 с.
4. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1, вып. 2. С. 179–428.
5. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: А. А. Карцев, 1912. 653 с.
6. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л.: Гос. изд-во, 1926. 255 с.
7. Сербский В. П. Судебная психопатология : лекции, читанные в Московском университете. Вып. 1 : Законодательство о душевнобольных. М.: А. А. Карцев, 1896. 224 с.
8. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. 206 с.
9. Кандинский В. Х. К вопросу о вменяемости. М.: Е. К. Кандинская, 1890. 239 с.

10. Морозова Е. А. К вопросу об истории становления и развития института невменяемости в уголовном праве России // Actual Science. 2017. Т. 3, № 2. С. 52–54. EDN: XYBKLZ.
11. Кудрявцев И. А., Коновалов Н. Н., Куксова Н. А. Психическое расстройство, не исключающее, но ограничивающее вменяемость: правовые, психологические и психиатрические проблемы и пути их преодоления // Рос. психиатр. журн. 2008. № 6. С. 4–10. EDN: JWGLLP.
12. Краснушкин Е. К. Преступники-психопаты. М.: Изд-во 1-го Московского ун-та, 1929. 33 с.
13. Луниц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М.: Медицина, 1966. 236 с.
14. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: приказ Революционного военного совета Республики 1922 г. № 1551. М.: Изд. Военной коллегии Верховного трибунала В.Ц.И.К., 1922. 42 с.
15. Козаченко И. Я., Сухарев Е. А., Гусев Е. А. Проблема уменьшенной вменяемости : учеб. пособие. Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 1993. 35 с.
16. Щерба С. П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 59 с.
17. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М.: Наука, 1987. 278 с.
18. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик от 02.07.1991 № 2281-I. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102011943&ysclid=mboptp65bf235022496 (дата обращения: 17.04.2025).
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.04.2025).
20. Молчанов Б. А. Доктринальные подходы к проблеме уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, во второй половине XX века в России // Вестник. Государство и право. 2010. № 13. С. 74–81. EDN: TVRFNT.

References

1. Balabanova L.M. *Forensic pathopsychology (issues of determining the norm and deviation)*. Donetsk: Stalker; 1998. 427 p. (In Russ.).
2. Tagantsev N.S. *Russian criminal law. Lectures. Part general: in 2 vols.* Moscow: Science; 1994. Vol. 1. 380 p. (In Russ.).
3. Kistyakovskiy A.F. *Elementary textbook of general criminal law*. Kyiv: University Printing House; 1875. 413 p. (In Russ.).
4. Spasovich V.D. *Textbook of criminal law*. St. Petersburg: Printing House of J. Ogrizko; 1863;1(2):179-428. (In Russ.).
5. Poznyshv S.V. *The basic principles of the science of criminal law. General part of criminal law*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: A.A. Kartsev; 1912. 653 p. (In Russ.).
6. Poznyshv S.V. *Criminal psychology. Criminal types*. Leningrad: State Publishing House; 1926. 255 p. (In Russ.).
7. Serbskiy V.P. *Forensic psychopathology. Lectures given at Moscow University. Iss. 1: Legislation on the mentally ill*. Moscow: A.A. Kartsev; 1896. 224 p. (In Russ.).
8. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. *Crime and mental anomalies*. Moscow: Science; 1987. 206 p. (In Russ.).
9. Kandinsky V.Kh. *On the question of sanity*. Moscow: E.K. Kandinskaya; 1890. 239 p. (In Russ.).
10. Morozova E.A. On the history of the formation and development of the institution of insanity in the criminal law of Russia. *Actual Science*. 2017;3(2):52-54. (In Russ.). EDN: XYBKLZ.
11. Kudryavtsev I.A., Konvalov N.N., Kuksova N.A. Mental disorder, not excluding, but limiting sanity: legal, psychological and psychiatric problems and ways to overcome them. *Russian Psychiatric Journal*. 2008;(6):4-10. (In Russ.). EDN: JWGLLP.
12. Krasnushkin E.K. *Psychopathic criminals*. Moscow: Publishing House of the 1st Moscow University; 1929. 33 p. (In Russ.).

13. Luntz D.R. *The problem of insanity in the theory and practice of forensic psychiatry*. Moscow: Medicine; 1966. 236 p. (In Russ.).
14. *Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: Order of the Revolutionary Military Council of the Republic No. 1551 at 1922*. Moscow: Publication of the Military Collegium of the Supreme Tribunal of All-Russian Central Executive Committee; 1922. 42 p. (In Russ.).
15. Kozachenko I.Ya., Sukharev E. A., Gusev E. A. *The problem of reduced sanity*. A textbook. Ekaterinburg: Ural State Law Academy; 1993. 35 p. (In Russ.).
16. Shcherba S.P. Theoretical foundations and features of criminal proceedings in cases of persons suffering from physical or mental disabilities. Abstract of PhD Thesis. Moscow, 1990. 59 p. (In Russ.).
17. Kudryavtsev V.N., Kelina S.G., eds. *Criminal law: an experience of theoretical modeling*. Moscow: Science; 1987. 278 p. (In Russ.).
18. *Fundamentals of the criminal legislation of the USSR and the republics No. 2281-I at 2nd July 1991*. Available from: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102011943&ysclid=motpp65bf235022496 [Accessed 17th April 2025]. (In Russ.).
19. *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ at 13th June 1996 (as amended by 8th August 2024)*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 17th April 2025]. (In Russ.).
20. Molchanov B.A. Doctrinal approaches to the problem of criminal liability of persons with mental disorders that do not exclude sanity in the second half of the 20th in Russia. *Bulletin. State and Law*. 2010;(13):74-81. (In Russ.). EDN: TVRFNT.

Информация об авторах

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РИ ВГУЮ; профессор кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; профессор кафедры процессуального права ДГТУ.

И.А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии РИ ВГУЮ; доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

Information about the authors

E. A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don; Professor of the Department of Procedural Law, DSTU.

I.A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2025; принята к публикации 06.06.2025.
The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 27.04.2025; accepted for publication 06.06.2025.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR PERSONS

Персоналии

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-107-110>

**Ученый, историк-кавказовед, политолог, педагог
(к 75-летию Валерия Дударовича Дзидзоева)**

**Scientist, Caucasus historian, political scientist, teacher
(on the 75th anniversary of Valery Dudarovich Dzidzoev)**

29 марта 2025 г. исполнилось 75 лет доктору исторических наук, профессору Валерию Дударовичу Дзидзоеву. Он родился в с. Дур-Дур Северо-Осетинской АССР. В 1970–1975 гг. учился на историческом факультете Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (СОГУ). По окончании стал преподавателем истории и обществоведения в Орджоникидзевском (ныне – Владикавказский) горно-металлургическом техникуме и начал активно заниматься научно-исследовательской работой по отечественной истории.

В 1978 г. поступил в аспирантуру на кафедру истории СССР СОГУ. Валерий Дударович досрочно представил кандидатскую диссертацию и успешно защитил ее в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузии в Тбилиси. Тогда же он переехал в Нальчик на постоянное место жительства, продолжая свои активные научно-исследовательские изыскания. Работал в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова и Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете им. В.М. Кокова (ранее – Кабардино-Балкарская сельскохозяйственная академия).

В.Д. Дзидзоев специализировался на национальной политике, межнациональных отношениях и национальных движениях и стал одним из ведущих ученых страны. Постепенно он познакомился, а затем и сблизился с признанными корифеями в этой сфере: М.С. Джунусовым, А.Г. Агаевым, А.И. Алиевым, Р.Г. Абдулатиповым, В.А. Тишковым, В.А. Бороноевым, Т.Ю. Бурмистровой и др. Валерий Дударович многому научился у них, учитывая, что все они были значительно старше, прошли хорошие научные школы выдающихся советских ученых, оставаясь при этом доступными педагогами и наставниками.

Много ему дали в плане профессионального роста курсы повышения квалификации преподавателей общественных наук (ИППК при РГУ, ЛГУ и МГУ). По признанию В.Д. Дзидзоева, слушать выдающихся ученых было сплошным удовольствием, а заложенная там основательная база сохранилась на долгие годы.

Научные труды Валерия Дударовича постепенно приобретали масштаб, превращая его в одного из ведущих специалистов страны в сфере национальной политики, федеративного устройства, межнациональных отношений и национально-государственного строительства народов Кавказа.

Сегодня можно уверенно сказать, что научное наследие В.Д. Дзидзоева сыграло немалую роль в возрождении интереса к изучению обозначенных проблем. По сравнению с некоторыми своими коллегами и в прошлом, и в настоящем он максимально стремится к тому, чтобы показать глубокий

научный уровень, опираясь на главные принципы научно-исследовательской работы – правдивость, объективность, историзм, комплексный подход и т.д.

Валерий Дударович пытается использовать максимально объективный анализ источников, в первую очередь архивных документов. Им подготовлен ряд научных статей по проблемам национальной политики, межнациональных отношений и национально-государственного строительства в ведущих академических журналах страны: «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Научная мысль Кавказа», «Гуманитарий Юга России», «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС» и др. Если их проанализировать, то легко можно раскрыть основные закономерности, специфику и особенности проблем в сфере национальной политики и межнациональных отношений.

Игнорирование особенностей в этой сфере стало одной из причин появления в нашей стране такой масштабной беды, как терроризм, экстремизм, сепаратизм, на которые власть имущие и значительная часть ученого сообщества до поры до времени не обращали особого внимания. В.Д. Дзидзоев оказался в числе тех немногих ученых-гуманитариев, кто основательно разрабатывал и эту научную проблему [1].

В последующие годы, когда научное творчество В.Д. Дзидзоева становилось все более многоплановым, он постоянно возвращается к этой тематике. Среди его многочисленных работ выделяются статьи в научных журналах, доклады на научных конференциях, в том числе и международных, где обоснованно приводятся убедительные данные, конкретные примеры и специфические аспекты этой проблематики. Он постоянно находится в тесном контакте с видными учеными страны: И.Г. Добаевым из Ростова-на-Дону, В.Х. Акаевым из Грозного, П.А. Кузьминовым из Нальчика, М.Н. Абдуллаевым из Махачкалы и др. Результат этих исследований – богатый фактический материал, благодаря которому удалось разрушить некоторые утвердившиеся в науке мнения и подходы к проблеме терроризма.

Заложенные В.Д. Дзидзоевым научные основы изучения истории национальных отношений в царской России, советский период, современной Российской Федерации, межнациональные отношения и национально-государственное строительство народов Кавказа приобретают особую актуальность в настоящее время, когда все эти сложные, а порой и болезненные процессы подчас неоднозначно проявляются в научно-популярной и публицистической литературе. В этом плане научные работы Валерия Дударовича приобретают важное значение.

Под непосредственным руководством В.Д. Дзидзоева прошли основательную научную школу, защитили кандидатские и докторские диссертации 50 ученых, которые представляют разные регионы страны. Сегодня они успешно возглавляют кафедры и деканаты в вузах страны, особенно на Северном Кавказе, некоторые из них – научно-исследовательские институты (А.К. Хадиков, М.А. Гутиева, Ф.Б. Мсоева, М.К. Цховребова (Дзанагова), И.А. Чехоева, А.К. Кулумбекова и др.).

Таким образом, основные принципы и закономерности научной школы историков-кавказоведов и этнополитических конфликтологов проф. В.Д. Дзидзоева [2, с. 30–31] достойно продолжают на юге Российской Федерации его многочисленные ученики. Она открыта для ученого любой национальности и вероисповедания. Заслуживает внимания тот факт, что в Горском ГАУ В.Д. Дзидзоев стал одним из первых ученых, научную школу которого утвердили вполне открыто, демократично и гласно.

В 1998 г. Валерия Дударовича пригласили во Владикавказ на работу в СОГУ. Здесь он стал заведующим кафедрой политологии и одновременно возглавил исторический факультет СОГУ. Так как ее фактически не было, его задача заключалась в том, чтобы из кафедры научного коммунизма сделать кафедру политологии. За короткое время В.Д. Дзидзоев разработал программы курса «политология», а затем другие вспомогательные учебно-методические пособия по новому предмету. Так шаг за шагом с настоящей политологией начали знакомиться в аудиториях СОГУ. А в 2006 г. В.Д. Дзидзоеву совместно с Б.Г. Койбаевым удалось открыть в вузе даже аспирантуру по политическим наукам. Это было сделано впервые не только в СОГУ, но и в Северной Осетии. В дальнейшем под руководством В.Д. Дзидзоева защитили кандидатские диссертации по политическим наукам 5 аспирантов. Некоторые аспиранты и соискатели защитили диссертации по трем разным специальностям: по отечественной истории, политологии и праву. Необходимо отметить, что В.Д. Дзидзоева

как педагога отличает высокий методический уровень лекций, учебных пособий, которые неоднократно выходили в издательствах СОГУ и Горского ГАУ.

В 2012–2015 гг. он возглавлял Центр этнополитических исследований СОГУ, где под его руководством ежегодно проводились научные симпозиумы, разрабатывались планы на будущее, осуществляли их совместными усилиями. Таким образом, удалось наладить работу при минимальной финансовой поддержке со стороны СОГУ.

Результаты научных исследований Валерия Дударовича находили применение в учебном процессе и научно-исследовательской сфере разных республик и стран. Он неоднократно бывал с циклами лекций в Польше, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии. В 2012 и 2015 гг. выступал на международной научной конференции по проблемам Кавказа в Жешувском университете. Здесь же читал курс лекций профессорско-преподавательскому составу. Кроме того, от имени СОГУ и Горского ГАУ он подписал «Соглашение на дальнейшую научно-исследовательскую работу с учеными Жешувского университета».

Уважение к чужому мнению, научная принципиальность, искреннее желание помочь не только ученикам и соискателям ученых степеней, но и обычным коллегам позволили ему организовать и успешно вести работу коллектива ученых-новаторов при СОГУ. Кроме того, он является автором и главным редактором сборника научных трудов «Вопросы политологии, истории и социологии», который выходил несколько лет в СОГУ. Здесь печатали свои научные труды и молодые ученые, и многие именитые ученые. Такой же сборник под руководством В.Д. Дзидзоева и при его непосредственном научном редактировании выходил в Горском ГАУ – «Исторический и правовой вестник». В этом же вузе он 17 лет возглавлял кафедру теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ, а также общественную структуру «Политико-правовые аспекты национальной и федеративной политики Российской Федерации и проблемы национально-государственного строительства на Кавказе».

В.Д. Дзидзоев постоянно и активно анализировал проблемы научного кавказоведения, стремясь охватить все главные проблемы и тенденции. Он имеет обыкновение откликаться солидными научными рецензиями – размышлениями на важные монографии коллег [3–6]. В них Валерий Дударович в тактичной форме и достаточно доброжелательно обозначает вклад рецензируемой книги в отечественную историческую науку, деликатно показывает ее спорные места, намечает дальнейшие пути изучения проблемы. В.Д. Дзидзоев опубликовал более 260 обстоятельных рецензий на труды своих коллег и в целом более 500 научных и научно-популярных трудов. Особенностью его до сих пор остается глубокое погружение в проблему, изучение до мелочей. К рецензиям он всегда относился очень ответственно и выступать в качестве рецензента считает своим почетным долгом. Формальный подход Валерий Дударович в корне не признает, особенно в научно-исследовательской работе.

В.Д. Дзидзоев является заслуженным деятелем науки Республики Северная Осетия – Алания, Республики Южная Осетия, Республики Дагестан и Кабардино-Балкарской Республики. Интеллигентность, мягкость, толерантность, прекрасное знание проблем отечественной истории и политологии вовсе не свидетельствуют о его «бесхребетности». Если принципиально с кем-либо он не соглашается, то может себе позволить критическое выступление против них, приводя, как правило, убедительные аргументы.

Поздравляем Валерия Дударовича со славным юбилеем и от всей души желаем ему крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, большого личного счастья и благополучия!

Список источников

1. Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ: ИП, 2008. 287 с.
2. Российские научные школы. М.: Академия естествознания, 2021. Т. 14. 112 с.
3. Дзидзоев В.Д., Балкоев Т.М. Вклад в отечественную науку (рец. на кн.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001) // Вестн. Владикавказского науч. центра РАН. 2002. № 2. С. 53–56.
4. Дзидзоев В.Д., Бетеева М.М. Проблемы народонаселения Дагестана в свете взаимоотношений с Россией в исследовании А.И. Османова (рец. на кн.: Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времен до

конца XX в.: историко-этнодемографическое исследование. Махачкала: Алеф, 2011) // Вестн. Владикавказского науч. центра РАН. 2012. № 2. С. 72–73.

5. Дзидзоев В.Д. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике в постсоветский период (рец. на кн.: Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике в конце XX – первом десятилетии XXI в. М.: Парнас, 2018) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2018. № 4. С. 130–132. EDN: YTOFOP.

6. Дзидзоев В.Д., Ермекбай Ж.А. Восстановление исторической и политической справедливости в отношении депортированных в 1944 г. народов Северного Кавказа (рец. на кн.: Исакиева З.С. Вклад чеченцев и ингушей в развитие горнодобывающей промышленности Казахстана 1944–1957 гг. Грозный, 2018) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2019. № 1. С. 111–113. EDN: SZNWDA.

References

1. Dzidzoev V.D., Levchenko N.N. *Separatism, terrorism and extremism in the North Caucasus: political and legal analysis*. Vladikavkaz: IR; 2008. 287 p. (In Russ.).

2. *Russian scientific schools*. Moscow: Academy of Natural Sciences; 2021. Vol. 14. 112 p. (In Russ.).

3. Dzidzoev V.D., Balikoev T.M. Contribution to domestic science (review of the book: Tishkov V.A. Society in armed conflict: ethnography of the Chechen war. Moscow: Science; 2001). *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2002;(2):53-56. (In Russ.).

4. Dzidzoev V.D., Beteeva M.M. Problems of the population of Dagestan in the light of relations with Russia in the study of A.I. Osmanov (review of the book: Osmanov A.I. Population of Dagestan from ancient times to the end of the 20th century: historical and ethnodemographic study. Makhachkala: Alef; 2011). *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(2):72-73. (In Russ.).

5. Dzidzoev V.D. National-state construction in the Chechen Republic in the post-Soviet period (review of the book: Elbuzdukaeva T.U., Izripova E.A. National-state construction in the Chechen Republic at the end of the 20th – first decade of the 21st century. Moscow: Parnas, 2018). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2018;(4):130-132. (In Russ.). EDN: YTOFOP.

6. Dzidzoev V.D., Ermekbay Zh.A. Restoration of historical and political justice in relation to the peoples of the North Caucasus deported in 1944 (review of the book: Isakieva Z.S. The contribution of the Chechens and Ingush to the development of the mining industry of Kazakhstan in 1944-1957. Grozny, 2018). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2019;(1):111-113. (In Russ.). EDN: SZNWDA.

М. Н. Абдуллаев,

*доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права
Дагестанского государственного университета*

М.-С. А. Исмаилов,

*доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права
Дагестанского государственного университета,*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

Персоналии

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-111-116>

**Евгений Николаевич Осколков – историк и учитель
(к 100-летию со дня рождения)**

**Evgeny Nikolaevich Oskolkov – historian and teacher
(dedicated to the 100th anniversary of his birth)**

Известный ученый Евгений Николаевич Осколков принадлежал к поколению преподавателей-фронтовиков, работавших на историческом факультете Ростовского университета в 1960–1970-х гг.

Он родился 23 мая 1925 г. в Петрозаводске, столице тогда Карельской АССР, в семье военнослужащего. Добросовестный труд, уважительное отношение к людям, любовь к знанию – неукоснительная жизненная норма семьи Осколковых, которую сквозь десятилетия пронес и Евгений Николаевич.

В связи с переводами отца по службе и частыми переездами подросток учился в школах различных городов СССР – Воронеже, Ашхабаде, Ереване.

Смена мест жительства, впечатления о различных местах Советского Союза формировали у Евгения Николаевича живые представления о большой стране, ее народах, колоритных национальных особенностях.

Уже тогда у него пробудился интерес к истории, и он с увлечением занимался в школьном историческом кружке, проявляя неподдельный интерес к новейшей истории, событиям, последовавшим после 1917 г.

В 16 лет он встретил 1941 г. Война, напряжение, тревоги, гибель отца на фронте под Москвой – все это оборвало детство. Продолжая учебу в школе, с февраля 1942 г. Евгений Николаевич пошел работать.

В 1943 г. он призван в армию, службу проходил в пограничных войсках. Характерно, что в ноябре 1945 г. в звании сержанта его приняли в ряды ВКП(б). Он был награжден медалью «За оборону Кавказа». Демобилизовался Е.Н. Осколков в 1950 г. Так сложилось, что сразу он поступил на юридический факультет Ростовского университета, который окончил с отличием в 1955 г.

По воспоминаниям сокурсников и преподавателей, в годы учебы Евгений Николаевич проявлял неподдельный интерес к общественным наукам, особенно к истории КПСС и истории государства и права СССР. После юрфака – аспирантура, куда его пригласил известный ученый, профессор П.В. Семернин, в то время заведующий кафедрой истории КПСС.

Избранная тема диссертации (коллективизация сельского хозяйства) показывала, что история, а не юриспруденция оставалась основной привязанностью Евгения Николаевича.

При этом диссертационная тема соответствовала общему вектору научной работы кафедры – история партийного руководства коллективизацией сельского хозяйства. Это направление, разработку которого начал П.В. Семернин, продолжало оставаться ключевым для коллектива кафедры истории КПСС в течение десятилетий.

Подготовку диссертации Евгений Николаевич совмещал с активной общественной деятельностью – с 1955 по 1956 г. избирался председателем студенческого профсоюзного комитета РГУ, выполнял различные партийные поручения.

Начинающего исследователя особенно интересовали проблемы социально-психологических сдвигов в многомиллионной массе крестьянства, обращенного в конце 1920-х – начале 1930-х гг. к коллективным формам хозяйствования. Неслучайно его первой научной публикацией стала статья о передовых с точки зрения властей колхозах Северо-Кавказского края, реализующих программы коллективизации [1].

В 1961 г. Евгений Николаевич защитил кандидатскую диссертацию «Тактика КПСС в период завершения сплошной коллективизации в основных зерновых районах страны (1930–1931)». Оппоненты отмечали доказательный характер выводов работы.

Ответственного, исполнительного, инициативного преподавателя поддерживало руководство вуза. В 1962–1964 гг. он избирался секретарем парткома университета.

А весной 1966 г. после смерти своего учителя, П.В. Семернина, Евгений Николаевич возглавил кафедру истории КПСС. Он продолжил лучшие традиции руководства коллективом, дополнив их своей яркой индивидуальностью.

К этому времени Е.Н. Осколков опубликовал более 20 крупных статей, показывающих его интерес к широкому кругу исторических проблем: развитие поземельной общины после 1917 г., роль общины в подготовке коллективизации, кооперативный план большевиков, неонэп. Но основной темой неизменно оставалась коллективизация в Северо-Кавказском крае.

В 1974 г. Евгений Николаевич защитил докторскую диссертацию «Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа».

Оппоненты отметили первую попытку исследования процесса осуществления коллективизации в своеобразных условиях казачьих районов Северо-Кавказского края. Подчеркивалась значимость и научная ценность нескольких сборников документов, подготовленных диссертантом [2].

В отзывах и рецензиях, опубликованных в центральных изданиях, давалась высокая оценка труду [3] как итогу всей предшествующей исследовательской работы ученого. Известный историк-аграрник, профессор Н.А. Ивницкий писал: «Е.Н. Осколков – серьезный исследователь, внесший своими трудами заметный вклад в изучение истории социалистического преобразования сельского хозяйства на Северном Кавказе» [4, с. 164].

Следует отметить, что выводы [3] при внешнем соответствии официальным установкам утверждали несколько иной подход к оценке трагических событий конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Так, объясняя причины сопротивления колхозников хлебозаготовительной политике, проводившейся в начале 1930-х гг., Е.Н. Осколков обратил внимание на грубое игнорирование властью жизненных интересов крестьянства и казачества, что не могло не вызвать различных форм протестного поведения с их стороны. Вывод этот явно противоречил одному из основных догматов официальной историографии, объяснявшей сопротивление хлебозаготовкам происками классового врага – кулачества.

Таким образом, Осколков солидаризировался с мнением ряда историков начала 1960-х гг. (В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, Ю.А. Мошков), ставивших под сомнение официальный тезис о «продовольственных затруднениях», вызванных «кулацким саботажем».

Формировалась ростовская школа историков-аграрников. Истфак РГУ с кафедрой истории КПСС, которую возглавлял Е.Н. Осколков, становился координационным центром исследований по аграрной истории для Северо-Кавказского региона.

За десятилетний срок пребывания Евгения Николаевича на посту заведующего университетская кафедра укрепила свои позиции среди вузовских кафедр региона. Много внимания уделял он кафедральной учебно-методической работе. Новые реалии в жизни страны оказывали тогда влияние и на содержание базового лекционного курса. На ежемесячных заседаниях кафедры и методических комиссиях обсуждались актуальные проблемы преподавательской работы: рассматривались новые планы лекций и семинарских занятий, планы новых спецкурсов, помощь (если была необходимость) молодым сотрудникам. Он всячески поддерживал творческие начинания коллег.

В течение многих лет Е.Н. Осколков читал курс лекций по истории КПСС студентам юридического и исторического факультетов; он один из организаторов специализации по истории КПСС на историческом факультете.

Он много работал с учениками, студентами, аспирантами, поддерживал творческий поиск молодежи. В 1977 г. ВАК утвердил его в звании профессора. Разработку идей Евгения Николаевича осуществлял коллектив его учеников и единомышленников – А.И. Филатов, А.П. Кожанов, В.В. Гаташов и др. Всего под руководством Е. Н. Осколкова было подготовлено около 20 кандидатских и докторских диссертаций.

Е.Н. Осколков руководил кафедрой 10 лет, в 1976 г. по решению руководства университета он был назначен директором Института повышения квалификации преподавателей общественных наук (ИПК) при РГУ.

Будучи проректором РГУ и директором ИПК, он проявил себя на этих постах как умелый руководитель, создающий в коллективе благоприятную атмосферу для творческой работы.

Евгений Николаевич принимал самое деятельное участие в общественно-политической жизни университета: избирался членом Кировского райкома, в течение ряда лет являлся членом парткома РГУ и партбюро ИПК. Его знали и ценили обществоведы Юга России, других регионов страны.

Общественно значимый аспект деятельности Е.Н. Осколкова – научно-организационная работа. Евгений Николаевич много лет возглавлял областной методологический семинар преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений, представлял Дон и Северный Кавказ в разнообразных советах и комиссиях в Москве.

Он являлся членом оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (отделения истории АН СССР), двух проблемных советов Минвуза («Методология и историография истории КПСС» и «Аграрная политика КПСС и ее осуществление»), секции истории КПСС отделения общественных наук СКНЦ ВШ. Под его началом действовала проблемная группа по изучению аграрной истории Северо-Кавказского региона.

Евгений Николаевич возглавлял специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по истории КПСС и истории СССР в РГУ. С 1973 по 1989 г. он заместитель главного редактора журнала «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы», председатель редакционной коллегии и ответственный редактор серии «Общественные науки» журнала «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы».

С его именем связана успешная работа высших курсов повышения квалификации партийных и советских работников при Ростовском обкоме КПСС. По инициативе Осколкова проведен ряд научных и научно-методических конференций. Он вкладывал много сил в развитие научных связей между обществоведами региона, что способствовало координации и повышению эффективности выполненных ими исследований. По его приглашению с курсами лекций по аграрной истории в Ростов приезжали многие известные ученые: А.В. Лосев (Воронеж), В.Б. Островский (Саратов) и др.

Говоря о вкладе Е.Н. Осколкова в разработку исследовательских вопросов, необходимо прежде всего выделить исследование им процесса осуществления курса ВКП(б) на коллективизацию сельского хозяйства в своеобразных условиях казачьих районов Северо-Кавказского края, выявление деятельности местных партийных организаций с точки зрения изучения ими условий в крае и разработки решений, учитывающих эти особенности.

Е.Н. Осколков – один из первых исследователей, поставивших вопрос о методологии изучения общего и особенного в реализации кооперативного плана большевиков в СССР. Это нашло отражение в его последующих работах, в обобщенном виде представлено в докладе на XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории Центральной и Восточной Европы (1978 г.), что тогда считалось знаком особого признания.

Он внес заметный вклад в разработку вопроса о развитии русской поземельной общины после 1917 г. и роли этой общины в подготовке коллективизации.

Здесь следует отметить, что к концу 1960-х гг. в историографии по этим проблемам не было единства. Одни исследователи считали, что трансформации характера земельных обществ после 1917 г. не изменили природы общины, не превратили ее в переходную ступень к сплошной коллективизации, поэтому возникла необходимость ликвидации земельных обществ. Другая точка зрения заключалась в том, что за 1917–1929 гг. партийные и советские организации, как тогда говорили,

«овладели» земельными обществами, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства.

Анализируя процессы, происходившие в крестьянских и казачьих земельных обществах Дона, Кубани, Терека и Ставрополя, Евгений Николаевич предложил рассматривать развитие земельных отношений внутри общины в соотношении с изменением расстановки сил различных групп крестьян в земельных обществах, с одной стороны, и положением общины в системе других организаций в деревне – с другой.

По мнению Е.Н. Осколкова, развитие крестьянской поземельной общины после 1917 г. не сопровождалось изменением природы внутриобщинных отношений, основу которых вплоть до начала сплошной коллективизации составляло уравнительное землепользование и соответствующее ему мелкотоварное производство. Что касается устремления государства относительно подчинения земельных обществ, то оно, по мнению исследователя, привело к превращению их из общекрестьянской в организацию батрацко-бедняцко-средняцких масс, которая в составе других организаций крестьян под руководством сельских советов включилась в коллективизацию сельского хозяйства.

Значимым элементом научного наследия Е.Н. Осколкова является постановка вопроса о заключительном этапе новой экономической политики.

В статьях и докладах по этому вопросу Осколков приходит к заключению, что принципы нэпа использовались в 1920-х – начале 1930-х гг. как внутри колхозов, так и в отношениях между государством и колхозами, пока на смену им не пришли новые принципы социалистических отношений.

С завершением в годы второй пятилетки процесса формирования в стране колхозов и качественно нового класса – колхозного крестьянства – исчезла экономическая основа для применения принципов нэпа и завершилась, по мнению Осколкова, трансформация новой экономической политики в экономическую политику, регулирующую иной тип отношений.

Е.Н. Осколков – автор более 100 научных трудов, в том числе широко известных монографий [3, 5]. На наш взгляд, эти две работы надо воспринимать как единое целое, несмотря на их внешнюю противоречивость. Это обусловлено тем, что процесс коллективизации имел самые разные составляющие тенденции и, что самое главное, без него не была бы возможна сама индустриализация и в конечном счете Великая Победа.

Процесс переосмысления прошлого и исследование голода на Северном Кавказе в полной мере отражены в [5, 6]. Именно осуществление хлебозаготовок методами, присущими прежде военному коммунизму, стало основной причиной голода на Северном Кавказе.

Если прежде на официальном уровне говорилось, что ВКП(б) всецело поддерживала политику ЦК в деревне, то в 1991 г. Е.Н. Осколков первым отметил, что для осуществления своей политики центральному руководству пришлось реформировать местные ячейки.

По его подсчетам, к 1933 г. из Ростовской организации ВКП(б) по решению Кремля изгнали и подвергли репрессиям более 40 тыс. человек.

Характерно, что в условиях утверждающегося антикоммунизма Е.Н. Осколков заострил внимание на массовых репрессиях в отношении рядовых коммунистов. Он указал на необходимость учета их в числе жертв голода 1932–1933 гг. и сталинских чисток.

Е.Н. Осколков считал голод 1932–1933 гг. трагедией всего советского крестьянства, результатом осуществления сталинской модели форсированной индустриализации, обусловившей насильственную коллективизацию. Он был противником зарождающейся в начале 1990-х гг. концепции «украинского голодомора».

Вклад Е.Н. Осколкова в изучение голода 1932–1933 гг. отмечали многие авторы. Так, В.В. Кондрашин писал: «Применительно к изучению темы в российских регионах первооткрывателем можно считать замечательного ростовского историка Е.Н. Осколкова. На материалах местных архивов он первым дал всестороннюю характеристику ситуации на Дону и Кубани в 1932–1933 гг., показал насильственный характер хлебозаготовок и весь ужас наступившего в регионе голода» [7, с. 27–28].

Кондрашин также подчеркивал, что в условиях антикоммунистической истерии Осколков заострил внимание на фрагментарности ВКП(б) и массовых репрессиях в отношении рядовых коммунистов, что развенчивало установки либерально-западнической историографии.

Важной вехой творческой биографии Е.Н. Осколкова стала статья [8], написанная в соавторстве с ведущими российскими историками-аграрниками. В отличие от украинских авторов, прежде всего

С. Кульчицкого (ведущий авторитет в проекте «голодомор»), российские ученые исходили из анализа голода 1932–1933 гг. как одновременно ситуации и системности.

Украинской концепции голода как «этноцида», осуществляемого Кремлем и продавшей ее тогда Москве киевской колониальной администрацией, российские авторы противопоставили подход «организованного голода», аргументированно показывая, что голод 1932–1933 гг. был искусственно «организован» сталинским руководством, поскольку в СССР в целом было достаточно зерна для обеспечения сельского населения до следующего урожая. Засухи 1931 и 1932 гг. не могли вызвать массового недорода зерна, как в 1921 г. К голоду привела проводимая тогда Кремлем политика хлебозаготовок, направленная на изъятие хлеба из деревни и служившая интересам форсированной индустриализации.

Решая проблему соотношения общего и особенного в истории голода, российские ученые пришли к выводу, что картина общекрестьянской трагедии во всех переживших ее регионах по существу была идентичной. И если характеризовать голодомор 1932–1933 гг. как «целенаправленный геноцид украинского крестьянства», на чем настаивают в Киеве, то надо иметь в виду, что геноцид в равной мере был в среде и российского крестьянства – Дона, Кубани, Поволжья, Центрального Черноземья, Урала, и особенно скотоводов и земледельцев Казахстана, т. е. всех регионов и республик СССР, охваченных тогда массовым голодом.

Здесь следует подчеркнуть вклад Е.Н. Осколкова в разделение хронологических границ голода. По его мнению, не совсем верно отделять события 1931–1932 гг. от голода 1933 г. Показателен его вывод: события 1931–1932 гг. – чрезмерные хлебозаготовки, администрирование, занесение станиц на «черную доску» и др. – приводили к голоданию населения и готовили ухудшение ситуации в конце 1932 – начале 1933 г. Ситуационный голод начался еще в 1931 г., в 1932 г. перерос в системный и достиг апогея в конце 1932 – апреле 1933 г.

Отметим, что круг научных интересов Е.Н. Осколкова выходил далеко за рамки аграрной истории. Он автор ряда статей по различным вопросам политической истории СССР и КПСС, руководитель авторских коллективов по написанию обобщающих трудов по истории региона. Е.Н. Осколков предметно анализировал нарастающую бюрократизацию партийно-советской системы управления страной, усиление застойных явлений в обществе в этот период. На одной из последних университетских партийных конференций, когда организаторы долго не объявляли неожиданные результаты голосования на выборах в партком, он сказал своему докторанту, что эта ситуация показательна для всей страны. И добавил: «Если бы провести честные выборы по всей стране, итоги поразили бы всех».

Кроме того, Е.Н. Осколков стал ответственным редактором во многом инновационного издания [9]. В этой книге, несмотря на контроль со стороны консервативно настроенного обкома КПСС, обозначены острые сюжеты истории, которые ранее не освещались в учебных пособиях: большевистское террористическое рассказывание в годы Гражданской войны, реабилитация казачества в период нэпа, массовый террор в середине 1930-х гг., кадровые чистки 1937–1938 гг., многие проблемы в развитии страны в 1960-х гг.

Ученый отмечал: «Врагами партии, рабочего класса и колхозного крестьянства был объявлен и ряд коммунистов – руководители и рядовые, не обеспечившие выполнения заданий по хлебозаготовкам. Против них также были применены суровые репрессивные меры. В некоторых парторганизациях было исключено из партии до 90 % коммунистов». В этом было главное отличие его позиции от взглядов тех историков, которые примитивно видели в компартии только сталинизм, забывая об оппозиции, о том, что тысячи коммунистов были расстреляны за несогласие со сталинизмом.

Е.Н. Осколков – образец чести и порядочности, скромности и отзывчивости, интернационализма и патриотизма. Он был подлинно русским интеллигентом, прекрасно знавшим литературу и искусство. Даже в советское время он с иронией относился к массовым идеологическим кампаниям и воспринимал их как некую обязанность.

Научная общественная деятельность профессора Евгения Николаевича Осколкова получила высокую оценку. Он награжден пятью медалями, почетными знаками, неоднократно отмечался грамотами обкома КПСС, ректората и парткома Ростовского университета. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Крупный ученый, принципиальный гражданин, приветливый и доброжелательный человек, он пользовался большим уважением своих коллег,

преподавателей гуманитарных и социальных наук вузов региона, многочисленных студентов и аспирантов.

Умер Е.Н. Осколков в декабре 1995 г. Память о нем надолго останется у всех, кто его знал.

Список источников

1. Осколков Е. Н. К вопросу о формах и методах вовлечения крестьян в колхозы в 1930–1931 гг. // Учен. зап. (Ростов н/Д. ун-т). Тр. ист.-филол. фак-та. 1958. Т. 63, вып. 3. С. 247–248.
2. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар: Кн. изд-во, 1972. 823 с.
3. Осколков Е. Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа: очерки истории парт. руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хоз-в. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. 311 с.
4. Пути познания : биографические очерки о видных ученых Ростовского государственного университета им. М.А. Сулова / отв. ред. В. И. Филоненко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 256 с.
5. Осколков Е. Н. Голод 1932/1933 гг.: хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Сев.-Кавк. крае. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. 91 с.
6. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1993. № 1–2. С. 3–23.
7. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 519 с.
8. Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256–262.
9. Сквозь ветры века : очерки истории Рост. обл. организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.) / Ю. И. Серый, Л. А. Донскова, Е. И. Демешина [и др.]; редкол.: Е. Н. Осколков (отв. ред.) и др. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1988. 509 с.

References

1. Oskolkov E.N. On the question of forms and methods of involving peasants in collective farms in 1930–1931. *Scientific Notes (Rostov University). Works of the Historical and Philological Faculty*. 1958;63(3):247–248. (In Russ.).
2. Semernin P.V., Oskolkov E.N., eds. *Collectivization of agriculture in the North Caucasus (1927–1937)*. Krasnodar: Book Publishing House; 1972. 823 p. (In Russ.).
3. Oskolkov E.N. *The victory of the collective farm system in the grain regions of the North Caucasus: essays on the history of party leadership in the collectivization of peasant and Cossack farms*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 1973. 311 p. (In Russ.).
4. Filonenko V.I., ed. *Paths of knowledge: biographical essays on prominent scientists of the Suslov Rostov State University*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 1985. 256 p. (In Russ.).
5. Oskolkov E.N. *Famine of 1932/1933: grain procurements and famine of 1932/1933 in the North Caucasus region*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House; 1991. 91 p. (In Russ.).
6. Oskolkov E.N. Tragedy of the “black-dosed” villages: documents and facts. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1993;(1-2):3–23. (In Russ.).
7. Kondrashin V.V. *The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village*. Moscow: Political Encyclopedia; Fund of the First President of Russia B.N. Eltsin; 2008. 519 p. (In Russ.).
8. Zelenin I.E., Ivnitky N.A., Kondrashin V.V., Oskolkov E.N. On the famine of 1932–1933 and its assessment in Ukraine. *Domestic History*. 1994;(6):256–262. (In Russ.).
9. Seryi Yu.I., Donskova L.A., Demeshina E.I. et al. *Through the winds of the century: essays on the history of the Rostov regional organization of the CPSU (80s of the 19th century - 1987)*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1988. 509 p. (In Russ.).

С.А. Кислицын,

доктор исторических наук, профессор
Южно-Российского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,

Н.В. Стариков,

кандидат исторических наук

Над номером работали: В.В. Дашевская, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 19.06.2025. Выход в свет 24.06.2025.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 13,87. Тираж 250 экз. Заказ № 10018

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print June 19, 2025. Publication June 24, 2025.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.48. Publ. sign 13.87. Edition 250 copies. Order number 10018

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2025-2.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2025. № 2